

ВЕСЦІ

НАЦЫЯНАЛЬнай

АКАДЭМІі НАВУК БЕЛАРУСІ

СЕРЫЯ ГУМАНІТАРНЫХ НАВУК. 2024. Т. 69, № 2

ИЗВЕСТИЯ

НАЦИОНАЛЬНОЙ

АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ

СЕРИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК. 2024. Т. 69, № 2

Журнал основан в январе 1956 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель – Национальная академия наук Беларуси

Журнал зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь,
свидетельство о регистрации № 394 от 18.05.2009

*Журнал рецензируется. Входит в Перечень научных изданий Республики Беларусь
для опубликования результатов диссертационных исследований,
включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ)*

Главный редактор:

Александр Александрович Коваленя – Отделение гуманитарных наук и искусств
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Редакционная коллегия:

- В. И. Бельский** – Заместитель Председателя Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- А. И. Локотко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь (*заместитель главного редактора*)
- М. С. Макрицкая** – Издательский дом «Беларуская навука», Минск, Беларусь (*ведущий редактор журнала*)
- Е. М. Бабосов** – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- П. А. Водопьянов** – Белорусский государственный технологический университет, Минск, Беларусь
- В. В. Гниломедов** – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
- В. Л. Гурский** – Президиум Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
- А. Е. Гучок** – Высшая аттестационная комиссия Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- В. В. Данилович** – Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь
- Т. И. Довнар** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
- А. И. Жук** – Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка, Минск, Беларусь
- И. Л. Копылов** – Филиал «Институт языкознания имени Якуба Коласа» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

- А. Д. Король** – Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь
В. Л. Лакиза – Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
Н. Л. Мысливец – Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
М. В. Мясникович – Коллегия Евразийской экономической комиссии, Москва, Россия
П. Г. Никитенко – Институт экономики Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
И. В. Саверченко – Филиал «Институт литературоведения имени Янки Купалы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
А. С. Шамрук – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь
В. Н. Ярмолинская – Филиал «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора имени Кондрата Крапивы» государственного научного учреждения «Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси», Минск, Беларусь

Редакционный совет:

- А. Н. Булыко** – Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь
В. И. Васильев – Центр истории и теории культуры и академического сектора науки Федерального государственного бюджетного учреждения науки «Научный и издательский центр «Наука» Российской академии наук», Москва, Россия
Г. Генчель – Институт славистики Университета Карла фон Осецкого, Ольденбург, Германия
С. Ю. Глазьев – Коллегия по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической комиссии, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. К. Голаховска – Институт славистики Польской академии наук, Департамент лингвистики, Варшава, Польша
А. Е. Дайнеко – Белорусский республиканский фонд фундаментальных исследований, Минск, Беларусь
В. А. Ильин – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Вологодский научный центр Российской академии наук», Вологда, Россия
С. Л. Кандыбович – Российская академия образования, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, Федеральная национально-культурная автономия белорусов России, Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Консультативный совет по делам белорусов зарубежья при МИД Республики Беларусь, Москва, Россия
С. П. Карпов – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова», Москва, Россия
Е. Миронович – Белостокский университет, Белосток, Польша
А. А. Сатыбалдин – Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, Алматы, Казахстан
А. В. Смирнов – Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Институт философии Российской академии наук», Москва, Россия
Чжан Юйянь – Институт мировой экономики и политики Китайской академии общественных наук, Пекин, Китай
Янг Хюнг – Институт социологии Шанхайской академии социальных наук, Шанхай, Китай

Адрес редакции:

ул. Академическая, 1, к. 119, 220072, г. Минск, Республика Беларусь.

Тел.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Сайт: vestihum.belnauka.by

ИЗВЕСТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ АКАДЕМИИ НАУК БЕЛАРУСИ.

Серия гуманитарных наук. 2024. Т. 69, № 2.

Выходит на русском, белорусском и английском языках

Редактор *М. С. Макрицкая*

Компьютерная вёрстка *Н. И. Кацуба*

Подписано в печать 18.04.2024. Выход в свет 26.04.2024. Формат 60×84¹/₈. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 10,23. Уч.-изд. л. 11,3. Тираж 72 экз. Заказ 81.

Цена номера: индивидуальная подписка – 13,34 руб., ведомственная подписка – 31,28 руб.

Издатель и полиграфическое исполнение:

Республиканское унитарное предприятие «Издательский дом «Беларуская навука».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/18 от 02.08.2013. ЛП № 02330/455 от 30.12.2013. Ул. Ф. Скорины, 40, 220084, г. Минск, Республика Беларусь

© РУП «Издательский дом «Беларуская навука».

Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук, 2024

PROCEEDINGS

OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS

HUMANITARIAN SERIES, 2024, vol. 69, no. 2

This journal was founded in 1956

Frequency 4 issues per annum

Founded by the National Academy of Sciences of Belarus

This journal is registered by the Ministry of Information of the Republic of Belarus,
Certificate of Registration no. 394 dd. 18 May 2009

*The journal is included in The List of Journals for Publication of the Results of Dissertation Research
in the Republic of Belarus and in the database of the Russian Scientific Citation Index (RSCI)*

Editor-in-Chief:

Aleksandr Aleksandrovich Kovalenya – Department of Humanities and Arts
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Editorial Board:

Valery I. Belski – Deputy Chairman of the Council of the Republic of the National Assembly of the Republic of Belarus,
Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Aleksandr I. Lokotko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of
Sciences of Belarus, Minsk, Belarus (*Associate Editor-in-Chief*)

Marina S. Makritskaya – Belaruskaya Navuka Publishing House (*Lead Editor*)

Evgeny M. Babosov – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Pavel A. Vodopyanov – Belarusian State Technological University, Minsk, Belarus

Vladimir V. Gnilomedov – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institu-
tion “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Be-
larus”, Minsk, Belarus

Vasily L. Gurski – Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Aleksandr E. Guchok – Higher Attestation Commission of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

Vyacheslav V. Danilovich – Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Minsk, Be-
larus

Taisiya I. Dovnar – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Aleksandr I. Zhuk – Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus

Igor L. Kopylov – Branch “Institute of Linguistics named after Yakub Kolas” of the State Scientific Institution “Center for
the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk,
Belarus

Andrei D. Korol’ – Belarusian State University, Minsk, Belarus

Vadim L. Lakiza – Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Nikolai L. Myslivets – Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Mikhail V. Myasnikovich – Board of the Eurasian Economic Commission, Moscow, Russia

Petr G. Nikitenko – Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Ivan V. Saverchenko – Branch “Institute of Literary Studies named after Yanka Kupala” of the State Scientific Institution
“Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Be-
larus”, Minsk, Belarus

Alla S. Shamruk – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Veronika N. Yarmolinskaya – Branch “Institute of Art History, Ethnography and Folklore named after Kondrat Krapiva” of the State Scientific Institution “Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus”, Minsk, Belarus

Editorial Council:

Aleksandr N. Bulyko – Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

Vladimir I. Vasilyev – Center for the History and Theory of Culture and the Academic Sector of Science of the Federal State Budgetary Institution of Science «Science and Publishing Center “Nauka” of the Russian Academy of Sciences», Moscow, Russia

Gerd Hentsthel – Institute of Slavic Studies at the Karl von Ossietzky University, Oldenburg, Germany

Sergey Yu. Glazyev – Board for Integration and Macroeconomics of the Eurasian Economic Commission, Department of the Faculty of Public Administration of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Eva K. Golakhovska – Institute of Slavic Studies of the Polish Academy of Sciences, Department of Linguistics, Warsaw, Poland

Aleksey Ye. Daineko – Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research, Minsk, Belarus

Vladimir A. Il'in – Federal State Budgetary Institution of Science “Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Moscow, Russia

Sergey L. Kandybovich – Russian Academy of Education, Ryazan State University named after S. A. Yesenin, Federal National-Cultural Autonomy of Belarusians of Russia, Council under the President of the Russian Federation for Interethnic Relations, Advisory Council on the Affairs of Belarusians Abroad under the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Belarus, Moscow, Russia

Sergey P. Karpov – Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Lomonosov Moscow State University”, Moscow, Russia

Evgeni Mironovich – University of Bialystok, Bialystok, Poland

Azimkhan A. Satybaldin – Institute of Economics of the Science Committee of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Kazakhstan

Andrei V. Smirnov – Federal State Budgetary Institution of Science of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Zhan Yuyan – Institute of World Economy and Politics of the Chinese Academy of Social Sciences, Beijing, China

Yang Xiong – Institute of Sociology of the Shanghai Academy of Social Sciences, Shanghai, China

Address of the Editorial Office:

1 Akademicheskaya Str., Room 119, 220072, Minsk, Republic of Belarus.

Tel.: + 375 17 272-19-19; e-mail: humanvesti@mail.ru

Website: vestihum.belnauka.by

PROCEEDINGS OF THE NATIONAL ACADEMY OF SCIENCES OF BELARUS.

Humanitarian Series, 2024, vol. 69, no. 2.

Printed in Russian, Belarusian and English

Editor *M. S. Makritskaya*

Computer imposition *N. I. Kashuba*

Signed to print on 18.04.2024. Published on 26.04.2024. Format 60×84¹/₈. Offset paper.
Digital printing. Printed sheets 10,23. Publisher's sheets 11,3. Circulation 72 copies. Order 81.
Number price: individual subscription – BYN 13.34, departmental subscription – BYN 31.28.

Publisher and printing execution:

Republican unitary enterprise “Publishing House “Belaruskaya Navuka”.

Certificate on the state registration of the publisher, manufacturer,

distributor of printing editions No. 1/18 dated August 2, 2013. License for the press no. 02330/455 dated December 30, 2013.

Address: F. Scorina Str., 40, 220084, Minsk, Republic of Belarus.

© RUE “Publishing House “Belaruskaya Navuka”,
Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series, 2024

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

ЗМЕСТ

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ

Сокольчык В. Н., Разуванов А. И. Этические принципы использования искусственного интеллекта в исследовательской практике (на примере биомедицинских исследований)..... 95

Бельский А. М. Медиапредпочтения населения Республики Беларусь в социологическом измерении (по материалам социологических исследований) 108

ГІСТОРЫЯ

Гурын А. В. Абарона дысертацый па міжнароднай праблематыцы ў спецсаветах Беларусі ў 1991–2021 гг. 119

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР

Квилинкова Е. Н. Молдавская диаспора в Беларуси: динамика численности, расселение и причины переселения..... 128

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА

Брусевич А. А. Паэзія Марыі Канапніцкай у кантэксце беларуска-польскіх літаратурных сувязей..... 141

Мікуліч М. У. Забытыя паэты Заходняй Беларусі..... 149

ПРАВА

Перепелица Е. В. Методологический инструментарий науки информационного права 160

РЭЦЭНЗІІ

Лазаревич А. А., Никонович Н. А. Вера, истина, добро и красота..... 169

Данилов А. Н. Экология человечества на переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего 172

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

CONTENTS

PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

Sokolchik V. N., Razuvanau A. I. Ethical principles for using the artificial intelligence in research (based on biomedical research).....	95
Belski A. M. Media preferences of the population of the Republic of Belarus in the sociological dimension (based on sociological research materials)	108

HISTORY

Huryñ A. V. Defense of dissertations on international issues in the special councils of Belarus in 1991–2021	119
---	-----

ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Kvilinkova E. N. Moldavian diaspora in Belarus: population dynamics, resettlement and reasons for relocation..	128
---	-----

LITERARY SCIENCE

Brusevich A. A. The poetry of Maria Konopnicka in the context of belarusian-polish literary connections	141
Mikulich M. U. Forgotten Poets of Western Belarus	149

LAW

Perepelitsa E. V. Methodological toolkit sciences of information law	160
---	-----

REVIEWS

Lazarevich A. A., Nikonovich N. A. Faith, truth, goodness and beauty	169
Danilov A. N. Ecology of humanity at the turning point of epochs: choosing a strategy for creating the future.....	172

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [612.089:004.8]:608.1

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-95-107>

Поступила в редакцию 27.02.2023

Received 27.02.2023

ФІЛАСОФІЯ І САЦЫЯЛОГІЯ
PHILOSOPHY AND SOCIOLOGY

В. Н. Сокольчик¹, А. И. Разуванов²

¹*Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

²*Республиканский научно-практический центр медицинской экспертизы и реабилитации, Минск, Беларусь*

**ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА
В ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ ПРАКТИКЕ
(НА ПРИМЕРЕ БИОМЕДИЦИНСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Аннотация. Рассматривается актуальная для современной науки тема – этическое сопровождение исследований, выполняемых с применением искусственного интеллекта (ИИ). Несмотря на значительное количество зарубежных и отечественных публикаций, посвященных теме ИИ, концептуальное обоснование этики применения ИИ в научных исследованиях остается неразработанным. Основываясь на международных рекомендациях и статьях, а также на собственном опыте исследовательской деятельности и работы в этических комитетах, авторы определяют и анализируют базовые этические принципы использования ИИ в научных исследованиях. Предложенные принципы рассматриваются в контексте их практического применения в сфере биомедицины для защиты интересов человека и природы, в том числе для сохранения конфиденциальности данных участников, препятствия дискриминации, защиты от ошибок ИИ, уважения информированного согласия, а также соблюдения норм «открытой науки», взаимного доверия разработчиков и пользователей и др. Применение предложенных принципов ориентирует ученых, разработчиков ИИ, этические комитеты, проводящие экспертизу исследований, общество в целом на приоритеты гуманизации науки, уважение человека и природы, а также на просвещение общества, создание нормативно-правовой базы, этических рекомендаций и кодексов этики применения ИИ в научной деятельности.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), открытая наука, научное исследование, этика, управляемость, безопасность, объяснимость, эффективность, справедливость, доверие, этические комитеты

Для цитирования: Сокольчик, В. Н. Этические принципы использования искусственного интеллекта в исследовательской практике (на примере биомедицинских исследований) / В. Н. Сокольчик, А. И. Разуванов // Вест. Нац. акад. наук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 95–107. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-95-107>

Valerya N. Sokolchik¹, Aliaksei I. Razuvanau²

¹*Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

²*National Science and Practice Centre of Medical Assessment and Rehabilitation, Minsk, Belarus*

**ETHICAL PRINCIPLES FOR USING THE ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN RESEARCH
(BASED ON BIOMEDICAL RESEARCH)**

Abstract. The article is devoted to the relevant issue of modern science and ethical support for scientific research using Artificial Intelligence (AI). Despite a significant number of foreign and domestic publications about AI, the conceptual framework for the ethics of scientific research using AI remains undeveloped. Based on the international recommendations and articles, as well as own research experience and membership of research ethical committees, the authors define and analyze the basic ethical principles for the scientific research using AI. The proposed principles are considered in the context of their practical application in the field of biomedicine, which are connected with protection of the mankind and nature, maintaining the confidentiality of participants' data, preventing discrimination, protecting against errors of AI, respecting informed consent, as well as observing the norms of “open science”, mutual trust from developers and users, etc. The application of the

proposed principles orient the scientists, the developers of artificial intelligence, ethical committees, realizing review process, all society, to the priority of the humanization of science, respect for man and nature, as well as education of society regarding to AI, the creation of a regulatory framework, ethical recommendations and codes of ethics for the using of AI in scientific research.

Keywords: Artificial Intelligence (AI), Open Science, scientific research, ethics, governability, safety, explainability, efficiency, justice, trust, ethics committees

For citation: Sokolchik V. N., Razuvanau A. I. Ethical principles for using the artificial intelligence in research (based on biomedical research). *Vestsi Natsyonal'noi akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 95–107 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-95-107>

Введение. Использование искусственного интеллекта (ИИ) сегодня является основой практически любой деятельности. Современная наука активно внедряет системы ИИ, но особенно актуальным это становится для новой парадигмы «open science» (открытая наука), существование которой, по сути, определяется взаимодействием с ИИ. Открытая наука основывается на машинном интеллекте как в методологии и используемых технологиях, так и при анализе «больших данных», обработке полученных результатов, а также при распространении данных исследований через открытые источники (такие, как научные платформы, социальные сети и т. д.) [1].

Применение ИИ в науке, особенно связанной с изучением человека, общества, биосферы, априори требует гуманистического сопровождения исследований, предполагая формирование этико-правовых установок, определяющих границы и рамки использования ИИ. Независимо от нашего восприятия ИИ в его «слабом» (как машин и алгоритмов, решающих конкретные задачи) или «сильном» варианте (как искусственного аналога разума, способного к мультифункциональности и самообучению) этические принципы построения и взаимоотношения с ИИ становятся необходимой основой для технологий ИИ, выстраивая рамки (само)ограничения ИИ, направленного на сохранение человеческого и природного существования, улучшение качества жизни человека.

Ни одно современное научное исследование, в частности биомедицинское, не может осуществляться вне следования этическим нормам, поскольку предполагает использование персональных данных человека, вмешательство в его личную жизнь, манипуляции с его организмом, транслирование его мнений и т. д. Инструментами этической коррекции научных исследований являются, во-первых, этическая грамотность и подготовленность самого ученого и исследовательской команды, во-вторых, исследовательские этические комитеты (в медицине – независимые этические комитеты (НЭКи)), осуществляющие этическую экспертизу научных проектов, в-третьих, собственно общественность, представленная организациями и личностями, оказывающими влияние на постановку вопросов, дизайн исследования, распространение его данных и т. д.

Сфера исследовательской этики в целом урегулирована, включая документы (как международные, так и национальные), рекомендации, действующие этические стандарты и структуры (этические комитеты и комиссии) и т. д., но на практике о решении этических вопросов исследования задумываются далеко не всегда, зачастую предпочитая интересы и нужды науки интересам конкретных людей и природы. Соответственно, если общие принципы исследовательской этики, активно развивающейся с середины XX в., до сих пор не всегда рассматриваются в ряду приоритетов исследования, то вопросы этики работы с ИИ являются для современной науки новыми и неизученными вызовами.

Работы по формированию этики использования ИИ, в частности этики научных исследований с использованием ИИ, в современном мире ведутся очень активно. За последние 3–5 лет появилось достаточно большое количество документов, предлагающих этические регулятивы и рекомендации для разработчиков и пользователей систем ИИ. Среди наиболее значимых – рекомендации Совета по искусственному интеллекту организации экономического сотрудничества и развития (2020) [2]; этические рекомендации Международной коалиции регуляторных органов в области лекарственных средств (ICMRA) для сфер клинической медицины и фармацевтики (2021) [3]; заявление об искусственном интеллекте, робототехнике и «автономных» системах Совета Европы (2020) [4], рекомендации по этике использования искусственного интеллекта

ЮНЕСКО (2021) [5], руководство ВОЗ по этике и управлению использованием искусственного интеллекта в здравоохранении (2021) [6], Кодекс этики искусственного интеллекта Российской Федерации (2022) [7] и др. В стадии разработки находится европейский проект, реализующий построение платформы европейской открытой науки (EOSC), включающий разработку этических стандартов исследований с применением ИИ, а также рекомендации по проведению этической экспертизы исследований с применением ИИ (2022) европейского института науки Ады Лавлейс [8].

При всем кажущемся многообразии публикаций и документов по вопросам этики ИИ необходимо констатировать, что такие публикации преобладают в Западной Европе, Америке и России, в Беларуси же вопросы исследовательской этики с применением ИИ практически не рассматриваются. Методологической проблемой изучения этики ИИ становится отсутствие рефлексии над выявлением базовых принципов этики ИИ, обозначение которых позволило бы создать фундамент, на основе которого развиваются механизмы этического осмысления, обучения как человека, так и ИИ.

Цель статьи, подготовленной по результатам междисциплинарной инициативы по осмыслению этики ИИ, – проанализировать этическую систему использования ИИ в научной деятельности, выстроив иерархию взаимосвязи между этическими принципами работы с ИИ, возникающими при применении этих принципов, и способами их разрешения, актуальными для современной науки и общества.

Авторы при подготовке материала основывались на изучении современных документов, рекомендаций, кодексов, научных проектов и статей, учитывая интервью с разработчиками и пользователями ИИ в сфере научных исследований, а также базировались на собственном опыте научной деятельности в медицине и здравоохранении и опыте экспертиз этических комитетов системы здравоохранения.

Этические принципы использования ИИ в исследованиях. Этическими императивами использования ИИ в исследованиях, связанных с человеком и природой, являются главные принципы современной биоэтики. В них аккумулируются направленность всех осуществляемых действий на благо человека и природы («делай добро»), идея непричинения вреда живому («не навреди»), а также признание права человеческой личности сохранять свои ценности и определять границы своей самости (принцип автономии).

Однако для реализации этических императивов при создании систем ИИ и последующей работе с ними необходимо также разработать принципы, определяющие взаимодействие между ИИ и человеком и включающие необходимые требования к такому взаимодействию. Первый блок таких принципов – безопасность (для человека, общества, природы), управляемость, объяснимость, эффективность – условно может быть назван «объективным». Этот блок определяет надличностные этические требования, предъявляемые непосредственно к системам ИИ, этико-правовым установкам общества, а также критериям научности и обоснованности использования ИИ.

Второй блок принципов, включающий принцип справедливости и принцип доверия, условно может быть назван «субъективным», поскольку в большей степени определяется внутренними установками личности (общества), связанными с включенностью в процесс взаимодействия с ИИ и личностно окрашенным восприятием этого процесса.

Безусловно, предложенный список принципов можно расширять и дополнять, однако обозначенные конструкты являются базовыми, необходимыми как для разработчиков систем ИИ, так и для пользователей ИИ – исследователей, операторов и т. д., а также для НЭКов, проводящих экспертизу научных исследований [9]. Для разъяснения вышеназванных принципов необходимо остановиться на их функционале несколько подробнее.

Принцип безопасности. Принцип безопасности предполагает учитывать несколько параметров, необходимых для корректной работы с системами ИИ [10]. Прежде всего, безопасность содержит надежность и предсказуемость действий систем, включая четкое определение критериев надежности ИИ для человека, общества и природы, предустановленность системы анализа и исправления ошибок, продуманность системы защиты от рисков [11].

Говоря о надежности в сфере исследовательской этики, мы не рассматриваем исключительно техническую надежность системы. Здесь речь идет о разработке таких параметров надежности, которые определяют безопасность человека и природы. При этом наряду с физической безопасностью, предполагающей отсутствие физического вреда и дискомфорта для человека и природы, существует также психическая, социокультурная и другая безопасность человека. Она связана с уважением установок человеческой личности, бережным отношением к его ценностям и идеалам, неразглашением личных данных, уважением к принятому человеком решению и т. д.

Важное значение для исследований с применением ИИ имеет определение групповых и личностных рисков для участников исследований. Если групповые риски исследователь, как правило, рассматривает при продумывании дизайна исследования, то внимание к личностным рискам минимальное. Личностные риски могут возникать как по причине физического различия испытуемых (например, в медицине), так и в зависимости от ментальных, образовательных и других особенностей (значимо как в медицине, так и социологии, психологии, педагогике и т. д.), что может быть связано с неумением пользоваться предложенными девайсами или неуверенностью в достаточной защищенности своих данных и т. д. Вопросы разрешения и преодоления личностных рисков зачастую решаются через информирование, инструктирование, грамотное объяснение и желание «идти навстречу» в решении вопроса. Например, если участник биомедицинского исследования принял решение не допускать использования его данных в соответствующих базах, то такие данные должны быть не только скрыты, но и удалены (что в свою очередь требует наличия адекватных алгоритмов и технических решений). Когда исследуемый биологический материал используется без информирования (и разрешения) его владельца, это также можно расценивать как прямое нарушение параметра безопасности и необходимых критериев надежности системы. Классическим примером такой ситуации является история с «бессмертными» клетками HeLa Генриетты Лакс, использованными научным сообществом без ее разрешения (и без информирования семьи), что впоследствии повлекло серьезные проблемы для исследователей. Так, для урегулирования ситуации совместно с представителями семьи Лакс было решено опубликовать расшифровку генома HeLa, ограничив к ней доступ. При желании ознакомиться с этими важными данными ученые должны обратиться в Национальный институт здоровья (США), где их запрос будут рассматривать предметно с точки зрения целей исследования и приоритетов в распространении его результатов с участием в комиссии представителей семьи Лакс («Расшифровка генома «бессмертных» клеток HeLa привела к скандалу в США» – РИА Новости. 07.08.2013 г.).

Безопасность основывается также на устойчивости деятельности систем ИИ, т. е. бесперебойной работе продукта с учетом возможных внешних и внутренних угроз, предполагающей наличие системы самозащиты от таких угроз и влияний. Для соблюдения параметра устойчивости необходимо не только предусмотреть перечень возможных угроз, но также разработать систему соответствующей защиты (например, систему верификации, аутентификации, авторизации пользователей), а также систему оповещения заинтересованных лиц о возникновении незапланированных влияний [12; 13]. В значительной степени устойчивость (и, как следствие, безопасность) определяется и человеческим фактором – действиями пользователей, включая исследователей, технических специалистов, испытуемых и других людей, принимающих участие в работе с системами ИИ. В данном случае для обеспечения устойчивости необходимыми условиями являются тщательное инструктирование, обучение пользователей и постоянный контроль за соблюдением полученных инструкций.

Таким образом, согласие на использование данных, наличие механизмов (алгоритмов), обеспечивающих ограничение доступа к данным, наличие многоуровневой системы защиты пользователей вкупе с защитой от ошибок и искажений ИИ, защита от несанкционированного вмешательства в деятельность системы, возможность установления и снятия ограничений для пользователей, поддержание целостности данных – это обязательные критерии, обеспечивающие безопасность использования ИИ в исследовании. На основании этих критериев должен производиться оценка адекватности использования ИИ как разработчик, так и пользователь, включая исследователя, испытуемого, а также НЭКи, проводящие экспертизу исследований.

Принцип управляемости. Принцип безопасности неразрывно связан с принципом управляемости деятельностью ИИ. Управляемость рассматривается здесь как возможность контроля работы систем ИИ и наличие четко определенной и иерархизированной системы ответственности за действия и результаты, производимые посредством ИИ. Управляемость предполагает следующее:

во-первых, изначальное определение требуемых параметров и установок для применения системы в конкретной сфере. Например, в медицине обязательным условием применения систем ИИ является соответствие таким параметрам, как физическая и психическая безопасность пациента, направленность любых действий на повышение качества его жизни, требование информирования пациента, применение существующих этико-правовых норм, экологичность и др.;

во-вторых, управляемость требует, чтобы системы ИИ (а также их разработчики и пользователи) работали строго в правовом поле, что предполагает принятие на государственном, региональном (и общемировом) уровне специальных рекомендаций и законодательных норм, включающих правовые и этические требования к работе с ИИ;

в-третьих, управляемость системами ИИ обеспечивается созданием и своевременной актуализацией цифрового кодекса (далее – Кодекс), регулирующего правовые отношения участников цифрового пространства. При этом возможность этического самообучения ИИ-систем может быть реализована путем подключения к цифров-версии Кодекса;

в-четвертых, управляемость системами ИИ основывается на формировании системы ответственности. Такая система предполагает иерархию и распределение ответственности между всеми участниками работы с ИИ – от создателя до конкретного пользователя (носителями такой ответственности становятся владельцы баз данных, разработчики, консультанты, тестирующие, поддерживающий работу персонал, а также конечные пользователи). Под конечными пользователями здесь понимаются как собственно организаторы и исполнители исследований, так и участники исследований (испытуемые), которые несут ответственность за точность соблюдения предписанных технологий, соответствие реальных условий использования ИИ обозначенным в предписании (если применимо) и др. Для решения этих вопросов необходимо на национальном уровне продумать систему взаимоотношений вышеперечисленных акторов, четко определить сферу их ответственности, базовые требования и обязанности, предусмотрев анализ ответственности за сбои и погрешности на каждом жизненном цикле ИИ с последующим исправлением ошибок;

в-пятых, управляемость системами ИИ предусматривает механизмы оценки нанесенного системами ИИ вреда (ущерба) с последующей компенсацией. Этот вопрос также должен быть регламентирован правовыми нормами, включающими условия, основания, определение размера и других параметров компенсации [14]. Для биомедицинских исследований проблема компенсаций особенно актуальна. Так, в 1980-х гг. аппарат лучевой терапии Therac-25, разработанный компанией Atomic Energy of Canada Limited «AECL», из-за сбоя в компьютерном кодировании доставлял повреждающие дозы радиации больным раком, что приводило к летальному исходу. Ответственность в этом случае до сих пор обсуждается, поскольку некоторые больницы внедрили собственные обновления систем, которые, возможно, вызвали передозировку. Поскольку в системе ИИ вовлечено много сторон (поставщик данных, разработчик, производитель, программист, пользователь и сама система ИИ), установить ответственность в спорном случае сложно, при этом необходимо учитывать множество факторов [15]. Инцидент с Therac-25 был назван одной из самых серьезных компьютерных ошибок в истории [16], требующих особенного внимания к безопасности ИИ для людей, а также решения проблем оценки и компенсации ущерба.

Принцип объяснимости. Принцип объяснимости связан с наличием принципиальной возможности понимания действий системы, прозрачностью ее алгоритмов, точностью объяснения сути и результатов процесса генерирования результатов [17]. Принцип объяснимости реализуется через критерии прозрачности действий ИИ, основываясь на принципах безопасности и управляемости.

В биомедицинских исследованиях принцип объяснимости чрезвычайно важен для пользователей – как исследователей, так и испытуемых, поскольку паттерн «черного ящика», генери-

рующего результаты, подрывает авторитет исследования и веру в его значимость. Если исследователь не понимает общий алгоритм получения результатов посредством ИИ, он перестает управлять процессом, замечать ошибки, и, соответственно, получаемые результаты становятся исключительно количественными, трудно поддающимися смысловой интерпретации. Ошибки, совершаемые ИИ, достаточно сложны для осознания, поскольку принципиально отличаются от тех, которые мог бы допустить человек. Эта тема, в частности, рассматривается в статье Сяосюань Лю «Привлечение искусственного интеллекта к ответственности» [18], где автор акцентирует внимание на том, что ошибки ИИ человек не всегда может предвидеть, исправить и даже понять.

Парадоксальный пример ошибок в действиях ИИ при диагностике приводят в статье Лорен Окден-Райнер и ее коллеги, проанализировав производительность ИИ для обнаружения перелома шейки бедра [19]. В этом исследовании было выделено несколько «режимов сбоев», т. е. склонность ИИ к периодическим ошибкам в определенных условиях. Среди наиболее существенных «сбоев», связанных с отклонениями от заданных параметров, упоминается случай, когда ИИ «пропустил» сильно смещенный перелом шейки бедра (по мнению авторов, такое изображение даже неспециалист признал бы совершенно не отвечающим норме). Если бы врач не перепроверил полученные данные, была бы допущена серьезная ошибка в диагностике и следующей фазе исследований (лечении), при этом совершенно неясно, кто должен нести ответственность за подобную ошибку.

Не менее катастрофичными могут быть ошибки ИИ при составлении баз данных и статистической обработке результатов. Так, в мае 2018 г. цифровой помощник IBM Watson рекомендовал больным онкологическими заболеваниями неправильные и угрожающие здоровью препараты. Проблема заключалась в применении системой неправильных алгоритмов: вместо обработки данных пациентов и синтеза на этой основе новых идей лечения Watson, как выяснилось, использовал гипотетические данные. Предложения Watson основывались на предпочтениях нескольких врачей, предоставивших данные для разработки системы, а не на реальных выводах, полученных в результате анализа большого количества клинических случаев [20].

Принцип объяснимости работы системы особенно важным становится для распространения результатов исследования в социуме. Отсутствие прозрачности в объяснении подрывает доверие к исследователю (исследовательской команде): с одной стороны, окружая результат ореолом таинственности, с другой – лишая его объективности и научности.

Невозможность объяснить процесс получения результата для структур, осуществляющих этическую экспертизу исследования, как правило, приводит к отрицанию членами этических комитетов ценности самого исследования, отрицанию его научности, требованию перепроверки результатов.

Принцип эффективности. Принцип эффективности предписывает точность и аккуратность данных, собираемых и обрабатываемых системами ИИ. Важным критерием эффективности является соблюдение такого параметра, как «предел знаний», который ограничивает работу систем ИИ теми условиями и целями, для которых система была разработана. Следовательно, самовольное изменение параметров работы систем со стороны пользователей (например, изменение температурного режима, правил эксплуатации, сферы действия и т. д.) угрожает возникновением непредсказуемых ошибок, искажений и, как следствие, несостоятельности данных.

Эффективность работы систем ИИ зависит также и от умения пользователей работать с системой или данными. Иногда некомпетентность приводит к тому, что однозначность результатов анализа ИИ и предиктивные возможности системы чрезмерно преувеличиваются, в результате чего создается «видимость объективности и нейтральности выбора за счет обоснования последнего «непогрешимостью» анализа, проведенного ИИ» [21].

Эффективность работы систем ИИ определяется не только защитой от ошибок и искажений, но также и валидностью анализируемых данных. Так, известный исследователь искусственного интеллекта и его применения в научных исследованиях Сараччи писал, что при построении систем ИИ для нужд современной науки (в частности, для сбора и обработки данных) необходимо ориентироваться не на три «V» (базовые параметры работы с большими данными: где *v* (*volume*) –

размер данных, *v* (*viriety*) – разнообразие данных, *v* (*velocity*) – скорость обработки и сбора данных), но также, по мнению Сараччи, современным исследователям необходима еще одна «*v*» (*validity*) – валидность данных [22]. Валидность здесь предполагает максимальную унификацию и стандартизацию подходов и алгоритмов получения данных, постоянный анализ возможных источников искажений. Также валидность требует сбора критичных, важных данных, что определяется исследователями и экспертами в области решения поставленных задач. Хотя вопросы валидности данных прежде всего актуальны для ученых, предлагающих научные и практические выводы на основе анализа данных, однако следует помнить, что при отсутствии валидности сравнение и сопоставление данных как минимум не будут корректными, а конечный продукт не будет отвечать соображениям безопасности и защиты прав пациента.

Вышеприведенные «объективные» этические принципы работы с ИИ (безопасность, объяснимость, эффективность, управляемость) дополняются «субъективными» принципами работы с ИИ, которые, как отмечалось выше, в значительной степени связаны с установками общества и личности, определяемыми уровнем образованности, этико-правовыми нормами, отношением к научным исследованиям, степенью распространенности использования ИИ и т. д.

Принцип справедливости. Справедливость как этический принцип предполагает возможность равного доступа к использованию систем ИИ, равно как и возможность отказа от взаимодействия с ИИ или замены систем ИИ действиями человека. Например, у многих участников исследований может отсутствовать доступ к используемым электронным девайсам/программам, возможно также отсутствие знаний и умений обращения с разными технологиями ИИ при отсутствии помощи (что особенно характерно для людей пожилого возраста) и т. д. Следовательно, для многих участников исследований и пациентов пользование различными медицинскими программами, девайсами и т. д. вплоть до заказа талона на прием к врачу-специалисту на сайте может оказаться затруднительным, а порой и невозможным. Решение вопросов, связанных с равенством доступа, требует от исследователя четко определять уязвимые группы, для которых по разным причинам доступ к использованию систем ИИ может быть осложнен или невозможен, а также изначально предусматривать возможности замены алгоритмов ИИ действиями человека. Например, предоставить возможность заказать талон к врачу-специалисту по телефону (без использования интернета) или, например, вместо применения специального оборудования (девайсов) на дому предусмотреть право осуществлять необходимые действия в поликлинике под наблюдением профильных специалистов и т. д.

Безусловно, с развитием технологий ИИ параллельно развиваются образование общества и возможности людей по использованию ИИ технологий. Тем не менее не следует забывать, что сегодня достаточно большой процент людей не способны, не имеют физической возможности или по своим соображениям не желают работать с системами ИИ, и «вычеркивать» их из исследований (а тем более не оказывать медицинскую помощь) негуманно, нецелесообразно, а порой и критично для адекватности самого исследования. Важно понимать, что реализация равенства доступа испытуемых или пациентов к медицинским исследованиям предполагает наличие специальных знаний и умений у членов исследовательской команды, включающих умение грамотно разъяснять и обучать действиям с необходимыми системами ИИ, информировать об использовании приборов и т. д.

Проблема неравенства доступа к системам ИИ, которая, по сути, становится основой для ИИ-дискриминации, дополняется еще одной неявной проблемой, которую можно определить как «латентная» дискриминация. Последняя связана с когнитивной предвзятостью разработчиков, переносимой на систему ИИ. Если «явная» дискриминация достаточно легко выявляется исследователем или медицинским работником, то работать с «латентной» дискриминацией гораздо сложнее. Для этого исследователю, а также эксперту, консультанту предстоит оценить систему с точки зрения недискриминации, исключить возможность неравенства возможностей и обеспечить работу алгоритмов в соответствии с этическим принципом справедливости. Например, оценить и изменить (если возможно) параметры системы, дающей неравенство доступа, получения результата по признакам расовой, национальной, половой принадлежности, политическим взглядам, религиозным убеждениям, возрасту, социальному и экономическому статусу

или сведениям о частной жизни. По мнению М. Пицци и его коллег, алгоритмы ИИ могут «усиливать существующие неравенства между людьми или их группами, а также усугублять ущемление прав отдельных уязвимых демографических категорий» [21].

Принцип справедливости предъявляет, таким образом, серьезные требования к разработчикам систем ИИ, что предполагает не только анализ системы на наличие или отсутствие дискриминации, но также принятие мер для проверки набора данных, используемых для машинного обучения. Важными задачами становятся создание и применение методик, программных решений, изначально препятствующих возникновению дискриминации, а также адаптация алгоритмов в соответствии с национальными приоритетами и предпочтениями, особенностями ментальности, спецификой национальных (региональных) систем здравоохранения. В докладе о роли ИИ в гуманитарных исследованиях отмечается, что «...система, разработанная в Кремниевой долине, но развернутая в развивающейся стране, может оказаться неспособной учесть уникальные политические и культурные особенности данной страны. Разработчик может не знать о том, что в стране N определенные стигматизированные группы населения недостаточно представлены или вовсе остаются невидимыми в наборах данных, и потому не исправит это предубеждение в обучающей модели» [21]. Таким образом, главной этической рекомендацией выполнения принципа справедливости становится внимание разработчиков к специфике модели, с которой они будут работать, включая ее социокультурные особенности. Также необходимы постоянные консультации разработчиков со специалистами той профессиональной сферы, для которой разрабатывается программа (алгоритм). Немаловажным является и требование разработки грамотных и понятных инструкций для работы с конкретной системой ИИ.

Со стороны исследовательской команды для обеспечения принципа справедливости необходимо повышение своей квалификации (уровня знаний) в контексте работы с ИИ, точное следование инструкциям и обязательное предварительное тестирование работы системы с определением рисков в отношении возможной дискриминации участников исследования, с последующим осуществлением соответствующих поправок (если необходимо).

Принцип доверия. Самый сложный в силу своей «субъективности» и относительности – это этический принцип, который основывается на взаимоотношении людей и систем ИИ, – принцип доверия. Этот принцип в отношениях между людьми означает уверенность в человеке, его добропорядочности, искренности намерений и, как следствие, формирование основанных на такой уверенности взаимоотношений. Однако в ситуации с ИИ в системе взаимодействия участвуют как люди, так и «неодушевленный» ИИ, поэтому наряду с «уверенностью» для формирования доверия значимо также субъективное ощущение надежности и принятия.

Понимание доверия предполагает, как минимум, три «среза» взаимоотношений:

доверие потребителей информационных продуктов к разработчикам, предполагающее постоянное и непосредственное решение с ними возникающих проблем;

доверие разработчиков к потребителям, понимаемое как уверенность в ответственности, грамотности, тщательности потребителей в отношении ИИ, строгое следование подготовленным инструкциям;

доверие потребителей к собственно искусственному интеллекту, выражающее чаще всего субъективное эмоциональное отношение человека к ИИ.

Все эти три «среза» доверия базируются на решении нескольких базовых проблем. Прежде всего, это проблема защищенности данных пользователей, которая становится максимально актуальной в контексте биомедицинских исследований, в частности, при использовании парадигмы открытой науки [23]. Фундаментом решения вопроса является четкое определение используемых в современном научном дискурсе понятий «идентифицирующие данные» (данные, через которые можно определить конкретную личность) и «неидентифицирующие», «обратимо анонимизируемые» (обратимо «обезличенные»), псевдоанонимизируемые, персональные и другие данные.

Следующий шаг – формирование возможности использования персональных данных (с разрешения их владельца) и персональной информации ограничено, т. е. построение систем ИИ с учетом ограничения и регулирования доступа к данным. Например, в медицине, в том числе

биомедицинских исследованиях, вопросы доступа к данным пациентов становятся чрезвычайно чувствительными: это связано, в частности, с проблемой возможного доступа к истории болезни, результатам скринингов и другой информации о пациентах со стороны специалистов, непосредственно не участвующих в исследовании или оказании медицинской помощи (сотрудники информационных служб, разработчики, обслуживающий системы ИИ персонал и т. д.), а также врачей-специалистов, медицинского персонала, не имеющих отношения к лечению и обследованию конкретного пациента.

Такая проблема особенно усложняется в связи с использованием больших данных, которые представляют собой огромный массив информации (не только медицинской) о каждом пациенте или испытуемом, аккумулируемой системами ИИ через социальные сети, показатели различных девайсов и даже через телефонные разговоры. Безусловно, для биомедицинских исследований анализ таких комплексных данных абсолютно бесценен, но и риск, что персональные данные станут известны посторонним лицам, достаточно велик. Например, проходя генетическое тестирование, пациент получает очень важную информацию, возможно, определяющую его будущее (наследственные болезни, возможность иметь детей, предрасположенности к заболеваниям и т. д.), но утечка подобной информации в буквальном смысле способна разрушить его жизнь [24]. Таким образом, вопрос регулирования/ограничения доступа к данным дополняется требованием защиты данных через разработку алгоритмов, максимально не подверженных внешним и внутренним рискам.

Второй базовой проблемой, связанной с доверием, является информированное согласие. Информированное согласие (ИС) участника исследований и испытаний – обязательное условие любого биомедицинского исследования. ИС понимается как официальный документ, где на основании предоставленной информации о проводимом исследовании, возможных рисках и потенциальных благах испытуемый дает свое разрешение (согласие) на участие в исследовании [25]. К сожалению, даже тщательно разработанное согласие не всегда отвечает этическим требованиям современной науки и, в частности, требованиям работы с системами ИИ. Например, далеко не всегда испытуемого ставят в известность или спрашивают его волю о дальнейшем хранении и использовании взятого у него биологического материала, данных скринингов и диагностики, что необходимо для создания баз данных. В ИС также должны включаться разъяснения о возможном использовании мобильных приложений в ходе исследований (если применимо), поясняющие, что данные устройства не предназначены для использования в медицинских целях диагностики, мониторинга, лечения, реабилитации, не соответствуют требованиям информационной безопасности в рамках принципов «проектируемой безопасности» и «проектируемой конфиденциальности» [26].

Решение человека, которое он выражает в ИС относительно своих данных и биологических материалов, безусловно, должно неуклонно соблюдаться. Различные виды информированных согласий, в том числе позволяющие назначить «третью сторону» для последующего решения об использовании данных и материалов или ограничить использование, а также уничтожить данные, уже в достаточной степени разработаны в рамках исследовательской этики, поэтому авторы не считают необходимым останавливаться на этом вопросе подробно [27, с. 67–95].

Еще одна проблема, связанная с доверием ИИ, по мнению авторов, заключается в нередко встречающейся «боязни» или неприятия человеком ИИ. Решение этой проблемы лежит в плоскости просвещения и образования общества, создания надежных алгоритмов ИИ и формирования уверенности человека в том, что окончательное решение всегда остается за ним. Речь идет о безусловном праве человека распоряжаться своими данными, принимать решения на основе предоставленной информации и личностных ценностей. В контексте биомедицинских исследований важно акцентировать право и обязанность человека принимать важные решения, касающиеся жизни и здоровья. Примерами таких «человеческих» решений в биомедицине являются те, от которых зависят качество жизни, здоровье и существование в социуме: например, постановка диагноза, решение о паллиативной помощи, распределение ограниченных ресурсов жизнеобеспечения и т. д. ИИ может заменить человеческий труд или аналитическую деятельность, но в большинстве случаев ИИ не может заменить человека «при принятии решений по

особо деликатным вопросам или по проблемам, без устранения которых могут наступить значительные негативные последствия» [22].

Решение проблемы недоверия человека к ИИ, а порой и агрессии в отношении ИИ обеспечивается также через:

прозрачный анализ ошибок, совершаемых ИИ, и их последующую проработку (что тесно связано с реализацией этических принципов безопасности, объяснимости, управляемости);

предусмотренность «человеческих» альтернатив системам ИИ (например, альтернативы использования «ботов»);

оценку профессионализма разработчиков программ в рамках доступа к созданию социально значимого продукта (например, для биомедицинских исследований) вкупе с междисциплинарным обсуждением таких программ;

обязательное внедрение в программы ИИ этических императивов и алгоритмов;

привлечение независимых экспертов для высококвалифицированной оценки систем ИИ.

Выводы. Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать вывод о том, что экспликация и анализ основных этических принципов исследований с участием ИИ в контексте безопасного, взаимовыгодного и бесконфликтного взаимодействия ИИ, человека, общества и природы – это первый шаг для осмысления новых вызовов открытой науке, что позволяет создать основу для решения проблем, связанных как с разработкой и обучением ИИ, так и организацией исследований и их этической экспертизой.

Наряду с предложениями, адресованными разработчикам и пользователям ИИ, которые уже были высказаны ранее, считаем необходимым акцентировать внимание на следующих важных положениях:

решение проблемных вопросов, связанных с использованием (совершенствованием) ИИ, должно быть междисциплинарным практически на всех ступенях жизненного цикла ИИ, поскольку междисциплинарность позволяет объединить усилия специалистов в области создания ИИ, специалистов профессиональной сферы, для которой разрабатывается система ИИ, а также специалистов в области этики, права, психологии и т. д., которые обеспечивают адаптацию ИИ для работы в социуме и адаптацию человека к работе с ИИ;

создание этических кодексов для ИИ сегодня необходимо для всех участников взаимодействия «ИИ – человек». Несмотря на то что за последние годы в мире многие организации как локального, так и надгосударственного уровня разрабатывают такие кодексы, проблема остается открытой в силу того, что создаваемые кодексы не основываются на единых принципах, зачастую создаются под ценности и нужды конкретной организации или проекта и не имеют правовой силы [28];

необходимым шагом для развития ИИ и, соответственно, научных исследований с использованием ИИ является создание на основе этических принципов работы с ИИ нормативно-правовой базы, определяющей ответственность, права и обязанности сторон – участников процесса разработки и использования ИИ;

просвещение общества в отношении ИИ, постоянное обучение работе с ИИ участников процесса научных исследований являются необходимым фундаментом развития современной науки, в частности, развития парадигмы «открытая наука»;

важная роль при проведении исследований с использованием ИИ должна отводиться этическим комитетам (или иным этическим структурам). В системе биомедицины – это НЭЖи, обеспечивающие этическую экспертизу исследований, оценивающие соблюдение прав человека и прав природы, соблюдение этико-правовых принципов исследования [9]. К сожалению, существующие в сфере медицины НЭЖи не всегда готовы качественно проводить этическое сопровождение и экспертизу исследований, организованных с применением ИИ, в силу недостаточности знаний об ИИ, неразработанности этических (и правовых) норм исследований с использованием ИИ, отсутствия соответствующих рекомендаций и т. д. В других профессиональных сферах, связанных с исследованиями человека, общества, природы (социология, педагогика, психология, история, экология и т. д.), в нашей стране этические структуры для проведения экспертизы исследований фактически отсутствуют. На сегодняшний день для них не существует ни реко-

мендательных установок, ни правовой базы. Соответственно, реальные практики исследовательских этических комитетов вне медицины крайне редки. Создание и обеспечение работы исследовательских этических комитетов, в частности, подготовка их работы с исследованиями, использующими ИИ, – современное требование развития науки в нашей стране.

Таким образом, необходимо отметить, что тема изучения ИИ по-прежнему остается открытой для изучения, но особенное значение сегодня имеют вопросы этики ИИ. В контексте исследований и испытаний для работы с ИИ современной науке необходимы этические структуры, способные проконсультировать исследователя, провести экспертизу полученных материалов, способствовать распространению научных знаний в обществе и т. д. Разработка парадигмы деятельности таких структур и изучение лучших практик их работы – тема, требующая дальнейшего исследования и развития.

Список использованных источников

1. Предварительный проект Рекомендации ЮНЕСКО об открытой науке [Электронный ресурс] // UNESCO. – Режим доступа: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374837_rus. – Дата доступа: 01.02.2023.
2. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence [Electronic resource] // Organisation for Economic Co-operation and Development. – Mode of access: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/OECD-LEGAL-0449>. – Date of access: 07.02.2023.
3. Artificial Intelligence in medicine regulation [Electronic resource] // European Medicines Agency. – Mode of access: <https://www.ema.europa.eu/en/news/artificial-intelligence-medicine-regulation>. – Date of access: 01.02.2023.
4. Statement on artificial intelligence, robotics and «autonomous» systems: Brussels, 9 March 2018 / Europ. Group on Ethics in Science a. New Technologies. – Luxembourg: Publ. Office of the EU, 2018. – 20 p. <https://doi.org/10.2777/531856>
5. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence [Electronic resource] // UNESCO. – Mode of access: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455.locale=en>. – Date of access: 01.02.2023.
6. Ethics and governance of artificial intelligence for health [Electronic resource]: WHO guidance / World Health Organization. – Geneva: World Health Organization, 2021. – Mode of access: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240029200>. – Date of access: 07.02.2023.
7. Кодекс этики в сфере ИИ [Электронный ресурс] // Альянс в сфере искусственного интеллекта. – Режим доступа: <https://ethics.a-ai.ru>. – Дата доступа: 01.02.2023.
8. Looking before we leap: expanding ethical review processes for AI and data science research [Electronic resource]: Dec. 2022 // Ada Lovelace Institute. – Mode of access: <https://www.adalovelaceinstitute.org/report/looking-before-we-leap/>. – Date of access: 07.02.2023.
9. Сокольчик, В. Н. Роль этических комитетов в обеспечении прав человека при проведении биомедицинских исследований и испытаний в Республике Беларусь / В. Н. Сокольчик // Тр. БГТУ. Сер. 6, История, философия. – 2021. – № 1 (245). – С. 146–150.
10. Асеева, И. А. Искусственный интеллект и большие данные: этические проблемы практического использования. (Аналитический обзор) / И. А. Асеева // Соц. и гуманитар. науки. Отечеств. и зарубеж. лит. Сер. 8, Науковедение. – 2022. – № 2. – С. 89–98. <https://doi.org/10.31249/naukoved/2022.02.02>
11. Hagendorff, T. The ethics of AI ethics: an evaluation of guidelines / T. Hagendorff // Minds Machin. – 2020. – Vol. 30, № 1. – P. 99–120. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1903.03425>
12. Романова, И. Н. Применение искусственного интеллекта в сфере здравоохранения / И. Н. Романова, О. В. Намов // Устойчивое развитие: исследования, инновации, трансформация: материалы XVIII Междунар. конгр. с элементами науч. шк. для молодых ученых: в 2 т. / отв. ред.: А. В. Семёнов, П. Н. Кравченко. – М., 2022. – Т. 1. – С. 460–468.
13. Vincent-Lancrin, S. Trustworthy artificial intelligence (AI) in education: promises and challenges / S. Vincent-Lancrin, R. van der Vlies. – Paris: OECD Publ., 2020. – 17 p. – (OECD Education Working Paper; no. 218). <https://doi.org/10.1787/a6c90fa9-en>
14. Legal and ethical consideration in artificial intelligence in healthcare: who takes responsibility? / N. Naik [et al.] // Front. Surg. – 2022. – Vol. 9. – Art. 862322. <https://doi.org/10.3389/fsurg.2022.862322>
15. Lynch, J. The worst computer bugs in history: race conditions in Therac-25 [Electronic resource] / J. Lynch // BugSnag: SmartBear. – Mode of access: <https://www.bugsnag.com/blog/bug-day-race-condition-therac-25/>. – Date of access: 07.02.2023.
16. Lynch, J. Therac-25 causes radiation overdoses [Electronic resource] / J. Lynch // BugSnag : SmartBear. – Mode of access: <https://www.bugsnag.com/blog/bug-day-race-condition-therac-25>. – Date of access: 01.02.2023.
17. Reddy, S. Explainability and artificial intelligence in medicine / S. Reddy // Lancet Digit. Health. – 2022. – Vol. 4, № 4. – P. 214–215. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00029-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00029-2)
18. The medical algorithmic audit / X. Liu [et al.] // Lancet Digit. Health. – 2022. – Vol. 4, № 5. – P. 384–397. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00003-6](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00003-6)
19. Validation and algorithmic audit of a deep learning system for the detection of proximal femoral fractures in patients in the emergency department: a diagnostic accuracy study / L. Oakden-Rayner [et al.] // Lancet Digit. Health. – 2022. – Vol. 4, № 5. – P. 351–358. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00004-8](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00004-8)

20. Шнуренко, И. Искусственный интеллект на грани нервного срыва / И. Шнуренко // Эксперт. – 2019. – № 1–3 (1103). – С. 39–42.
21. Пицци, М. ИИ в гуманитарной деятельности: права человека и этика / М. Пицци, М. Романофф, Т. Энгельхардт // Междунар. журн. Крас. Креста. – 2021. – № 913. – С. 187–234.
22. Saracci, R. Epidemiology in wonderland: Big Data and precision medicine / R. Saracci // Eur. J. Epidemiol. – 2018. – Vol. 33, № 3. – P. 245–257. <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0385-9>
23. Blueprint for an AI Bill of Rights [Electronic resource] // The White House. – Mode of access: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/>. – Date of access: 01.02.2023.
24. Социогуманитарные контуры геномной медицины / отв. ред. Е. Г. Гребенщикова. – М.: ИНИОН РАН, 2021. – 232 с.
25. Голобородько, Н. В. Рекомендации по получению информированного согласия на участие в научном исследовании: учеб.-метод. пособие / Н. В. Голобородько, В. Н. Сокольчик, А. А. Александров. – Минск: БелМАПО, 2020. – 35 с.
26. Добровольное информированное согласие / науч. ред. А. Г. Чучалин, Е. Г. Гребенщикова. – М.: Вече, 2022. – 287 с.
27. Биобанкинг: социально-гуманитарные аспекты / Е. В. Брызгалина [и др.]. – М.: Изд-во МГУ, 2018. – 231 с.
28. Principled artificial intelligence: mapping consensus in ethical and rights-based approaches to principles for AI [Electronic resource]: research publ., 15 Jan. 2020, № 2020-1 / J. Fjeld [et al.] // SSRN. – Mode of access: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3518482>. – Date of access: 05.03.2024.

References

1. First draft of the UNESCO Recommendation on Open Science. *UNESCO*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000374837> (accessed 01.02.2023).
2. Recommendation of the Council on Artificial Intelligence. *Organisation for Economic Co-operation and Development*. Available at: <https://legalinstruments.oecd.org/en/instruments/oecd-legal-0449> (accessed 07.02.2023).
3. Artificial Intelligence in medicine regulation. *European Medicines Agency*. Available at: <https://www.ema.europa.eu/en/news/artificial-intelligence-medicine-regulation> (accessed 01.02.2023).
4. European Group on Ethics in Science and New Technologies. *Statement on artificial intelligence, robotics and «autonomous» systems: Brussels, 9 March 2018*. Luxembourg, Publications Office of the European Union, 2018. 20 p. <https://doi.org/10.2777/531856>
5. Recommendation on the Ethics of Artificial Intelligence. *UNESCO*. Available at: <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000380455.locale=en> (accessed 01.02.2023).
6. *Ethics and governance of artificial intelligence for health: WHO guidance*. Geneva, World Health Organization, 2021. Available at: <https://www.who.int/publications/i/item/9789240029200> (accessed 07.02.2023).
7. AI Ethics Code. *AI Alliance Russia*. Available at: <https://ethics.a-ai.ru/> (accessed 01.02.2023).
8. Expanding ethical review processes for AI and data science research: December 2022. *Ada Lovelace Institute*. Available at: <https://www.adalovelaceinstitute.org/report/looking-before-we-leap/> (accessed 07.02.2023).
9. Sokolchik V. N. The role of Ethical Committees in securing human rights regarding to biomedical research and tests in the Republic of Belarus. *Trudy BGTU. Seriya 6, Istoriya, filozofiya = Proceedings of BSTU. Issue 6, History, Philosophy*, 2021, no. 1 (245), pp. 146–150 (in Russian).
10. Aseeva I. A. Artificial intelligence and big data: ethical problems of practical use. (Analytical review). *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Seriya 8, Naukovedenie* [Social and Human Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 8. Science], 2022, no. 2, pp. 89–98 (in Russian). <https://doi.org/10.31249/naukoved/2022.02.02>
11. Hagendorff T. The ethics of AI ethics: an evaluation of guidelines. *Minds and Machines*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 99–120. <https://doi.org/10.48550/arXiv.1903.03425>
12. Romanova I. N., Naumov O. V. Application of artificial intelligence in health. *Ustoichivoe razvitie: issledovaniya, innovatsii, transformatsiya: materialy XVIII Mezhdunarodnogo kongressa s elementami nauchnoi shkoly dlya molodykh uchenykh* [Sustainable development: research, innovation, transformation: materials of the XVIII International Congress with elements of a scientific school for young scientists]. Moscow, 2022, vol. 1, pp. 460–468 (in Russian).
13. Vincent-Lancrin S., Van der Vlies R. *Trustworthy artificial intelligence (AI) in education: promises and challenges. OECD Education Working Paper, no. 218*. Paris, OECD Publishing, 2020. 17 p. <https://doi.org/10.1787/a6c90fa9-en>
14. Naik N., Hameed B. M. Z., Shetty D. K., Swain D., Shah M., Paul R., Aggarwal K. [et al.]. Legal and ethical consideration in artificial intelligence in healthcare: who takes responsibility? *Frontiers in Surgery*, 2022, vol. 9, art. 862322. <https://doi.org/10.3389/fsurg.2022.862322>.
15. Lynch J. The worst computer bugs in history: race conditions in Therac-25. *BugSnag: SmartBear*. Available at: <https://www.bugsnag.com/blog/bug-day-race-condition-therac-25> (accessed 07.02.2023).
16. Lynch J. Therac-25 causes radiation overdose. *BugSnag: SmartBear*. Available at: <https://www.bugsnag.com/blog/bug-day-race-condition-therac-25> (accessed 01.02.2023).
17. Reddy S. Explainability and artificial intelligence in medicine. *The Lancet Digital Health*, 2022, vol. 4, no. 4, pp. 214–215. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00029-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00029-2)
18. Liu X., Glocker B., McCradden M. M., Ghassemi M., Denniston A. K., Oakden-Rayner L. The medical algorithmic audit. *The Lancet Digital Health*, 2022, vol. 4, no. 5, pp. 384–397. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00029-2](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00029-2)

19. Oakden-Rayner L., Gale W., Bonham T. A., Lungren M. P., Carneiro G., Bradley A. P., Palmer L. J. Validation and algorithmic audit of a deep learning system for the detection of proximal femoral fractures in patients in the emergency department: a diagnostic accuracy study. *The Lancet Digital Health*, 2022, vol. 4, no. 5, pp. 351–358. [https://doi.org/10.1016/S2589-7500\(22\)00004-8](https://doi.org/10.1016/S2589-7500(22)00004-8)
20. Shnurenko I. Artificial Intelligence on the Verge of a Nervous Breakdown. *Ekspert [Expert]*, 2019, no. 1–3 (1103), pp. 39–42 (in Russian).
21. Pizzi M., Romanoff M., Engelhardt T. AI in humanitarian action: human rights and ethics. *International Review of the Red Cross*, 2020, vol. 102, no. 913, pp. 145–180. <https://doi.org/10.1017/S1816383121000011>
22. Saracci R. Epidemiology in wonderland: Big Data and precision medicine. *European Journal Epidemiology*, 2018, vol. 33, no. 3, pp. 245–257. <https://doi.org/10.1007/s10654-018-0385-9>
23. Blueprint for an AI Bill of Rights. *The White House*. Available at: <https://www.whitehouse.gov/ostp/ai-bill-of-rights/> (accessed 01.02.2023).
24. Grebenshchikova E. G. (ed.). *The sociohumanitarian contours of genomic medicine*. Moscow, Institute of Scientific Information in Social Sciences RAS, 2021. 232 p. (in Russian).
25. Goloborod'ko N. V., Sokol'chik V. N., Aleksandrov A. A. (eds.). *Guidelines for obtaining informed consent for scientific research*. Minsk, Belarusian Medical Academy of Postgraduate Education, 2020. 35 p. (in Russian).
26. Chuchalin A. G., Grebenshchikova E. G. *Voluntary informed consent*. Moscow, Veche Publ., 2022. 287 p. (in Russian).
27. Bryzgalina E. V., Alasaniya K. Yu., Varkhotov T. A., Gavrilenko S. M., Ryzhov A. L., Shkomova E. M.. *Biobanking: socio-humanitarian aspects*. Moscow, Publishing house Moscow State University, 2018. 231 p. (in Russian).
28. Fjeld J., Achten N., Hannah H., Nagy A., Srikumar M. Principled artificial intelligence: mapping consensus in ethical and rights-based approaches to principles for AI: research publication, 15 January 2020, no. 2020-1. *SSRN*. Available at: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3518482> (accessed 05.03.2023).

Информация об авторах

Соколыч Валерия Николаевна – кандидат философских наук, доцент. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: vsokolchik@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4975-4052>

Разуванов Алексей Иванович – кандидат медицинских наук, ученый секретарь. Республиканский научно-практический центр медицинской экспертизы и реабилитации (Колодищанский с/с, 93, д. Юхновка, 223027, Минский р-н, Минская обл., Республика Беларусь). E-mail: doc-rai@yandex.by. <https://orcid.org/0000-0001-5033-2933>

Information about the authors

Valerya N. Sokolchik – Ph. D. (Philos.), Associate Professor. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Sarganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: vsokolchik@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-4975-4052>

Aliaksei I. Razuvanau – Ph. D. (Medical Sciences), Scientific Adviser. Republican Scientific-Practical Centre of Medical Expertise and Rehabilitation (93 Kolodischansky s/s, district of the village of Yukhnovka, 223027 Minsk district, Minsk region, Belarus). E-mail: doc-rai@yandex.by. <https://orcid.org/0000-0001-5033-2933>

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 16.77:[070+654.19+004.77](476):303.4

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-108-118>

Поступила в редакцию 01.02.2024

Received 01.02.2024

А. М. Бельский

Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

**МЕДИАПРЕДПОЧТЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
В СОЦИОЛОГИЧЕСКОМ ИЗМЕРЕНИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ)**

Аннотация. Обосновывается актуальность мониторингового исследования национального информационного пространства ввиду постоянного совершенствования технико-технологических решений производства и распространения контента, а также расширения покрытия и доступа к сети Интернет, сопровождающегося медиаконвергенцией его структурных сегментов и трансформацией форм медиапотребления и медиапрактик населения. Представляется обзор актуальных научных изысканий обозначенной проблематики как по направлению изучения аспектов удовлетворения потребности в информации в структуре повседневных практик социальных субъектов, так и в направлении изменения ландшафта информационного пространства, вариативности отбора информационного контента. Основываясь на результатах республиканского репрезентативного мониторингового социологического исследования трансформации национального информационного пространства, реализуемого Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси, характеризуется его состояние в период 2022–2023 гг. в разрезе традиционных средств массовой информации и новых медиа с учетом их структурных компонентов. Отражаются востребованные и основные для граждан страны источники информации, практики их использования, уровень доверия и наиболее важные характеристики контента. Отмечается необходимость продолжения исследования процессов, происходящих внутри национального информационного пространства с целью использования наиболее эффективных стратегий выстраивания информационной политики.

Ключевые слова: традиционные средства массовой информации, радио, печатная пресса, телевидение, новые медиа, интернет-порталы, социальные сети, мессенджеры, доверие, медиапотребление, медиапрактики, информационное пространство, средства массовой информации

Для цитирования: Бельский, А. М. Медиапредпочтения населения Республики Беларусь в социологическом измерении (по материалам социологических исследований) / А. М. Бельский // Вест. Нац. акад. наук Беларуси. Сер. гуманитар. наук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 108–118. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-108-118>

Alexander M. Belski

Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus

**MEDIA PREFERENCES OF THE POPULATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS
IN THE SOCIOLOGICAL DIMENSION (BASED ON SOCIOLOGICAL RESEARCH MATERIALS)**

Abstract. The article substantiates the relevance of a monitoring study of the national information space in view of the constant improvement of technical and technological solutions for the production and distribution of content, as well as the expansion of coverage and access to the Internet, accompanied by media convergence of its structural segments and the transformation of forms of media consumption and media practices of the population. An overview of current scientific research on the identified issues is presented, both in the direction of studying aspects of satisfying the need for information in the structure of everyday practices of social subjects, and in the direction of changing the landscape of the information space, the variability of the selection of information content. Based on the results of a republican representative monitoring sociological study of the transformation of the national information space, implemented by the Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, its state for 2022–2023 is characterized. in the context of traditional media and new media, taking into account their structural components. The sources of information that are in demand and the main ones for citizens of the country, the practices of their use, the level of trust and the most important characteristics of the content are reflected. The need to continue research into the processes occurring within the national information space is noted in order to use the most effective strategies for building information policy.

Keywords: traditional media, radio, printed press, television, new media, Internet portals, social networks, instant messengers, trust, media consumption, media practices, information space, mass media

For citation: Belski A. M. Media preferences of the population of the Republic of Belarus in the sociological dimension (based on sociological research materials). *Vesti Natsyynal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 108–118 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-108-118>

Введение. Современный период развития общества характеризуется включенностью в информационное пространство всех сфер общественной жизни: от экономики и политики до культуры и образования. Встраивание в информационные потоки формирует влияние транслируемого там контента на функционирование данных сфер, сопряженное с параллельным созданием в нем новых дискурсов по его результатам. С развитием технико-технологических решений, расширяющих доступ к информации для рядовых пользователей и предоставляющих новые возможности медиаагентов в проектировании информационной повестки, актуальность исследования медиапространства возрастает.

Информационное пространство оказывает влияние на формирование общественного мнения и поведенческих практик социальных субъектов [1]. Изучение функционирования информационного пространства позволяет понять, как образуется информационный поток, какие его сегменты наиболее влиятельны, какие темы актуальны, а также каким образом развивающиеся технологии изменяют структуру востребованности отдельных его источников. Кроме того, исследование информационного пространства позволяет выявить проблемы и вызовы, связанные с цифровой безопасностью, защитой персональных данных, фейковой информацией и дезинформацией в целом. Таким образом, актуальность исследования информационного пространства обусловлена его особой ролью в современном обществе, которое уже давно и неоспоримо именуется информационным, и необходимостью постоянного учета того, как информационные потоки влияют на нашу жизнь ввиду возникновения новых возможностей создания и продвижения не всегда конструктивного контента.

Теоретико-методологические аспекты заявленной проблематики нашли свое отражение в трудах западных и отечественных исследователей. Аспекту удовлетворения потребности в информации в структуре повседневных практик уделяли внимание П. Бурдые [2], Е. Л. Вартанова [3–4], М. Маклюэн [5], Э. Мицкевич [6], Э. Берд [7], Д. Даян и Э. Катц [8], Н. Луман [9], П. Бочковский и Е. Митхельштейн [10], Д. Марли [11] и другие, причем У. Мальтхаус и Т. Ксиазек [12] отмечали в качестве особенности непосредственно перманентное медиапотребление, ставшее доступным именно в эпоху появления новых медиа. Методологические аспекты исследования СМИ отражены в работах Б. А. Грушина [13–15], С. Н. Бухарина [16], Л. В. Воронцовой [17], Б. З. Докторовой [18–19], Ч. С. Кирвеля [20], А. И. Черных [21–22]. Воздействие средств массовой информации в направлении изменения ландшафта информационного пространства рассмотрено в трудах Н. В. Ткачева [23–25], С. А. Вартанова [26–27], А. Н. Гуреева [28–29], Д. В. Дунаса [30–31], Н. Колдри и А. Хеппа [32], К. Доктора [33], Н. Фентона [34], Т. Фли [35]. Вопросу вариативности отбора информационного контента посвящены научные изыскания Э. Кинга [36], Э. Ли [37], Р. Флинна и У. Тецлафа [38], Д. Кульчицкой [39], А. Дидди и Р. ЛаРоуз [40].

Основная часть. С целью выявления особенностей функционирования национального информационного пространства и определения медиапредпочтений жителей Республики Беларусь Институтом социологии Национальной академии наук Беларуси реализовано мониторинговое исследование, включающее в себя блоки вопросов по функционированию всех его ключевых сегментов. Ниже будет представлен сравнительный анализ двух замеров общественного мнения, реализованных в 2022 и 2023 гг. Метод сбора информации – телефонный опрос во всех областных городах и г. Минске, в отобранных случайным образом в соответствии с выделенными в рамках административно-территориального деления зонами районных городах и сельских населенных пунктах. Выборочная совокупность составила по 1000 респондентов в возрасте от 18 лет, что репрезентативно отражает взрослое население страны. Метод отбора респондентов – случайный (ближайшая к дню опроса дата рождения) с контролем квот на последнем этапе. Ошибка выборки составляет 3,1 %.

В ходе исследования участникам опроса было предложено указать, из каких источников они обычно получают информацию. Оценивая всю палитру возможных вариантов, респонденты в основном отмечали телевидение (57,2 % в 2022 г. и 63,9 % в 2023 г.) и интернет-ресурсы (63,4 % в 2022 г. и 62,9 % в 2023 г.). Четверть опрошенных (20,4 % в 2022 г. и 25,2 % в 2023 г.) указали на личное общение с семьей, друзьями и соседями. Печатную прессу в качестве источника информации отметили 18,2 % опрошенных в 2022 г. и 21,7 % в 2023 г. Общение с коллегами было актуально в 2022 г. для 21,7 % и в 2023 г. для 19,7 % респондентов. Информацию из социальных сетей

18,5 % белорусов получали в 2022 г. и 17,5 % в 2023 г. Радио как источник информации отмечали 15,6 % респондентов в 2022 г. и 14,8 % в 2023 г. На мессенджеры в качестве источника получения информации указывали 10,2 % участников опроса в 2022 г. и 11,2 % в 2023 г. Книжная продукция в виде художественных книг, учебной и справочной литературы в качестве источника информации использовалась 8,3 % респондентов в 2022 г. и 10,3 % в 2023 г.

Для конкретизации мнений и оценок респондентов был использован уточняющий вопрос, целью которого было выявление основного источника информации. Следует отметить, что если ранее участникам опроса предоставлялась возможность выбора нескольких вариантов ответа из перечня, то в данном случае указать необходимо было только одну позицию. Основным источником информации для населения Беларуси являлись телевидение (33,8 % в 2022 г. и 41,8 % в 2023 г.) и интернет-ресурсы (40,6 % в 2022 г. и 36,9 % в 2023 г.). Личное общение с членами семьи и друзьями в качестве основного источника информации выбирали 5,3 % опрошенных в 2022 г. и 3,6 % в 2023 г., тогда как социальные сети были актуальны для 4,8 % респондентов в 2022 г. и 3,5 % в 2023 г. Прессу отметили 2,7 % участников опроса в 2022 г. и 2,3 % в 2023 г., общение с коллегами – 0,8 % белорусов в 2022 г. и 1,3 % в 2023 г., мессенджеры – 0,1 % в 2022 г. и 1,3 % в 2023 г., радио – 2,4 % в 2022 г. и 0,7 % в 2023 г., книжные издания – 1,3 % в 2022 г. и 0,4 % в 2023 г. Другой вариант ответа выбрали 1,2 % участников опроса в 2022 г. и 0,5 % в 2023 г., затруднились ответить 7,0 и 7,7 % респондентов соответственно. Таким образом, было зафиксировано, что у граждан страны сформированы устойчивые медиапредпочтения в отношении используемых и основных источников информации при рассмотрении их в тандеме телевидения и порталов сети Интернет как ключевых представителей традиционных и новых медиа. Влияние на выбор основного источника пары «телевидение» и «интернет-ресурсы» оказывает как близость их востребованности, так и стремительно развивающаяся медиаконвергенция, представляющая собой процесс слияния традиционных и новых медиа, при котором контент первых приобретает свой цифровой аналог в интернет-пространстве и может восприниматься как продукт новых медиа.

Телевидение, выступая основным источником информации для четырех из десяти участников опроса, транслирует как новостной контент в виде обзоров событий, интервью, документальных фильмов, так и развлекательные материалы в формате телесериалов и разного рода шоу. Телевидение является предпочтительным источником информации для тех, кто выбирает визуальное представление информации и минимум усилий по ее отбору. На данный момент телевизионный контент при помощи современных технологий сокращает временной лаг в освещении реальных событий, что увеличивает его актуальность, приближая по скорости отражения действительности к сети Интернет. Однако, что характерно и для любого другого источника информации, новые технологии позволяют телевидению оказывать значительное влияние на смещение объективности транслируемой информации, формируя часто незаметные зрителю искажения фактов, что актуализирует фактчекинг.

Уточним ключевые особенности медиапотребления телевизионного контента населением страны. На вопрос: «Как часто Вы смотрите телевизор?» 61,3 % опрошенных в 2023 г. ответили, что делали это ежедневно (в 2022 г. – 65,5 %). Смотрели телевизор несколько раз в неделю 11,7 % респондентов (в 2022 г. – 10 %), раз в неделю – 4,6 % (в 2022 г. – 2,4 %). Реже раза в неделю телевизор включали 4,4 % граждан (в 2022 г. – 8,3 %). При этом отметили, что не смотрят телевизор вовсе, 17,1 % опрошенных в 2023 г. (13,4 % – в 2022 г.). Затруднились ответить 0,9 и 0,4 % респондентов соответственно.

Представим особенности медиапотребления телевизионного контента среди граждан страны, которые используют телевизионный приемник. На вопрос о том, сколько времени в сутки участники опроса уделяют просмотру телевизионных передач, в 2023 г. было получено следующее распределение ответов: от 1 до 3 часов в день – 43,2 % (42,4 % в 2022 г.), более 3 часов в день – 34,7 % (34,1 % в 2022 г.), менее 1 часа в день – 18,1 % респондентов (20,8 % в 2022 г.). Затруднились ответить в 2023 г. – 4,0 % опрошенных (2,7 % в 2022 г.).

Согласно данным опроса, среди наиболее востребованных у белорусов в 2023 г. телеканалов были следующие: ОНТ – 40,6 % (35,7 % в 2022 г.), Беларусь-1 – 34,3 % (35,6 % в 2022 г.), НТВ-Беларусь – 28,7 % (26,0 % в 2022 г.), РТР-Беларусь – 23,8 % (14,5 % в 2022 г.), РТР-Россия – 11,6 %

(7,9 % в 2022 г.), Беларусь-2 – 10,9 % (9,5 % в 2022 г.), СТБ – 10,5 % (9,7 % в 2022 г.), Мир – 9,2 % (7,1 % в 2022 г.), НТВ-Россия – 8,8 % (7,5 % в 2022 г.), Беларусь-3 – 5,3 % (3,6 % в 2022 г.).

У граждан страны, предпочитающих смотреть телевизор, наибольший интерес вызывает транслируемый новостной контент, что отмечали 40,0 % опрошенных в 2023 г. (32,0 % в 2022 г.). Развлекательная информация в 2023 г. указывалась в качестве приоритетной 31,8 % респондентов (39,8 % в 2022 г.). Учебно-образовательную информацию предпочитали всего 8,3 % (7,1 % в 2022 г.). Телевизионная аналитика интересовала 4,6 % белорусов в 2022 г. и 8,5 % в 2023 г. Другая информация привлекала 2,8 % опрошенных (10,5 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 8,6 % участников опроса (6,0 % в 2022 г.).

Чаще всего белорусы смотрят по телевизору выпуски новостей (59,7 % в 2022 г. и 63,7 % в 2023 г.) и художественные фильмы/сериалы (61,6 % в 2022 г. и 59,6 % в 2023 г.), что коррелирует с предпочитаемым типом контента, который был рассмотрен выше. Развлекательные передачи в 2023 г. выбирали 29,8 % опрошенных (27,4 % в 2022 г.). Документальное кино интересует 19,1 % телезрителей (26,8 % в 2022 г.). Тематические ток-шоу были в поле зрения у 17,5 % респондентов (15,6 % в 2022 г.). Учебно-образовательные передачи интересовали 9,1 % белорусов (10,5 % в 2022 г.). Детские шоу просматривали 8,2 % участников опроса (14,2 % в 2022 г.), а утренние – 7,1 % (7,6 % в 2022 г.). Другой контент предпочитали 14,0 % зрителей в 2022 г. и 10,9 % в 2023 г. Затруднились ответить – 0,5 % опрошенных (0,4 % в 2022 г.). Количество респондентов, которые ответили, что «смотрят все подряд» передачи, составило всего 1,0 % (0,6 % в 2022 г.).

Обоснованный интерес вызывает то, какими характеристиками, по мнению телезрителей страны, должен обладать современный телевизионный контент. Отвечая на данный вопрос, респонденты отметили, что при просмотре телевизионных программ важнее всего достоверность информации – 54,6 % опрошенных в 2022 г. и 62,2 % в 2023 г. Содержательность была в приоритете у 28,8 % участников опроса (29,9 % в 2022 г.). Актуальность отметили 24,3 % опрошенных (25,9 % в 2022 г.), оперативность – 20,9 % (21,4 % в 2022 г.). Другие характеристики указали 0,7 % белорусов в 2022 г. и 0,1 % в 2023 г., тогда как затруднились ответить на поставленный вопрос 13,0 и 9,5 % респондентов соответственно.

Выраженность обозначенных характеристик в интегральной совокупности влияет на уровень доверия к конкретным телевизионным каналам и их группам. Агрегируя телеканалы по признаку территориальной принадлежности, отметим, что белорусским телевизионным каналам, по данным опроса, доверяли 57,2 % опрошенных в 2023 г. (57,5 % в 2022 г.), российским – 12,1 % респондентов (9,8 % в 2022 г.), другим зарубежным телеканалам – 3,2 % белорусов (5,3 % в 2022 г.). Не доверяли никаким телеканалам 6,7 % опрошенных (6,8 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 20,6 и 20,8 % респондентов соответственно.

Таким образом, телевидение занимает ключевое место среди источников информации для граждан страны, поставляя как новостной, так и развлекательный контент. Необходимо обратить внимание на оптимистичный показатель уровня доверия зрителя белорусским телевизионным каналам, подтверждающийся вхождением данных телеканалов в число наиболее просматриваемых гражданами страны. Однако не следует забывать о том, что уровень доверия не является статичным значением, т. е. он должен поддерживаться путем соответствия транслируемого контента таким характеристикам, как достоверность, содержательность, актуальность и оперативность.

Радио является одним из старейших источников информации, уступая по этим характеристикам только печатной прессе. Оно предоставляет своим слушателям доступ к новостному, культурному, образовательному, спортивному и развлекательному контенту. С развитием технологий радио стало доступно в пространстве сети Интернет, что позволяет данному источнику информации приобретать новых слушателей, однако без смены тенденции общего снижения востребованности. При этом если привычный способ прослушивания радиоэфира при помощи радиоточки или приемника в квартире утрачивает своих сторонников, то использование радио в автомобилях, учитывая рост их количества, увеличивается.

Согласно полученным данным, более половины населения страны не используют радио: об этом в 2023 г. заявили 64,5 % опрошенных (52,6 % в 2022 г.). В то же время практически ежедневно его слушали 20,5 % респондентов (23,3 % в 2022 г.), несколько раз в неделю – 7,7 % (7,4 % в 2022 г.),

реже раза в неделю – 4,2 % (12,8 % в 2022 г.), раз в неделю – 2,9 % белорусов (3,2 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 0,2 % участников опроса (0,7 % в 2022 г.).

Углубляясь в медиапрактики радиослушателей, отметим, что слушали радиопрограммы менее 1 часа в день 46,4 % опрошенных в 2023 г. (43,8 % в 2022 г.), от 1 до 3 часов в день – 25,3 % (26,6 % в 2022 г.), более 3 часов в день – 25,2 % (21,0 % в 2022 г.). Использовали радио не каждый день 3,0 % в 2022 г. и 0,9 % белорусов в 2023 г., тогда как затруднились ответить на данный вопрос 5,6 и 2,2 % респондентов соответственно.

Выделяя наиболее часто прослушиваемые белорусами радиостанции, можно отметить Радио Рокс: его выбрали 14,1 % участников опроса в 2023 г. (7,0 % в 2022 г.), Первый национальный канал белорусского радио – 11,6 % (11,4 % в 2022 г.), Радиус FM – 10,9 % (10,4 % в 2022 г.), Юнистар – 7,4 % (10,8 % в 2022 г.), Юмор FM – 5,7 % опрошенных (5,6 % в 2022 г.).

В ходе исследования у респондентов уточнялось, какое именно устройство они используют для прослушивания радиоэфира. Полученное распределение отражает консервативность медиапрактик радиослушателей ввиду приоритетности привычных трансляторов: радиоприемник актуален для 46,2 % опрошенных в 2023 г. (38,8 % в 2022 г.), автомагнитола – для 39,1 % (44,0 % в 2022 г.), мобильный телефон, смартфон, планшет – для 14,8 % (21,7 % в 2022 г.), смарт-колонка (Яндекс-станция и проч.) – для 4,7 % (2,4 % в 2022 г.), компьютер, ноутбук – для 4,0 % (4,1 % в 2022 г.), другой источник – для 4,4 % респондентов (2,0 % в 2022 г.). Затруднились ответить в 2023 г. – 0,3 % участников опроса (1,1 % в 2022 г.).

Среди радиослушателей была наиболее востребована информация развлекательного плана: этот вариант выбрали 57,9 % опрошенных в 2023 г. (62,0 % в 2022 г.). Новостную информацию предпочитали 24,2 % радиослушателей республики (20,8 % в 2022 г.). На учебно-образовательный контент ориентировались 3,5 % белорусов (1,0 % в 2022 г.). Аналитическую информацию потребляли 1,7 % опрошенных (2,7 % в 2022 г.). Другую информацию предпочли 0,3 % участников опроса (8,5 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. – 12,4 % респондентов (5,0 % в 2022 г.).

В рамках исследования радиослушателям предлагалось расставить свои приоритеты относительно формата предпочитаемых радиопередач. Наиболее востребованными у жителей страны оказались музыкальные программы: их указали в 2023 г. 70,3 % опрошенных (65,3 % в 2022 г.). Далее распределение ответов выглядело следующим образом: выпуски новостей – 41,7 % респондентов (45,3 % в 2022 г.), юмористические программы – 19,4 % (27,5 % в 2022 г.), тематические интервью и дискуссии – 6,9 % (13,4 % в 2022 г.), литературные передачи – 6,0 % (6,5 % в 2022 г.), учебно-образовательные программы – 4,9 % (2,8 % в 2022 г.), детские передачи – 2,7 % (2,9 % в 2022 г.), другой формат – 6,7 % участников опроса (9,6 % в 2022 г.). Не имеет значения тематика передач (слушают все подряд) для 11,3 % респондентов (2,9 % в 2022 г.), затруднились с ответом по 0,7 % респондентов в 2022 и 2023 гг. соответственно.

Полученное распределение показывает, что радио для населения страны выполняет скорее развлекательную функцию, чем информационную в отличие от телевидения, где вторая превалирует по востребованности над первой.

Что касается ранее выделенных характеристик транслируемой информации в плоскости радио, то следует отметить, что белорусские радиослушатели считают наиболее значимой достоверность (50,1 % в 2022 г. и 53,9 % в 2023 г.). Содержательность как характеристика информации была важна для 34,3 % опрошенных в 2023 г. (35,8 % в 2022 г.), оперативность – для 28,7 % белорусов (26,3 % в 2022 г.), актуальность – для 27,0 % участников опроса (в 2022 г. – 36,0 %). Другие характеристики отметили 0,3 % (2,9 %). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. – 9,8 % респондентов (10,2 % в 2022 г.).

По данным исследования, белорусским государственным радиостанциям в 2023 г. доверяли 55,3 % опрошенных (53,1 % в 2022 г.), местным государственным радиостанциям – 8,7 % (11,2 % в 2022 г.), международным – 5,8 % (6,3 % в 2022 г.), зарубежным – 1,6 % белорусов (8,1 % в 2022 г.). О полном недоверии заявили 8,6 % участников опроса, слушающих радиостанции в 2023 г. (3,1 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 20,0 % респондентов (18,2 % в 2022 г.).

Таким образом, радио продолжает превалировать среди используемых населением страны источников информации, однако, несмотря на цифровизацию вещания, утратило своих сторонников. Для радиослушателей характерны традиционные медиапрактики потребления его развлекательного и информационного контента, а также использование привычных источников доступа к радиоэфиру. Учитывая увеличение количества автомобилей как средства передвижения, можно прогнозировать, что число радиослушателей будет снижаться не так стремительно за счет наличия автомагнитол в качестве источников радиовещания.

Печатная пресса включает в себя такие издания, как газеты, журналы, брошюры и иную периодику. Выступая самым ранним по времени происхождения традиционным средством массовой информации в современных реалиях, данный источник информации, как и радио, подпадает под тенденцию постепенного снижения постоянной аудитории, однако за счет медиаконвергенции и наличия консервативных практик потребления контента преимущественно старшей возрастной группой населения страны все еще имеет определенную актуальность.

Отвечая на вопрос: «Как часто Вы читаете печатную прессу (газеты, журналы)?», каждый второй участник исследования (50,1 %) в 2023 г. ответил, что прессу не читает (41,7 % в 2022 г.). Несколько раз в неделю читали газеты 18,3 % (18,0 % в 2022 г.), раз в неделю – 11,7 % опрошенных (15,9 % в 2022 г.). Практически каждый день обращались к печатным изданиям 11,1 % граждан (9,9 % в 2022 г.). Реже чем раз в неделю читали газеты 7,3 % белорусов (13,2 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 1,5 % респондентов (1,3 % в 2022 г.).

Согласно данным опроса, в число наиболее востребованных белорусами печатных изданий (газет, журналов) в 2023 г. вошли такие, как «СБ. Беларусь сегодня» – 20,9 % (15,1 % в 2022 г.), «Аргументы и факты в Беларуси» – 10,6 % (10,0 % в 2022 г.), «Друг пенсионера» – 7,4 % (5,5 % в 2022 г.).

Среди разделов печатных изданий новостную информацию в 2023 г. предпочитали 50,3 % читателей (43,8 % в 2022 г.), аналитическую – 11,1 % (5,2 % в 2022 г.), развлекательную 8,0 % (16,5 % в 2022 г.), учебно-образовательную – 5,7 % (8,1 % в 2022 г.), другие разделы отметили 3,6 % респондентов (12,2 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 21,3 % опрошенных (14,2 % в 2022 г.).

Следует обратить внимание на то, что среди рассмотренных видов традиционных средств массовой информации (телевидение и радио) развлекательная компонента так значительно не резонировала с востребованностью новостной, которая в шесть раз актуальнее для читателей прессы (50,3 % к 8,0 % соответственно в 2023 г.).

Информационные предпочтения, касающиеся содержания печатной прессы, у участников опроса в 2023 г. выстроились следующим образом. Узнавали о событиях в регионе с помощью печатных изданий 48,9 % (42,1 % в 2022 г.), о новостях и событиях в целом – 44,6 % респондентов (45,6 % в 2022 г.). Предпочитали развлекательную информацию (кроссворды, сканворды, sudoku) 25,2 % (26,3 % в 2022 г.), но в то же время интересовались актуальными комментариями и консультациями специалистов 17,2 % белорусов (13,6 % в 2022 г.). Получали информацию о жизни известных людей из печатной прессы 16,1 % (22,2 % в 2022 г.), а образовательную информацию – 13,2 % граждан (15,2 % в 2022 г.). Рекламой и объявлениями в газетах и журналах интересовались 10,0 % (18,2 % в 2022 г.), увлечены играми и головоломками 9,0 % (12,0 % в 2022 г.), другие тематические направления отметили 6,1 % опрошенных (10,8 % в 2022 г.). При этом читали все подряд 17,3 % участников опроса (в 2022 г. данный показатель был на уровне 10,0 %). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 1,9 % респондентов (1,8 % в 2022 г.).

Большинство участников опроса (64,2 %), читающих прессу в 2023 г., предпочитали бумажный/печатный вариант газет и журналов (60,5 % в 2022 г.), что подчеркивает консерватизм медиапрактик белорусов. Бумажный и электронный вариант в равной степени выбирали 23,7 % опрошенных (24,5 % в 2022 г.). Сугубо электронный вариант газет и журналов привлекал всего 12,1 % респондентов (15,0 % в 2022 г.).

Среди выделенных ключевых характеристик информации читатели печатной прессы основной считали достоверность (61,7 % в 2022 г. и 66,2 % в 2023 г.). Содержательность информации важна для 39,3 % опрошенных в 2023 г. (36,6 % в 2022 г.). Оперативность считали важным критерием 24,2 % граждан (23,8 % в 2022 г.). Актуальность была наиболее значима для 19,6 % Белору-

сов (28,1 % в 2022 г.). Другие характеристики отметили 0,4 % участников опроса (0,5 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 6,6 % респондентов (9,5 % в 2022 г.).

Что касается вопроса доверия печатным СМИ, то белорусы высказались следующим образом: информации в прессе доверяли 81,2 % опрошенных в 2023 г. (79,9 % в 2022 г.), не доверяли – 7,1 % граждан (12,4 % в 2022 г.). При этом затруднились ответить 11,7 % респондентов (7,7 % в 2022 г.).

В целом печатная пресса остается источником информации, который помогает своим читателям быть в курсе происходящих событий, однако трансформация медиапространства производит смещение аудитории внутри традиционных СМИ в сторону телевидения, а в условном противостоянии традиционных СМИ и новых медиа сети Интернет, представленных интернет-порталами, социальными сетями и мессенджерами, последние укрепляют свои позиции.

Источники информации сети Интернет выполняют роль основных поставщиков самого разнообразного контента. В них можно найти огромное количество данных на самые различные темы: от новостей и научных исследований до развлекательного контента и образовательных материалов. Благодаря расширению доступа к Интернету все большая часть населения имеет возможность не только получать из Сети информацию в режиме реального времени, но и делиться своими знаниями и переживаниями, общаться с людьми по всему миру, изучать что-то новое. Аудитория интернет-пользователей с ростом медиаграмотности населения увеличивается, постепенно включая в себя и старшие возрастные группы.

Согласно результатам исследования, 69,6 % опрошенных в 2023 г. пользовались Интернетом ежедневно (в 2022 г. 70,2 %). Делали это несколько раз в неделю 7,3 % (в 2022 г. 5,0 %), раз в неделю – 1,4 % (2,4 % в 2022 г.), реже чем раз в неделю – 2,1 % белорусов (в 2022 г. 0,8 %). Отметим, что не пользовались Интернетом – 19,1 % граждан (21,2 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 0,5 % респондентов (0,4 % в 2022 г.).

Для выхода в Интернет жители Беларуси в 2023 г. чаще всего использовали мобильный телефон – 86,7 % (85,4 % в 2022 г.). Через ноутбук выходили в Интернет 21,0 % опрошенных (17,7 % в 2022 г.), стационарным компьютером пользовались 18,7 % белорусов (22,9 % в 2022 г.). Планшет для выхода в Сеть использовали 10,5 % граждан (8,3 % в 2022 г.). Другой девайс обозначили 4,5 % респондентов (3,4 % в 2022 г.).

В рамках опроса были выявлены наиболее популярные в 2023 г. у белорусских пользователей Интернетом социальные сети. Лидером оказался Инстаграм, который обозначили 33,7 % опрошенных (37,6 % в 2022 г.), немногим меньше – ВКонтакте – 31,2 % (35,5 % в 2022 г.), Одноклассники отметили 25,3 % (26,3 % в 2022 г.), а YouTube – 23,3 % респондентов (9,5 % в 2022 г.). Менее популярными среди белорусов в 2023 г. оказались следующие социальные сети: Тикток – 15,7 % (3,1 % в 2022 г.), Фэйсбук – 4,9 % (11,8 % в 2022 г.), Твиттер – 1,4 % (2,9 % в 2022 г.), Мой мир – 1,0 % (2,5 % в 2022 г.). При этом не пользовались социальными сетями 19,7 % участников опроса (14,3 % в 2022 г.).

Также были определены наиболее востребованные в 2023 г. мессенджеры. Вайбер использовали 64,9 % респондентов (49,1 % в 2022 г.), Телеграм – 28,5 % (22,0 % в 2022 г.), ВотсАпп – 18,2 % (18,3 % в 2022 г.), Скайп – 3,7 % (0,6 % в 2022 г.), Фэйсбук мессенджер – 0,9 % опрошенных (3,7 % в 2022 г.). Не пользовались мессенджерами 18,5 % белорусов в 2023 г., тогда как в 2022 г. данный показатель был несколько выше – 27,4 %. Затруднились ответить на поставленный вопрос в 2023 г. 4,9 % участников опроса (14,2 % в 2022 г.).

Новостную информацию через интернет-источники в 2023 г. предпочитали получать 34,1 % белорусов (35,1 % в 2022 г.), развлекательную – 30,8 % (29,6 % в 2022 г.), учебно-образовательную 15,5 % (16,4 % в 2022 г.), а аналитическую – 4,9 % опрошенных (4,4 % в 2022 г.). Другую информацию выделили 5,1 % граждан (8,3 % в 2022 г.). Затруднились ответить в 2023 г. на поставленный вопрос 9,6 % респондентов (6,2 % в 2022 г.). Данное распределение сближает интернет-источники с печатной прессой, где новостная повестка также была главенствующей над развлекательной составляющей.

Среди тематических направлений в 2023 г. превалирует уже развлекательная информация, на которую указали 41,9 % опрошенных (48,7 % в 2022 г.). Информацию о политике выбрали 37,3 % граждан (31,4 % в 2022 г.), медицине и здоровье – 36,9 % (39,3 % в 2022 г.), образовании

и воспитании – 28,0 % (25,4 % в 2022 г.), экономике – 26,3 % (24,4 % в 2022 г.), науке и технике – 25,8 % (32,7 % в 2022 г.), на тему спорта – 23,5 % (24,1 % в 2022 г.), для детей – 20,6 % (24,4 % в 2022 г.), региональные новости – 19,6 % белорусов (23,6 % в 2022 г.). Другие направления отметили 15,4 % участников опроса (16,4 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 2,3 % респондентов (1,9 % в 2022 г.).

Среди основных интернет-источников, используемых белорусами в 2023 г., лидирующую позицию занимают социальные сети, которые отметили 38,4 % опрошенных (46,2 % в 2022 г.), и интернет-порталы, актуальные для 38,1 % граждан (35,8 % в 2022 г.). Реже отмечались мессенджеры – всего 12,1 % респондентов (9,7 % в 2022 г.). Затруднились ответить 11,4 % участников опроса (8,3 % в 2022 г.).

Для белорусов важно, чтобы информация в интернет-источниках была достоверной – 67,5 % (64,0 % в 2022 г.), содержательной – 38,2 % (43,0 % в 2022 г.), актуальной – 27,0 % (28,7 % в 2022 г.) и оперативной – 24,9 % (30,8 % в 2022 г.). Другие характеристики посчитали актуальными 1,4 % опрошенных (1,0 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 4,5 % респондентов (3,6 % в 2022 г.).

Что касается вопросов доверия различным сегментам пространства сети Интернет, то белорусы в 2023 г. высказались следующим образом: белорусскому сегменту доверяли 45,9 % (41,6 % в 2022 г.), международному – 16,7 % (25,6 % в 2022 г.), российскому – 7,9 % опрошенных (4,8 % в 2022 г.), тогда как не доверяли никакому из представленных – 6,9 % респондентов (5,4 % в 2022 г.). Затруднились ответить по 22,6 % участников опроса соответственно.

Доверие к средствам массовой информации является важным индикатором оценки состояния национального информационного пространства. Традиционно население полагается на СМИ и получает из них информацию о происходящих событиях с анализом актуальных тенденций от экспертного сообщества и лидеров мнений. Однако доверие к средствам массовой информации может быть подорвано из-за различных факторов, среди которых выделяются явная предвзятость, недостоверность или неточность предоставляемой информации.

Для поддержания доверия к средствам массовой информации отдельным журналистам и редакциям в целом необходимо соблюдать высокие стандарты профессионализма, этики и объективности в работе. Также важно обеспечить множественность, разнообразие мнений и точек зрения, чтобы зрители, слушатели, читатели или пользователи могли получить полную и объективную картину происходящего.

Согласно полученным данным, население страны в 2023 г. в большей степени доверяло такому виду традиционных СМИ, как телевидение – 37,1 % граждан (33,3 % в 2022 г.), представителю новых медиа – интернет-ресурсам – 20,5 % (26,8 % в 2022 г.), печатной прессе – 10,2 % (10,2 % в 2022 г.), социальным сетям – 3,6 % (5,6 % в 2022 г.), мессенджерам – 2,1 % (0,8 % в 2022 г.), радио – 1,5 % респондентов (3,4 % в 2022 г.). Другие виды СМИ отметили 0,6 % опрошенных (2,3 % в 2022 г.). Никаким видам СМИ не доверяли в 2023 г. 6,3 % белорусов (6,9 % в 2022 г.). Затруднились ответить на поставленный вопрос 18,1 % участников опроса (10,7 % в 2022 г.).

Заключение. Таким образом, актуальность исследования медиапредпочтений населения страны заключается в том, что с развитием информационных технологий и технико-технологических решений медиаплатформ люди имеют все больше возможностей выбирать то, где и как они будут получать информацию. Изучение медиапредпочтений населения позволяет понять, какие источники информации в конкретный момент наиболее востребованы, какие из них вызывают больший уровень доверия. Исследования данной проблематики выявляют, какие практики доминируют в области потребления медиа. Это важно как для разработки информационной политики органов государственного управления, так и для планирования своей деятельности медиакомпаниями, рекламодателями.

В результате исследования зафиксировано, что в структуре традиционных средств массовой информации ведущая роль принадлежит телевидению, тогда как среди новых медиа население страны отдает предпочтение интернет-порталам. Источники информации могут быть популярными по разным причинам. Некоторые источники поддерживают свою аудиторию за счет достоверности и авторитетности, другие – из-за доступности и удобства. Популярность источников информации напрямую связана со сформированной у них репутацией.

Внутри традиционных СМИ наблюдаются консервативные практики медиапотребления, что влияет на уменьшение аудитории радио за счет использования привычных источников доступа к его контенту при помощи радиоприемников даже при увеличении числа автомобилей с магнитолами на душу населения ввиду низкой востребованности цифрового вещания. Снижению подвержен и сегмент печатной прессы. Это объясняется тем, что население также предпочитает преимущественно бумажный носитель издания.

При этом телевидение пользуется большей востребованностью и доверием, чем порталы сети Интернет, хотя последние наращивают свою аудиторию и влияние. Интересным является то, что для участников опроса печатная пресса играет преимущественно информационную роль, а для телевидения и радио, как впрочем и интернет-порталов, различие в приоритетности между новостной и развлекательной компонентами минимально.

Востребованность источников информации зависит от таких характеристик, как достоверность, содержательность, актуальность и оперативность. В изучаемом периоде зафиксирован высокий уровень доверия национальному сегменту информационного пространства, однако поддержание его уровня требует постоянной работы со стороны профессионалов в сфере журналистики и медиа, а также актуальной информационной политики органов власти. В то же время не теряет актуальности работа в направлении повышения уровня медиаграмотности населения, формирования информационной культуры и этикета, повышения уровня критического мышления с целью выработки практики обращения к различным источникам информации для получения полной картины событий и исключения манипулирования сознанием.

Список использованных источников

1. Бельский, А. М. Информационные поводы – триггеры и резонансные дискурсы национального медиапространства: возможности социологического анализа / А. М. Бельский // Журн. Белорусского гос. ун-та. Социология. – 2020. – № 3. – С. 111–119.
2. Бурдые, П. Социология политики / П. Бурдые. – М. : Social – Logos, 1993. – 336 с.
3. Вартанова, Е. Л. Меняющаяся архитектура медиа и цифровые платформы / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2022. – № 1 (108). – С. 8–13.
4. Вартанова, Е. Л. К вопросу о субъектности конфликта в медиакommunikационной среде / Е. Л. Вартанова // Меди@льманах. – 2021. – № 3 (104). – С. 8–19.
5. Маклюэн, М. Галактика Гутенберга : становление человека печатающего / М. Маклюэн. – М. : Академ. проект : Фонд «Мир», 2005. – 496 с.
6. Мицкевич, Э. Средства массовой информации в период перестройки / Э. Мицкевич // Социол. исследования. – 1990. – № 11. – С. 140–146.
7. Берд, Э. Средства массовой информации как партнеры в сфере образования для устойчивого развития / Э. Берд, Р. Лутц, К. Уорвик. – Бишкек, 2008. – 82 с.
8. Media events : The live broadcasting of history / D. Dayan, E. Katz. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1994. – 320 p.
9. Луман, Н. Реальность масс-медиа / Н. Луман. – М. : Праксис, 2005. – 256 с.
10. Boczkowski, P. J. The gap between the media and the public / P. J. Boczkowski, E. Mitchelstein. – N.Y. : Routledge, 2017. – 540 p.
11. Morley, D. The nationwide audience. Structure and decoding / D. Morley. – London : British Film Institute, 1980. – 91 p.
12. Ksiazek, T. B. News-seekers and avoiders : Exploring patterns of total news consumption across media and the relationship to civic participation / T. B. Ksiazek, E. C. Malthouse, J. G. Webster // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 2010. – № 54 (4). – P. 551–568.
13. Грушин, Б. А. Массовое сознание: Опыт определения и проблемы исследования / Б. А. Грушин. – М. : Политиздат, 1987. – 420 с.
14. Грушин, Б. А. Массовое сознание и массовое поведение / Б. А. Грушин // Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – М. : Из-во Моск. ун-та, 2012. – С. 367–381.
15. Грушин, Б. А. Проблемы социологии средств массовой коммуникации / Б. А. Грушин // Открывая Грушина / ред.-сост. М. Е. Аникина, В. М. Хруль. – М. : Из-во Моск. ун-та, 2012. – С. 513–549.
16. Бухарин, С. Н. Методы и технологии информационных войн / С. Н. Бухарин, В. В. Цыганов. – М. : Акад. проект, 2009. – 384 с.
17. Воронцова, Л. В. История и современность информационного противоборства / Л. В. Воронцова, Д. Б. Фролов. – М., 2004. – 192 с.
18. Докторов, Б. З. Реклама и опросы общественного мнения в США. История зарождения. Судьбы творцов / Б. З. Докторов. – М. : ЦСП, 2008. – 628 с.
19. Докторов, Б. З. Первопроходцы мира мнений : от Гэллала до Грушина / Б. З. Докторов. – М. : Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2005. – 239 с.

20. Кирвель, Ч. С. Глобализирующийся человек : от «удобства управления» к антропологическому мегакризису / Ч. С. Кирвель // Проблемы управления. – 2009. – № 4. – С. 65–79.
21. Черных, А. И. Социология СМИ / А. И. Черных // Социол. журн. – 2012. – № 4. – С. 107–135.
22. Черных, А. И. Социология массовых коммуникаций / А. И. Черных. – М. : ИД ВШЭ, 2008. – 451 с.
23. Ткачева, Н. В. Национальные медиа как инструмент в продвижении мягкой силы Китая / Н. В. Ткачева // Вестн. Моск. ун-та. – 2021. – № 6. – С. 60–82. – (Серия 10 : Журналистика).
24. Вартанова, Е. Л. К вопросу о концепции социальной ответственности СМИ в контексте информационной безопасности / Е. Л. Вартанова, Н. В. Ткачева // Вестн. Моск. ун-та. – 2008. – № 5. – С. 7–18. – (Серия 10 : Журналистика).
25. Изменение природы новостей в цифровую эпоху : теоретическое осмысление / С. Вартанов [и др.] // Меди-альманах. – 2016. – № 6. – С. 12–24.
26. Вартанов, С. А. Использование модели трехстороннего рынка в стратегировании медиаиндустрии / С. А. Вартанов // Экономика и математические методы. – 2021. – № 1 (57). – С. 43–52.
27. Вартанов, С. А. Модели экономических эффектов влияния медиа как основа методологии стратегирования медиасистемы / С. А. Вартанов // Вопр. теории и практики журналистики. – 2021. – № 4. – С. 711–733.
28. Media activity of modern Russian youth in the context of value systems / A. Gureeva [et al.] // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. – 2022. – № 1. – P. 25–44.
29. Gureeva, A. Government and Youth Communications in Social Media : Theoretical Basics and Russian Practice / A. Gureeva, D. Dunas, O. Muronets // World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies. – 2021. – P. 42–63.
30. Дунас, Д. В. Молодежный сегмент аудитории СМИ: теоретические подходы отечественных медиаисследователей / Д. В. Дунас, С. А. Вартанов // Вопр. теории и практики журналистики. – 2020. – № 1(30). – С. 106–122.
31. Мотивационные факторы медиапотребления российской «цифровой молодежи»: результаты пилотного исследования / Д. В. Дунас [и др.] // Вестн. Моск. ун-та. – 2020. – № 2. – С. 3–27. – (Серия 10 : Журналистика).
32. Couldry, N. The Mediated Construction of Reality / N. Couldry, A. Hepp. – Cambridge : Polity Press, 2017. – 290 p.
33. Doctor, K. Newsnomics : Twelve trends that will shape the news you get / K. Doctor. – N.Y. : St-Martins Press, 2010. – 240 p.
34. Fenton, N. New media, old news : Journalism and democracy in the digital age / N. Fenton. – London : Sage, 2009. – 232 p.
35. Flew, T. New media / T. Flew. – N. Y. : Oxford University Press, 2014. – 304 p.
36. King, E. Redefining Relationships : Interactivity Between News Producers and Consumers / E. King // Convergence. – 1998. – № 4 (4). – P. 26–32.
37. Lee, Y. L. The Societal Function and Impact of e-paper in the Information Age / Y. L. Lee, Y. K. So C. // 21st Century Bi-monthly. – 2000. – № 57 (2). – P. 126–134.
38. Flynn, R. J. MultiMedia – An Introduction / R. J. Flynn, W. H. Tetzlaff // IBM Journal of Research and Development. – 1998. – № 42 (2). – P. 165–176.
39. Kulchitskaya, D. Psychological prerequisites and effects of using multimedia content in the mass media / D. Kulchitskaya // Psychology in Russia : State of the Art. – 2004. – № 7 (4). – P. 88–97.
40. Diddi, A. Getting hooked on news: Uses and gratifications of the formation of news habits among college students in an Internet environment / A. Diddi, R. LaRose // Journal of Broadcasting & Electronic Media. – 2006. – № 50. – P. 193–210.

References

1. Belski A. M. Information occasions – triggers and resonant discourses of the national media space: possibilities of sociological. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Sotsiologiya* [Journal of the Belarusian State University. Sociology], 2020, no. 3, pp. 111–119 (in Russian).
2. Bourdieu P. *Sociology of politics*. Moscow, Social – Logos Publ., 1993. 336 p. (in Russian).
3. Vartanova E. L. Changing media architecture and digital platforms. *Medi@l'manakh* [Medi@lmanakh], 2022, no. 1(108), pp. 8–13 (in Russian).
4. Vartanova E. L. On the issue of subjectivity of conflict in the media communication environment. *Medi@l'manakh* [Medi@lmanakh], 2021, no. (104), pp. 8–19 (in Russian).
5. McLuhan M. *The Gutenberg Galaxy: the formation of a typing man*. Moscow, Academic project Publ.: “Mir” Foundation Publ., 2005. 496 p. (in Russian).
6. Mitskevich E. Mass media during the period of perestroika. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological studies], 1990, no. 11, pp. 140–146 (in Russian).
7. Bird E., Lutz R., Warwick K. *Mass media as partners in education for sustainable development*. Bishkek, 2008. 82 p. (in Russian).
8. Dayan D., Katz E. *Media events : The live broadcasting of history*. Cambridge, Harvard University Press, 1994. 320 p.
9. Luman N. *The reality of mass media. The reality of mass media*. Moscow, Praxis Publ., 2005. 256 p. (in Russian).
10. Boczkowski P. J., Mitchelstein E. *The gap between the media and the public*. N. Y., Routledge Publ., 2017. 540 p.
11. Morley D. *The nationwide audience. Structure and decoding*. London, British Film Institute Publ., 1980. 91 p.
12. Ksiazek T. B., Malthouse E. C., Webster J. G. News-seekers and avoiders : Exploring patterns of total news consumption across media and the relationship to civic participation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2010, no. 54 (4), pp. 551–568.
13. Grushin B. A. *Mass consciousness: Experience of definition and research problems*. Moscow, Politizdat Publ., 1987. 420 p. (in Russian).

14. Grushin B. A. *Mass consciousness and mass behavior. Opening Grushin*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2012, pp. 367–381 (in Russian).
15. Grushin, B. A. *Problems of sociology of mass media. Opening Grushin*. Moscow, Izd-vo Mosk. un-ta Publ., 2012, pp. 513–549 (in Russian).
16. Bukharin S. N., Tsyganov V. V. *Methods and technologies of information wars*. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2009. 384 p. (in Russian).
17. Vorontsova L.V., Frolov D. B. *History and modernity of information warfare*. Moscow, 2004. 192 p. (in Russian).
18. Doktorov B. Z. *Advertising and public opinion polls in the USA. History of origin. The fate of the creators*. Moscow, TsSP Publ., 2008. 628 p. (in Russian).
19. Doktorov B. Z. *Pioneers of the world of opinions: from Gallup to Grushin*. Moscow, In-t Fonda «Obshchestvennoye mneniye» Publ., 2005. 239 p. (in Russian).
20. Kirvel Ch. S. Globalizing man: from “convenience of management” to anthropological mega-crisis. *Problemy upravleniya* [Management problem], 2009, no. 4, pp. 65–79 (in Russian).
21. Chernykh A. I. Sociology of the media. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociological Journal], 2012, no. 4, pp. 107–135 (in Russian).
22. Chernykh A. I. *Sociology of mass communications*. Moscow, HSE Publishing House, 2008. 451 p. (in Russian).
23. Tkacheva N. V. National media as a tool in promoting China’s soft power. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2021, no. 6, pp. 60–82 (Episode 10 : Journalism) (in Russian).
24. Vartanova E. L., Tkacheva N. V. On the issue of the concept of social responsibility of the media in the context of information security. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2008, no. 5, pp. 7–18 (Episode 10 : Journalism) (in Russian).
25. Vartanov S. A. [et al.] Changing nature news in the digital era: theoretical understanding. *Medial'manakh* [Medialmanakh], 2016, no. 6, pp. 12–24 (in Russian).
26. Vartanov S. A. Using the tripartite market model in strategizing the media industry. *Ekonomika i matematicheskiye metody* [Economics and mathematical methods], 2021, no. 1 (57), pp. 43–52 (in Russian).
27. Vartanov S. A. Models of economic effects of media influence as the basis of the methodology for strategizing the media system. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 2021, no. 4, pp. 711–733 (in Russian).
28. Gureeva A. Media activity of modern Russian youth in the context of value systems. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2022, no. 1, pp. 25–44.
29. Gureeva A., Dunas D., Muronets O. Government and Youth Communications in Social Media : Theoretical Basics and Russian Practice. *World of Media. Journal of Russian Media and Journalism Studies*, 2021, pp. 42 –63.
30. Dunas D. V., Vartanov S. A. Youth segment of the media audience: theoretical approaches of domestic media researchers. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki* [Questions of theory and practice of journalism], 2020, no. 1(30), pp. 106–122 (in Russian).
31. Dunas D.V. [et al.] Motivational factors of media consumption of Russian “digital youth”: results of a pilot study. *Vestnik Moskovskogo universiteta* [Bulletin of Moscow University], 2020, no. 2, pp. 3–27 (Episode 10 : Journalism) (in Russian).
32. Couldry N., Hepp A. *The Mediated Construction of Reality*. Cambridge : Polity Press, 2017. 290 p.
33. Doctor K. *Newsonomics : Twelve trends that will shape the news you get*. N.Y., St-Martins Press, 2010. 240 p.
34. Fenton N. *New media, old news : Journalism and democracy in the digital age*. London, Sage, 2009. 232 p.
35. Flew T. *New media*. N.Y., Oxford University Press, 2014. 304 p.
36. King E. *Redefining Relationships : Interactivity Between News Producers and Consumers*. *Convergence*, 1998, no. 4 (4), pp. 26–32.
37. Lee Y. L., So C. Y. K. The Societal Function and Impact of e-paper in the Information Age. *21st Century Bi-monthly*, 2000, no. 57 (2), pp. 126–134.
38. Flynn R. J., Tetzlaff W. H. MultiMedia – An Introduction. *IBM Journal of Research and Development*, 1998, no. 42 (2), pp.165–176.
39. Kulchitskaya D. Psychological prerequisites and effects of using multimedia content in the mass media. *Psychology in Russia : State of the Art*, 2004, no. 7 (4), pp. 88–97.
40. Diddi A., LaRose R. Getting hooked on news: Uses and gratifications of the formation of news habits among college students in an Internet environment. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*, 2006, no. 50, pp. 193–210.

Информация об авторе

Бельский Александр Михайлович – кандидат социологических наук, доцент, заведующий Центром оперативных исследований. Институт социологии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: oper@socio.bas-net.by

Information about the author

Alexander M. Belski – Ph. D. (Sociol.), Associate Professor, Head of the Center of Operative Research. Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: oper@socio.bas-net.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК [378.245:327]«1991/2021»(476)

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-119-127>

Поступила в редакцию 14.08.2023

Received 14.08.2023

ГІСТОРЫЯ

HISTORY

А. В. Гурын

Акадэмія кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Мінск, Беларусь

АБАРОНА ДЫСЕРТАЦЫЙ ПА МІЖНАРОДНАЙ ПРАБЛЕМАТЫЦЫ Ў СПЕЦСАВЕТАХ БЕЛАРУСІ Ў 1991–2021 ГГ.

Анотацыя. Стат'я посвячана аналізу рэзультатыўнасці зашчыты дысертаций па міжнароднай праблематыцы ў Беларусі ў 1991–2021 гг., а такжэ агульнай характарыстыцы тэматыкі дысертаций па спецыяльнасцям «Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі», «Міжнароднае права. Еўрапейскае права», «Палітычныя праблемы міжнародных адносін, глабальнага і рэгіянальнага развіцця» і звязаных з імі.

Ключевыя словы: міжнародныя даследаванні, гісторыя міжнародных адносін, дысертация, савет па зашчыце, міжнародныя адносіны, знешняя палітыка, міжнароднае права, палітычныя праблемы міжнародных адносін

Для цытавання: Гурын, А. В. Абарона дысертаций па міжнароднай праблематыцы ў спецсаветах Беларусі ў 1991–2021 гг. / А. В. Гурын // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 119–127. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-119-127>

Aliaksandr V. Huryn

Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

DEFENSE OF DISSERTATIONS ON INTERNATIONAL ISSUES IN THE SPECIAL COUNCILS OF BELARUS IN 1991–2021

Abstract. The article is devoted to the analysis of the effectiveness of defending dissertations on international issues in Belarus in 1991–2021, as well as the general characteristics of the topics of dissertations on the specialties “History of international Relations and foreign policy”, “International law. European Law”, “Political problems of international relations, global and regional development” and related.

Keywords: international studies, historiography of international relations, dissertation, defense council, international relations, foreign policy, international law, political problems of international relations

For citation: Huryn A. V. Defense of dissertations on international issues in the special councils of Belarus in 1991–2021. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 119–127 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-119-127>

Уводзіны. Важным зместам навуковай дзейнасці, паказчыкам сталасці і выніковасці навуковага кірунку з'яўляюцца выкананне і абарона кандыдацкіх і доктарскіх дысертаций. Дысертация як самастойна выкананая кваліфікацыйная навуковая праца, якая сведчыць аб асабістым укладзе аўтара ў навуку і прысвечана вырашэнню навуковай задачы або вывучэнню абранай навуковай праблемы, з'яўляецца прызнаннем работы дысертанта навуковай грамадскасцю.

Пры гэтым толькі павелічэнне колькасці абарон доктарскіх дысертаций, якія павінны быць прысвечаны распрацоўцы новага навуковага кірунку і змяшчаць прынцыпова новыя навуковыя вынікі, сукупнасць якіх з'яўляецца значным дасягненнем у адпаведнай галіне навукі, спрыяе стварэнню і развіццю навуковых школ. Такім чынам, зніжэнне эфектыўнасці работы дактарантуры выклікае заняпад і пэўнага навуковага кірунку, і галіны навукі ўвогуле.

Выніковасць абароны дысертацый па міжнароднай праблематыцы ў Беларусі ў 1991–2021 гг. нельга назваць адназначнай: у гэты гістарычны перыяд назіраліся спады і дасягненні, аднак агульны вынік відавочны – у краіне склалася сістэма падрыхтоўкі кадраў найвышэйшай навуковай кваліфікацыі. Мэта артыкула – аналіз выніковасці абароны дысертацый па міжнароднай праблематыцы ў Беларусі ў постсавецкі перыяд¹.

На сённяшні дзень нельга сказаць, што самастойнасць навукі міжнародных адносін агульна прызнана, таму да яе трэба адносіць такія кірункі сацыяльных і гуманітарных навук, як тэорыя, гісторыя і сучасны стан міждзяржаўных міжнародных адносін, іх прававое рэгуляванне і палітычныя праблемы ў дадзенай галіне. У сувязі з гэтым можна канстатаваць агульнавядомы факт: навука міжнародных адносін (міжнародныя даследаванні) мае комплексны, міждысцыплінарны характар. Што тычыцца спецыяльнасцей дысертацый, то ў праблемнае поле міжнародных даследаванняў трапляюць наступныя спецыяльнасці міжнароднай тэматыкі: 07.00.05 (07.00.15) – “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” (гістарычныя навукі), 12.00.10 – “Міжнароднае права. Еўрапейскае права” (юрыдычныя навукі), 23.00.04 – “Палітычныя праблемы міжнародных адносін, глабальнага і рэгіянальнага развіцця” (палітычныя навукі), а таксама звязаныя з імі: 07.00.02 – “Айчынная гісторыя”, 07.00.03 – “Усеагульная гісторыя”, 23.00.01 – “Тэорыя і філасофія палітыкі, гісторыя і метадалогія палітычнай навукі”, 23.00.02 – “Палітычныя інстытуты, працэсы і тэхналогіі”. Такім чынам, задача артыкула – агульная характарыстыка тэматыкі дысертацый па кожнай з названых спецыяльнасцей і ўвогуле.

Асноўная частка. На мяжы 1980–1990-х гг. пачаўся якасна новы перыяд у развіцці беларускай грамадска-палітычнай навукі, што было звязана з распадам СССР і станаўленнем незалежнай Рэспублікі Беларусь. Часткай глыбокіх трансфармацыйных працэсаў, якія адбываліся ў беларускай навучы, з’явілася фарміраванне нацыянальнай школы міжнародных даследаванняў.

У савецкія часы ў БССР, асабліва ў 1970–1980-я гг., сфарміраваліся пэўныя традыцыі вывучэння і выкладання гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін. Гэтыя традыцыі развіваліся ў межах двух галоўных цэнтраў адукацыі і навукі рэспублікі – Белдзяржуніверсітэта і Акадэміі навук. Нягледзячы на тое, што доўгі час з-за адсутнасці кадраў і неадпаведнасці міжнароднай праблематыкі асноўным кірункам дзейнасці беларускай гістарычнай навукі, якім з’яўлялася вывучэнне “ўнутранай” гісторыі БССР, падраздзяленні Акадэміі навук і БДУ не маглі разгарнуць сваю працу па даследаванні гісторыі міжнародных адносін, іх дзейнасць у савецкі перыяд паспрыяла складванню асноўных тэматычных кірункаў сучаснай школы міжнародных даследаванняў, метадалагічных падыходаў, кадравага патэнцыялу і структурных адзінак.

Разам з ліквідацыяй манаполіі марксісцка-ленінскай метадалогіі ў грамадска-палітычных навукі і замацаваннем адноснага гнасеалагічнага плюралізму ў айчынную навуку вярнуліся забароненыя раней імёны, былі зняты абмежаванні на вывучэнне так званых “белых плямаў”, пачалі вывучацца новыя тэмы і закрытыя раней праблемы.

Узмацнілася таксама актуальнасць некаторых кірункаў грамадска-палітычнай навукі, якія разглядаліся як прэрагатыва Масквы і амаль не развіваліся ў БССР. Гэта тычыцца міжнародна-прававых і міжнародна-палітычных даследаванняў: і тыя, і другія ў савецкія часы ў БССР мелі эпизадны характар, таму можна адзначыць, што іх прыйшлося будаваць амаль з “нуля”.

Набыццё Рэспублікай Беларусь незалежнасці і правядзенне ёю самастойнай знешняй палітыкі патрабавалі падрыхтоўкі ўласных дыпламатычных кадраў і вывучэння вопыту замежных краін у гэтай галіне. Дзяржаўныя органы апынуліся перад неабходнасцю прыняцця мер, накіраваных на ўдасканаленне знешнепалітычнага курсу дзяржавы, правядзенне актыўнай знешняй палітыкі. Гэтыя працэсы не маглі ажыццяўляцца без паглыблення і пашырэння міжнародных даследаванняў, што стала адным з трыгераў актывізацыі падрыхтоўкі навуковых работнікаў найвышэйшай кваліфікацыі [4–5].

¹ У артыкуле акрамя абароненых дысертацый прааналізавана некалькі прац, абарона якіх не адбылася ці не зацверджана ВАК, паколькі іх аўтарамі праведзена істотная работа, апублікаваны манаграфіі і навуковыя артыкулы па тэме. Наконт некаторых прац адсутнічае адкрытая інфармацыя аб выніках абароны.

Гістарычныя навукі. На першым этапе існавання незалежнай Беларусі ў галіне развіцця гістарычнай навукі, у тым ліку і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі, адзначаліся пэўныя негатыўныя тэндэнцыі, у першую чаргу звязаныя са зменай пакаленняў даследчыкаў і скарачэннем фінансавання фундаментальнай навукі, што з’явілася прычынай істотнага адтоку кадраў. Па звестках айчыннага спецыяліста па гісторыі навукі Р. У. Карзенкі, з 1991 па 2000 г. колькасць прафесійных гісторыкаў скарацілася больш чым у два разы: ад 406 да 181 чал. Колькасць дактароў гістарычных навук практычна не змянілася, аднак колькасць кандыдатаў скарацілася больш чым удвая – ад 187 да 77 чал. [1, с. 157]. Асаблівую занепакоенасць выклікаў узрост прадстаўнікоў гістарычнага корпуса краіны: больш як палова даследчыкаў перайшла пяцідзясяцігадовы рубеж – 80 % дактароў і 25 % кандыдатаў гістарычных навук адпаведна, прычым узроставая група дактароў гістарычных навук, маладзейшых за 40 год, складала не больш за 0,5 % [1, с. 157]. Гэтая тэндэнцыя істотна не змянілася і на сучасным этапе. Так, паводле інфармацыі Нацыянальнага статыстычнага камітэта Рэспублікі Беларусь адносна айчыннай навукі ўвогуле, па даных за 2021 г., 61 % (3 172 чал.) даследчыкаў з навуковай ступенню перайшлі пяцідзясяцігадовы рубеж – 93 % дактароў і 54 % кандыдатаў гістарычных навук адпаведна, узроставая група дактароў навук, маладзейшых за 40 год, складала не больш за 0,4 % [2].

Адзначаная тэндэнцыя з’явілася адной з найбольш важных прычын скарачэння колькасці навуковых распрацовак у 1990-я гг. Згодна з данымі, якія прыводзіць нямецкі даследчык Р. Лінднэр, спасылаючыся на беларускі друк, з 1986 па 1996 г. было абаронена 307 дысертацый па гістарычных навук, з іх 57 – доктарскіх, прычым за перыяд 1991–1996 гг. абаронена 109 дысертацый, з іх 22 – доктарскія [3, с. 415]. Толькі пачынаючы з 1997–1999 гг. назіраецца тэндэнцыя да павелічэння колькасці абарон і, як вынік, колькасці навуковых кадраў найвышэйшай кваліфікацыі.

Інстытуцыянальная база гістарычных даследаванняў у 1990-я гг. у параўнанні з 1980-мі гг. істотна не змянілася. Да яе можна аднесці такія навукова-даследчыя ўстановы, як Інстытут гісторыі НАН Беларусі, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі, Беларускі навукова-даследчы інстытут дакументацыі, археграфіі і архіўнай справы. Гістарычныя праблемы даследаваліся таксама ў БДУ, БДПУ імя М. Танка, Брэсцкім, Віцебскім, Гродзенскім, Гомельскім, Магілёўскім, Полацкім універсітэтах, дзе дзейнічалі гістарычныя факультэты. У межах гэтых устаноў існавалі саветы па абароне дысертацый па гістарычных навук (у БДУ – два, у Інстытуце гісторыі, Інстытуце мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклору НАН Беларусі, Беларускім навукова-даследчым інстытуце дакументацыі, археграфіі і архіўнай справы, БДПУ імя М. Танка – па аднаму).

Што тычыцца міжнароднай праблематыкі, то, нягледзячы на стварэнне ў 1992 г. кафедры, а ў 1995 г. – факультэта міжнародных адносін, спецыялізаваны савет па абароне доктарскіх і кандыдацкіх дысертацый Д 02.01.20 па спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” быў створаны ў БДУ толькі ў 1998 г. і праіснаваў да 2005 г. (старшыня – дэкан факультэта міжнародных адносін, загадчык кафедры міжнародных адносін, прафесар, доктар гістарычных навук А. В. Шарапа). Гэтым тлумачыцца параўнальна невялікая колькасць дысертацый, абароненых па міжнароднай тэматыцы ў першай палове 1990-х гг. па існаваўшай тады спецыяльнасці 07.00.05, якая пазней была пераўтворана ў спецыяльнасць 07.00.15.

Першай у краіне кандыдацкай дысертацыяй, абароненай па спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі”, стала кандыдацкая дысертацыя аспіранта кафедры міжнародных адносін БДУ А. І. Гардзейчыка (1998 г.) “Палітычныя і эканамічныя ўзаемаадносіны Рэспублікі Беларусь і Расійскай Федэрацыі ў першай палове 1990-х гг.” (на рускай мове). У снежні 2000 г. упершыню ў краіне былі паспяхова абаронены доктарскія дысертацыі па гэтай жа спецыяльнасці М. Э. Часноўскім “Сістэмныя пераўтварэнні ў Рэспубліцы Польшча (1989–1999 гг.)” і В. Г. Шадурскім “Культурныя сувязі Беларусі з краінамі Цэнтральнай і Заходняй Еўропы (1945–1990-я гг.)” (на рускай мове). Усяго ў Савеце з 1998 па 2005 г. было абаронена 2 доктарскія і 26 кандыдацкіх дысертацый¹, гэта прыкладна 3,5 дысертацыі за год. Спыненне існавання

¹ Уключна: 2 дысертацыі, не зацверджаныя ВАК.

самастойнага Савета па абароне дысертацый па спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” сур’ёзна паўплывала на падрыхтоўку спецыялістаў-міжнароднікаў найвышэйшай кваліфікацыі, скарачэнне колькасці абарон, выніковасць работы аспірантуры і дактарантуры ў гэтай галіне. Паколькі скарацілася колькасць абарон кандыдацкіх дысертацый, паменшыліся магчымасці фарміравання новых навуковых школ у галіне міжнародных адносін і істотна запаволіўся колькасны рост навуковых школ, якія ўжо існавалі.

У гэты перыяд былі абаронены яшчэ 4 дысертацыі: В. М. Мацэля (07.00.15) у Дыпламатычнай акадэміі МЗС Расійскай Федэрацыі (доктарская); Р. Р. Лазько, Л. В. Лойкі (07.00.15, 07.00.03) (доктарскія), В. І. Бобышаў (кандыдацкая) у БДУ ў спецсавеце Д 02.01.05.

Пасля спынення працы самастойнага спецыялізаванага савета спецыяльнасць “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” была адкрыта для абароны ў спецсавеце БДУ па гістарычных навуках Д.02.05.01, дзе прымаўся да абароны дысертацыі яшчэ па трох гістарычных спецыяльнасцях, у тым ліку па спецыяльнасці “Айчынная гісторыя”, па якой традыцыйна было найбольш абарон. У перыяд з 2006 па 2021 г. па спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” было абаронена 35 дысертацый: 6 доктарскіх¹ і 29 кандыдацкіх² (прыкладна 2,2 дысертацыі за год).

Акрамя спецыяльнасці 07.00.15 “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі”, абарона дысертацый па міжнароднай праблематыцы ў постсавецкі перыяд ажыццяўлялася ў межах спецыяльнасцей “Айчынная гісторыя” і “Усеагульная гісторыя”. Пры гэтым спыненне існавання самастойнага Савета па абароне па спецыяльнасці 07.00.15 у 2005 г. стала прычынай павелічэння колькасці абарон дысертацый па гэтых спецыяльнасцях. Падкрэслім, што гаворка ідзе пра тэмы, больш ці менш звязаныя з міжнароднымі адносін і знешняй палітыкай. Усяго ў 1992–2021 гг. па спецыяльнасці “Айчынная гісторыя” было абаронена 2 доктарскія і 22 кандыдацкія дысертацыі; па спецыяльнасці “Усеагульная гісторыя” – 7 доктарскіх³ і 25 кандыдацкіх дысертацый. Таксама дысертацыі па міжнароднай тэматыцы былі абаронены па спецыяльнасцях 07.00.01 – “Гісторыя КПСС/КПБ” – 1 кандыдацкая дысертацыя; 07.00.09 – “гістарыяграфія, крыніцазнаўства і метады гістарычнага даследавання” – 1 доктарская дысертацыя. Усяго па гістарычных спецыяльнасцях, без уліку спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі”, за трыццацігадовы перыяд было абаронена 58 дысертацый (10 доктарскіх і 48 кандыдацкіх), што складае прыкладна 1,9 дысертацыі за год.

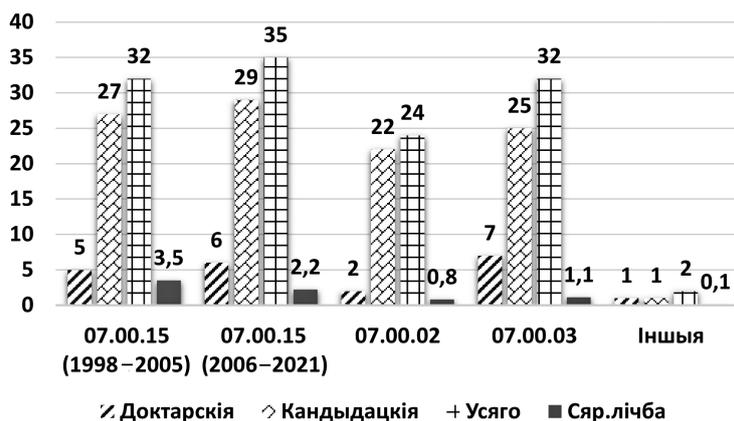
Такім чынам, сярэдняя колькасць штогадовай абароны па усіх гістарычных спецыяльнасцях па міжнароднай тэматыцы (21 доктарская і 104 кандыдацкія дысертацыі) складала 4,2, што нязначна больш, чым у гады існавання спецыялізаванага Савета па спецыяльнасці 07.00.15 – 3,5. Пры гэтым, відавочна, што колькасць абарон па спецыяльнасці “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” значна скарацілася – ад 3,5 да 2,2 дысертацыі ў год. Зразумела, існаванне самастойнага спецсавета па абароне вывядзіла кафедру і факультэт міжнародных адносін БДУ, дзе ён існаваў, у становішча вядучага навуковага цэнтру ў галіне міжнародных даследаванняў. Закрыццё спецсавета, з аднаго боку, стымулявала міжнародныя даследаванні па-за межамі кафедры міжнародных адносін, з другога – з’явілася негатыўным чыннікам для развіцця спецыяльнасці 07.00.15, тэматыка якой стала паступова “разыходзіцца” па іншых гістарычных спецыяльнасцях. Калі ў гады існавання спецсавета большасць абарон па міжнароднай тэматыцы была на карысць спецыяльнасці 07.00.15 адносна іншых гістарычных спецыяльнасцей (3,5 супраць 1,9 дысертацыі ў год), то пасля спынення яго дзейнасці паказчыкі амаль зраўняліся (2,2 і 1,9 адпаведна) (мал. 1).

Тэматыка дысертацыйных даследаванняў у галіне тэорыі і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі ў постсавецкі перыяд значна змянілася, хоць і будавалася на падмурку, створаным у савецкія часы: беларускія даследчыкі, працягваючы вывучэнне ранейшых тэм, адкрылі новыя праблемы, некаторыя з тэм упершыню з’явіліся ў беларускай гістарыяграфіі.

¹ Уключна: 1 дысертацыя, абарона якой не адбылася.

² Уключна: 1 дысертацыя, абарона якой не адбылася; 4 дысертацыі, адкрытая інфармацыя аб выніках абароны якіх адсутнічае.

³ Уключна: 1 дысертацыя, абарона якой не адбылася.

Мал. 1. Колькасць дысертацый па міжнароднай праблематыцы, абароненых па спецыяльнасцях гістарычнай навукі ў 1991–2021 гг. у Рэспубліцы Беларусь

Fig. 1. The number of dissertations on international issues defended in the specialties of historical science in 1991–2021 in the Republic of Belarus

Даследаванні айчынных навукоўцаў ажыццяўляліся ў межах двух значных кірункаў: 1) *даследаванне гісторыі і пытанняў сучаснай знешняй палітыкі Беларусі*; 2) *даследаванне агульнай гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін*.

Тэматыка навуковых інтарэсаў беларускіх даследчыкаў у галіне гісторыі знешняй палітыкі значна пашырылася: ад сярэдзіны вякоў да пачатку беларускай дзяржаўнасці. Працягваючы вывучэнне сувязяў Беларусі з замежнымі краінамі ў перыяд пасля 1944 г., яны больш увагі сталі надаваць знешнепалітычнай гісторыі Беларусі ў 1910–1920-я гг., а таксама знешняй палітыцы Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай і інш.

У 1990-я гг. стала фарміравацца беларуская школа даследаванняў у галіне тэорыі і гісторыі міжнародных адносін і знешняй палітыкі замежных краін. Як і ў выпадку з гісторыяй знешнепалітычнай дзейнасці БССР, беларускія даследчыкі, працягваючы вывучэнне ранейшых тэм, адкрывалі новыя праблемы. Некаторыя з тэм упершыню з’явіліся ў беларускай гістарыяграфіі, напрыклад, вывучэнне міжнародных адносін на Далёкім Усходзе, праблемы міжнароднай бяспекі і пабудовы новай архітэктуры міжнародных адносін у Еўропе і інш.

Юрыдычныя і палітычныя навукі. Асобнымі кірункамі міжнародных даследаванняў трэба назваць міжнародна-прававыя і міжнародна-палітычныя даследаванні. У савецкія часы ў краіне яны фактычна не ажыццяўляліся. Аднак у постсавецкі перыяд была распачата падрыхтоўка спецыялістаў вышэйшай адукацыі, створаны навучальныя і навуковыя цэнтры ў гэтай галіне, у першую чаргу ў межах Белдзяржуніверсітэта, а таксама ў Акадэміі кіравання пры Прэзідэнце Рэспублікі Беларусь, Акадэміі МУС Рэспублікі Беларусь, Гродзенскім дзяржаўным універсітэце і іншых установах. З другой паловы 1990-х гг. распачата падрыхтоўка кадраў найвышэйшай навуковай кваліфікацыі, сталі адкрывацца да абароны спецыяльнасці міжнароднага кшталту; было створана некалькі саветаў па абароне кандыдацкіх дысертацый.

Прадметам міжнароднага публічнага права з’яўляецца прававое рэгуляванне сістэмы міжнародных адносін і знешнепалітычнай дзейнасці дзяржаў і міжнародных арганізацый (спецыяльнасць па падрыхтоўцы аспірантаў і дактарантаў 12.00.10 “Міжнароднае права. Еўрапейскае права”), што набліжае міжнароднае публічнае права да даследаванняў у галіне міжнародных адносін.

Амаль адзіным цэнтрам міжнародна-прававых даследаванняў у незалежнай Беларусі з’яўлялася кафедра міжнароднага права БДУ, створаная ў 1992 г., у межах якой доўгія часы працавалі вядучыя спецыялісты ў галіне міжнароднага права Ю. П. Броўка і Л. В. Паўлава, пад кіраўніцтвам якіх была абаронена большасць кандыдацкіх дысертацый у 1990–2000-я гг. Некаторае павелічэнне колькасці кандыдатаў навук прывяло да пашырэння геаграфіі міжнародна-прававых

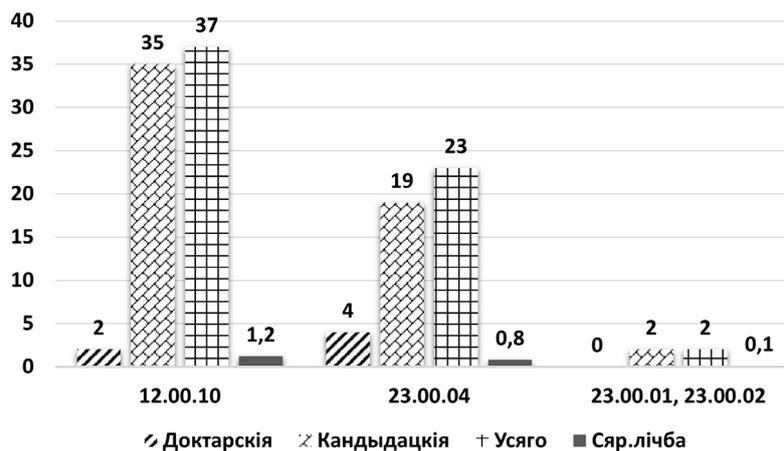
даследаванняў у краіне, але не стала прычынай стварэння раўназначных даследчых цэнтраў і росту колькасці дактароў навук па спецыяльнасці: усяго ў постсавецкі перыяд іх абаранілася толькі два.

Вынікам падрыхтоўкі навуковых кадраў найвышэйшай кваліфікацыі ў галіне міжнароднага публічнага права ў краіне ў 1991–2021 гг. стала абарона 2 доктарскіх (адна з іх за межамі краіны) і 35 кандыдацкіх дысертацый¹, што складае прыкладна 1,23 дысертацыі за год.

Як і міжнародна-прававыя, міжнародна-палітычныя даследаванні ў Беларусі атрымалі сваё развіццё толькі ў пачатку 1990-х гг. Пры гэтым калі ў галіне міжнародна-прававых даследаванняў у краіне склаліся пэўныя даследчыя традыцыі і інстытуцыянальныя адзінкі, то міжнародна-палітычныя даследаванні на фоне агульнапалітычных кірункаў мелі параўнальна эпизадычны характар. Тым не менш развіццё гэтай галіны можна лічыць больш выніковым, у першую чаргу за кошт доктарскіх дысертацый.

Такім чынам, вынікам падрыхтоўкі навуковых кадраў найвышэйшай кваліфікацыі ў галіне міжнародна-палітычных даследаванняў у краіне ў 1991–2021 гг. стала абарона 4 доктарскіх і 19 кандыдацкіх дысертацый па спецыяльнасці 23.00.04 – “Палітычныя праблемы міжнародных адносін, глабальнага і рэгіянальнага развіцця”, што складае прыкладна 0,77 дысертацыі за год.

Кандыдацкія дысертацыі па міжнароднай тэматыцы таксама былі абаронены па спецыяльнасцях 23.00.01 – “Тэорыя і філасофія палітыкі, гісторыя і метадалогія палітычнай навукі” – 1 дысертацыя; 23.00.02 – “Палітычныя інстытуты, працэсы і тэхналогіі” – 1 дысертацыя (мал. 2).

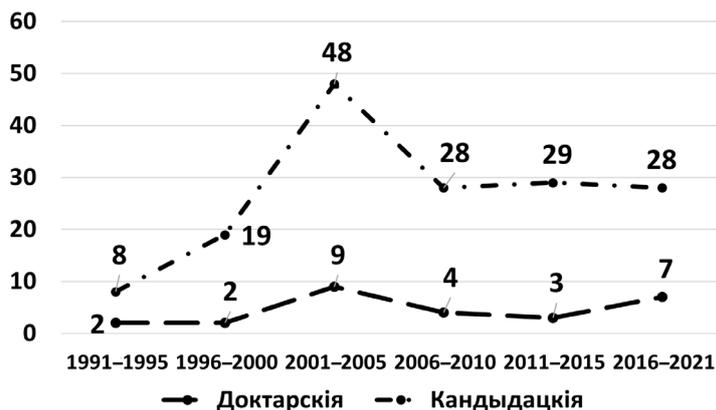
Мал. 2. Колькасць дысертацый па міжнародна-прававой і міжнародна-палітычнай праблематыцы, абароненых у 1991–2021 гг. у Рэспубліцы Беларусь

Fig. 2. The number of dissertations on international legal and international political issues defended in 1991–2021 in the Republic of Belarus

Высновы. Такім чынам, неабходна падкрэсліць, што за апошнія 30 год сфарміравалася нацыянальная школа міжнародных даследаванняў. Пацвярджэннем гэтаму можна лічыць вынікі падрыхтоўкі кадраў найвышэйшай навуковай кваліфікацыі: за даследаваны перыяд былі прадстаўлены да абароны, а таксама абаронены 27 доктарскіх і 160 кандыдацкіх дысертацый, большасць па спецыяльнасцях “Гісторыя міжнародных адносін і знешняй палітыкі” і “Міжнароднае права. Еўрапейскае права”. Аднак доктарскіх дысертацый па палітычных навукках было абаронена больш, чым па юрыдычных: 4 і 2 адпаведна.

Пасля істотнага колькаснага і якаснага росту міжнародных даследаванняў у другой палове 1990 – першай палове 2000-х гг. гэты працэс істотна запавольўся ў другой палове даследаванага часу, аднак у параўнанні з савецкім перыядам якасныя і колькасныя вынікі развіцця міжнародных даследаванняў у краіне аказаліся несувымерна больш значнымі (мал. 3).

¹ Уключна: 2 дысертацыі, не зацверджаныя ВАК.

Мал. 3. Дынаміка абароны дысертацый па міжнароднай праблематыцы у 1991–2021 гг. у Рэспубліцы Беларусь

Fig. 3. Dynamics of defense of dissertations on international issues in 1991–2021 in the Republic of Belarus

Беларускімі вучонымі на дысертацыйным узроўні даследаваліся наступныя тэмы ў галіне гісторыі знешняй палітыкі Беларусі: знешняя палітыка Вялікага Княства Літоўскага і Рэчы Паспалітай; міжнародныя аспекты дзяржаваўтваральных працэсаў на тэрыторыі Беларусі і знешнепалітычная дзейнасць БНР і БССР ў 1918–1920-я гг. і ў міжваенны перыяд; знешнепалітычная дзейнасць БССР пасля 1944 г.; знешняя палітыка незалежнай Беларусі. Найбольш даследаванымі ў галіне гісторыі знешняй палітыкі замежных краін заставаліся германская праблематыка, месца і роля краін Цэнтральнай і Сярэдняй Еўропы ў міжнародных адносінах, праблемы міжнароднай бяспекі; пачалі развівацца даследаванні гісторыі і актуальных праблем знешняй палітыкі краін Азіі і Афрыкі. Адносна храналагічных рамак даследаванняў трэба адзначыць, што амаль не вывучаліся міждзяржаўныя адносіны ў перыяд старажытнасці, у XVIII – першай палове XIX ст.; не было дысертацыйных прац па гісторыі міжнародных адносін у гады Другой сусветнай вайны.

Што тычыцца міжнародна-прававых і міжнародна-палітычных даследаванняў, то яны мелі больш эпізадычны характар, чым даследаванні гісторыі і тэорыі міжнародных адносін і ў большасці выпадкаў адпавядалі навуковым інтарэсам найбольш уплывовых спецыялістаў у гэтых галінах.

Больш падрабязна тэматыка абароненых дысертацый будзе разгледжана ў наступных публікацыях аўтара. Часткова інфармацыя аб тэматыцы дысертацый прадстаўлена ў яго мінулых публікацыях [4–5].

Дадатак

Спіс доктарскіх дысертацый, абароненых у 1991–2021 гг. па міжнароднай праблематыцы

1. Аблова, Н. Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и политические аспекты истории (первая половина XX в.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Н. Е. Аблова; Ин-т Дальнего Востока РАН. – М., 2005. – 41 с.
2. Барабаш, В. В. Беларусь в советско-польских отношениях в период Второй мировой войны (1939–1945 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / В. В. Барабаш; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 48 с.¹
3. Гайдукевич, Л. М. Туризм в международных отношениях стран Центральной и Восточной Европы (1989–2009 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / Л. М. Гайдукевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2010. – 49 с.
4. Довгань, Е. Ф. Региональный механизм системы коллективной безопасности в современном международном праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Е. Ф. Довгань; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2014. – 46 с.
5. Есин, Р. О. Политика трансграничного сотрудничества Республики Беларусь в европейской перспективе: региональное измерение: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Р. О. Есин; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2012. – 40 с.
6. Кизима, С. А. Развитие национального государства в условиях глобализации: геополитический аспект: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / С. А. Кизима; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 43 с.
7. Космач, В. А. Внешняя культурная политика Германии в годы Веймарской республики (1919–1933 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / В. А. Космач; РАН, Ин-т всеобщей истории. – М., 1995. – 50 с.

¹ Абарона не адбылася.

8. Космач, Е. Н. Политика США в отношении Югославии в 1943–1980 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / Е. Н. Космач; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2006. – 37 с.¹
9. Лазько, Р. Р. Еўрапейская палітыка Польшчы (1932–1939 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.03, 07.00.15 / Р. Р. Лазько; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2001. – 38 с.
10. Лойко, Л. В. От коммунизма к социал-демократии: трансформация левой партии в Польше (1970–2000 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03, 07.00.15 / Л. В. Лойко; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2003. – 67 с.
11. Малевич, Ю. И. Эволюция концептуальных подходов к правам человека в условиях глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Ю. И. Малевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 38 с.
12. Мартынюк, А. В. Австрия и Восточная Европа: становление и развитие политических взаимоотношений и культурных контактов (XIII–XV вв.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / А. В. Мартынюк; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2021. – 48 с.
13. Матусевич, Е. В. Национально-государственные интересы Республики Беларусь в контексте процесса глобализации: автореф. дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.04 / Е. В. Матусевич; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2005. – 33 с.
14. Мацель, В. М. Политика Республики Беларусь на востоке и юге Азии (1991–2002 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / В. М. Мацель; Дипломат. акад. МИД России. – М., 2005. – 38 с.
15. Мезга, Н. Н. Советско-польские отношения в советской и польской историографии 1918–1941 гг.: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09 / Н. Н. Мезга; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 46 с.
16. Мигун, Д. А. Беларусь в германо-советских отношениях (1918–1941 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / Д. А. Мигун; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2020. – 44 с.²
17. Ревяко, К. А. Борьба Рима и Карфагена за мировое господство: автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / К. А. Ревяко; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 38 с.
18. Русакович, А. В. Германия во внешней политике Беларуси (1990–2015 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / А. В. Русакович; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2016. – 52 с.
19. Свилаас, С. Ф. ЮНЕСКО в системе внешнеполитической деятельности Белорусской ССР (1954–1964 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / С. Ф. Свилаас; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2018. – 47 с.
20. Снапковский, В. Е. Внешнеполитическая деятельность Белорусской ССР (1944–1953 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.02 / Ин-т истории АН БССР. – Минск, 1992. – 45 с.
21. Стрелец, М. В. ФРГ и проблемы ограничения и сокращения вооружений в Европе (1949–1990 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.03 / М. В. Стрелец; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 40 с.
22. Толочко, О. Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальную правовую систему (на примере Республики Беларусь): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / О. Н. Толочко; С.-Петербур. гос. ун-т. – Минск, 2013. – 45 с.
23. Хмяліньскі, Б. Грамадскі рух у Польшчы за добрасуседства з Беларуссю (1991–2006 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.15 / Б. Хмяліньскі; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2007. – 40 с.
24. Часноўскі, М. Э. Сістэмныя пераўтварэнні ў Рэспубліцы Польшча (1989–1999 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.03, 07.00.05 / М. Э. Часноўскі; Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2000. – 37 с.
25. Фрольцов, В. В. Политика ФРГ в отношении постсоветских государств (1991–2005 гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.15 / В. В. Фрольцов; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2017. – 50 с.
26. Шадурский, В. Г. Культурные связи Беларуси со странами Центральной и Западной Европы (1945–1990-е гг.): автореф. дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.05 / В. Г. Шадурский; Бел. гос. ун-т. – Минск, 2000. – 37 с.
27. Швед, В. В. Грамадска-палітычнае жыццё на землях Беларусі (1772–1863 гг.): аўтарэф. дыс. ... д-ра гіст. навук: 07.00.02 / Бел. дзярж. ун-т. – Мінск, 2001. – 37 с.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Корзенко, Г. В. Подготовка научных и научно-педагогических кадров по историческим специальностям в Республике Беларусь / Г. В. Корзенко, О. В. Сафонова // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ, Минск, 15–16 апреля 2004 г. – Минск: БГУ, 2004. – С. 157–159.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник [Электронный ресурс]. – Минск, 2022. – Режим доступа: <http://www.scienceportal.org.by/upload/2022/Oct/scienceandinnovation22.pdf>. – Дата доступа 20.04.2023.
3. Лінднэр, Р. Гісторыкі і ўлада: нацыятворчы працэс і гістарычная палітыка ў Беларусі XIX–XX стст. / Р. Лінднэр. – СПб.: Неўскі прасцяг, 2003. – 540 с.
4. Гурын, А. В. Уклад БДУ ў падрыхтоўку навуковых кадраў у галіне міжнародных адносін у Рэспубліцы Беларусь (1990–2021 гг.) / А. В. Гурын // Даследаванне міжнародных адносін і развіццё замежных сувязей у Беларускім дзяржаўным універсітэце: 1921–2021 гг.: манаграфія / А. В. Шарапа [і інш.]; пад рэд. А. В. Шарапа (старш.), А. А. Дастанка, У. Е. Снапкоўскі (адк. рэд.), М. Э. Часноўскі. – Мінск: РІВШ, 2021. – С. 132–149.
5. Гурын, А. В. Падрыхтоўка навуковых кадраў па міжнародных адносінах у спецаветах па абароне дысертацый (1992–2017) / А. В. Гурын // Исследование международных отношений в Республике Беларусь: состояние и перспективы. К 25-летию кафедры международных отношений: материалы междунар. науч. конф. – Минск, 6 октября 2017 г.; БГУ. – Минск, 2018. – С. 73–75.

¹ Абарона не адбылася.

² Абарона не адбылася.

References

1. Korzenko G. V., Safonova O. V. Training of scientific and scientific–pedagogical personnel in historical specialties in the Republic of Belarus. *XXI century: actual problems of historical science. Materials of the international scientific conference* (Minsk, April 15–16, 2004). Minsk, BSU Publ., 2004, pp. 157–159 (in Russian).
2. *Science and innovation in the Republic of Belarus*. Statistical collection. Minsk, 2022. Available at: <http://www.scienceportal.org.by/upload/2022/Oct/scienceandinnovation22.pdf> (accessed 20.04.2023) (in Russian).
3. Lindner R. *Historians and power: the nation-making process and historical politics in Belarus of the XIX–XX century*. St. Petersburg, Nevsky prostyag Publ., 2003. 540 p. (in Belarusian).
4. Gurin A. V. *Contribution of BSU to the training of scientific personnel in the field of international relations in the Republic of Belarus (1990–2021)*. Research of international relations and development of foreign relations at the Belarusian State University: 1921–2021: monograph / A. V. Sharapo [et al.]; edited by A. V. Sharapo (Senior), A. A. Dostanko, V. E. Snopkovsky (Ed.), M. E. Chesnovsky. – Minsk, NIHE Publ., 2021, pp. 132–149 (in Belarusian).
5. Gurin A. V. *Training of scientific personnel in international relations in special councils for the defense of dissertations (1992–2017)*. Research of international relations in the Republic of Belarus: status and prospects. To the 25th anniversary of the Department of International Relations: materials of the Rep. sci. conf. Minsk, 6 October 2017. BSU. Minsk, 2018, pp. 73–75 (in Belarusian).

Информация об авторе

Гурин Александр Валерьевич – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом докторантуры и аспирантуры. Академия управления при Президенте Республики Беларусь (ул. Московская, 17, 220007, Минск, Республика Беларусь). E-mail: gurin@pac.by

Information about the author

Aliaksandr V. Huryn – Ph. D. (Hist.), Associate Professor, Head of the Department of Doctoral and Postgraduate Studies. Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus (17 Moskovskaya Str., Minsk 220007, Belarus). E-mail: gurin@pac.by

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 316.4
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-128-140>

Поступила в редакцию 22.01.2024
Received 22.01.2024

МАСТАЦТВАЗНАЎСТВА, ЭТНАГРАФІЯ, ФАЛЬКЛОР
ART HISTORY, ETHNOGRAPHY, FOLKLORE

Е. Н. Квилинкова

*Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы
Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь*

**МОЛДАВСКАЯ ДИАСПОРА В БЕЛАРУСИ: ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ,
РАССЕЛЕНИЕ И ПРИЧИНЫ ПЕРЕСЕЛЕНИЯ**

Аннотация. Впервые в этнологической науке исследуются этапы формирования молдавской диаспоры в Беларуси: динамика численности, расселение и причины переселения. Отмечается, что по типу она относится к современным диаспорам и для нее характерно дисперсное проживание. Автор выделил этапы формирования молдавской диаспоры (советский и постсоветский) и рассмотрел численность молдаван в различных регионах Беларуси. Делается вывод о том, что для молдаван, переселившихся в Беларусь в указанные периоды, характерны определенные различия. Установлено, что увеличение их численности в советский период являлось следствием межреспубликанской миграции и смешанных браков. Переселение молдаван в постсоветский период имело характер трудовой миграции. Основная часть представителей этой волны переселенцев сохраняет молдавское гражданство. Особенностью данного периода является то, что среди переселенцев много моноэтнических семей.

Данное исследование осуществлено автором в рамках культурной антропологии. Автор широко привлекает статистические данные и материалы полевых этносоциологических исследований, проведенных им в г. Минске и других регионах Беларуси в 2020–2023 гг. В настоящей статье материалы полевых исследований впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: молдаване Беларуси, диаспора, динамика численности, расселение, миграция

Для цитирования: Квилинкова, Е. Н. Молдавская диаспора в Беларуси: динамика численности, расселение и причины переселения / Е. Н. Квилинкова // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 128–140. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-128-140>

Elizaveta N. Kvilinkova

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches
of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

**MOLDAVIAN DIASPORA IN BELARUS: POPULATION DYNAMICS, RESETTLEMENT
AND REASONS FOR RELOCATION**

Abstract. This article, for the first time in ethnological science, examines the stages of the formation of the Moldovan diaspora in Belarus: population dynamics, resettlement and reasons for resettlement. It is noted that by type it belongs to modern diasporas and is characterized by dispersed living. The author identified the stages of formation of the Moldovan diaspora (Soviet and post-Soviet) and examined the number of Moldovans in various regions of Belarus. It is concluded that Moldovans who moved to Belarus during these periods are characterized by certain differences. It has been established that the increase in their numbers during the Soviet period was a consequence of inter-republican migration and mixed marriages. The resettlement of Moldovans in the post-Soviet period had the nature of labor migration. The majority of representatives of this wave of migrants retain Moldovan citizenship. A peculiarity of this period is that among the settlers there were many monoethnic families.

This research was carried out by the author within the framework of cultural anthropology. The author widely draws on statistical data and materials from field ethnosociological research conducted by him in Minsk and other regions of Belarus in 2020–2023. In this article, field research materials are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: moldovans of Belarus, diaspora, population dynamics, settlement, migration

For citation. Kvilinkova E. N. Moldavian diaspora in Belarus: population dynamics, resettlement and reasons for relocation. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 128–140 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-128-140>

Введение. Начало формирования молдавской этнической общности в Беларуси относится к первой половине XX в. В настоящее время в национальном составе населения Республики Беларусь она занимает 11-е место. В общей сложности ее численность составляет около 5 тыс. человек и для нее характерно дисперсное расселение. Особенность молдавской диаспоры заключается в том, что одна часть ее представителей являются гражданами Республики Беларусь, а другая – гражданами Республики Молдова. В силу сложившихся обстоятельств проблема формирования данной этнической общности в Беларуси до настоящего времени оставалась совершенно не изученной не только в белорусской, но и молдавской этнологии, что свидетельствует о новизне данного исследования.

Прежде чем изучать содержание процесса адаптации и интеграции, а также вопросы этнической, языковой и этнокультурной идентичности у диаспоры молдаван, рассмотрим, как в Беларуси складывалась молдавская этническая общность, а также этапы переселений и их причины. Этим объясняется актуальность изучения данной проблематики.

Цель статьи – изучение динамики численности и расселения молдаван в Беларуси, а также выявление причин их переселения в эту республику.

Для реализации поставленной цели автором были поставлены следующие задачи:

рассмотреть, как происходил процесс складывания молдавской диаспоры в Беларуси в историческом контексте;

проанализировать данные переписей населения Беларуси за советский и постсоветский периоды и выявить динамику численности молдаван в Беларуси, их расселения по регионам и др.;
установить этапы формирования молдавской диаспоры;

выявить характерные для молдавских мигрантов особенности с учетом периода их переселения (советский / постсоветский);

проанализировать на основе материалов полевого опроса причины переселения молдаван в Беларусь, восприятие ими страны приема и т. д.

Данное исследование проведено автором в рамках культурной антропологии. Для установления причин переселения и характера семей (межнациональные или моноэтнические) автором в 2020–2023 гг. было проведено этносоциологическое исследование. Путем глубинного интервью опрошено более 110 уроженцев Молдовы, проживающих прежде всего в г. Минске и Минской области, а также других областях и районных центрах Беларуси, среди которых 52 информанта-молдаванина и члены их семей. В настоящей статье материалы полевых исследований (в тексте ПМА – полевые материалы автора) впервые вводятся в научный оборот.

Основная часть. При изучении миграционных процессов, а также состояния и жизнедеятельности этнических общностей, постоянно живущих за пределами страны, где они родились, в том или ином государстве, общепринятым является термин «диаспора». Молдаване в Республике Беларусь являются частью молдавского народа, проживающего за пределами своей страны. Они имеют основные этнические и культурные признаки своего народа и идентифицируют себя с молдаванами. Применительно к молдаванам Беларуси более подходящим является понятие «этническая общность», нежели «диаспора», тем более, что это касается тех, кто живет в Беларуси с советского периода. Однако если рассматривать процесс складывания диаспоры в ретроспекции в историческом контексте, то целесообразно использовать общепринятую терминологию.

Под «диаспорой» обычно подразумевают часть какой-либо этнической или религиозной группы, постоянно проживающей за пределами государства происхождения. В работах современных исследователей, изучавших вопросы истории эмиграции, политические и социально-экономические условия ее существования в разных странах, связь с исторической родиной, понятие «диаспора» чаще всего трактуется как организованная этническая общность, обладающая основными национальными особенностями народа (языком, культурой, самосознанием) и живущая за границами проживания основного этноса (за пределами государства происхождения).

Выбор учеными критериев для типологии диаспор довольно широк. Не вдаваясь в подробности, отметим, что в качестве одного из используемых российскими учеными критериев взят так называемый временной принцип, в основе которого находится классификация диаспор по времени их образования [1, с. 74–78]. В Беларуси в научный и государственный оборот введено понятие «диаспора», под которым понимается «этническая общность, владеющая основными чертами национальных отличий: языком, культурой, самобытностью, но проживающая за пределами метрополии – государства, которое создал ее народ» [8]. В этнологической и этносоциологической литературе часто наряду с понятием «диаспора» по отношению к представителям других проживающих в стране этносов используются термины «этническое», или «национальное» меньшинство [17, с. 8–39].

Несмотря на разнообразные трактовки приведенных выше понятий, зачастую под ними понимается часть этноса, проживающая на территории другого государства отдельно от основного этнического ядра и сохраняющая ряд своих этноотличительных признаков (язык, традиции, менталитет, национальную кухню и др.) [13, с. 324–330]. Отметим, что эти понятия частично совпадают, поскольку диаспора включает категорию этнического сообщества. На наш взгляд, понятие «диаспора» следует рассматривать не только как организационную по этническому признаку структуру, а несколько шире – как этническую общность, проживающую за пределами своего этнического государства, осознающую с ним связь и сохраняющую свою этническую и культурную идентичность.

Начальный этап формирования молдавской диаспоры в Беларуси относится к 1920-м гг., хотя не исключено, что отдельные представители молдаван жили здесь и ранее. Существенное увеличение количества представителей молдавской национальности на данной территории происходило во второй половине XX в. По типу она относится к современным диаспорам. Процесс ее формирования можно условно поделить на два периода: советский и постсоветский.

Самые первые данные о молдаванах Беларуси представлены в переписи БССР за 1926 г., согласно которой на территории республики проживало 63 молдаванина (мужчин – 36, женщин – 27) [2]. В конце 1930-х гг. произошло заметное увеличение количества представителей молдавской национальности. В соответствии с переписью 1939 г. в Беларуси проживало уже 396 молдаван¹ [3].

По результатам Всесоюзной переписи населения 1959 г. в БССР проживало 727 молдаван. В 1970 г. их численность увеличилась более чем в 2,5 раза и составила 1800 человек. Согласно переписи 1979 г. в БССР проживало 2923 молдаванина. В 1980-е гг. активизировался процесс межреспубликанской миграции. Этот период характеризуется наибольшим ростом их численности. В соответствии с переписью 1989 г. количество молдаван в БССР составляло 4964 человека (табл. 1) [4–7].

Таблица 1. Динамика общей численности молдаван в Беларуси согласно переписям населения (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 1999, 2009 и 2019 гг.)*

Table 1. Dynamics of the total number of Moldovans in Belarus according to population censuses (1926, 1939, 1959, 1970, 1979, 1989, 1999, 2009 and 2019)*

Перепись	1926 г.	1939 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Количество человек	63	396	727	1 800	2 923	4 964	4 267	3 465	2 407

* П р и м е ч а н и е. Таблицы по численности молдаван Беларуси и другим показателям составлены автором на основе данных переписей населения: Источники и материалы: Всесоюзная перепись населения 1926, 1939, 1959, 1970, 1979 и 1989 гг. [2–7]; Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 г. [9].

В процентном соотношении количество молдаван-мужчин в Беларуси несколько выше, чем женщин. Это свидетельствует о том, что в процесс миграции в большей степени включились представители сильного пола.

¹ Отметим, что при переписи молдаване и румыны фиксировали себя отдельно. В переписи БССР за 1926 г. о своей румынской идентичности заявили 54 человека, проживающих в Беларуси [2]. В последующей переписи БССР за 1939 г. на территории республики проживало всего 11 румын [3]. В переписи 1959 г. количество румын в БССР незначительно увеличилось (всего 20 человек) [4].

Среди молдаван-мужчин, переселившихся в Беларусь в советский (послевоенный) период, много людей с высшим образованием. Они женились на местных девушках и немалое их количество решило остаться здесь, увидев острую востребованность республики в специалистах. При этом большое значение имели перспектива профессиональной самореализации и, конечно же, жилье, которое им предоставляли как молодым специалистам. Значительное количество людей из тех, кто служил в армии на территории БССР или учился в белорусском вузе, также оставались здесь после их окончания и женились. Кто-то нашел свою вторую половинку на целине, кто-то – за границей, затем вместе вернулись домой. Практически у всех молдаван, осевших здесь в советский период, – смешанные браки:

«Когда меня призвали в Советскую армию, то отправили служить в Беларусь, возле г. Борисова. После демобилизации вернулся в Молдавию и остался на сверхсрочную службу в г. Тирасполе, там служил прапорщиком. Во время службы я поступил в Челябинское танковое училище. В 1979 г. окончил учебу и вернулся в г. Борисов в ту часть, где служил срочную службу. <...> Когда я учился в Челябинском танковом училище, у нас было право выбора. <...> И когда меня спросили: “Где Вы хотите служить?”, я сказал: “В учебной дивизии в Борисове”. Назвал ту часть, где служил, и меня направили служить туда» (ПМА: О.В.М., г. Минск).

«В 1961 г. я окончил Кишиневский медицинский институт. Потом служба в рядах Советской армии, то есть в армию я пошел специалистом. Затем учился в военно-медицинской академии в Ленинграде, после окончания которой меня направили служить в Беларусь. Я был главным офтальмологом белорусского военного округа ...» (ПМА: К.П.А., г. Минск).

В постсоветский период, согласно переписям населения, количество молдаван-мужчин в Беларуси больше, чем женщин, хотя в процентном соотношении это различие заметно сгладилось (табл. 2).

Таблица 2. Динамика численности молдаван в Беларуси по полу (согласно переписям населения 1999, 2009 и 2019 гг.)

Table 2. Dynamics of the number of Moldovans in Belarus by gender (according to the 1999, 2009 and 2019)

Перепись	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Количество мужчин	2 290	1 812	1 246
Количество женщин	1 977	1 653	1 161

Почти все респонденты отмечали, что после их знакомства с Беларусью, г. Минском и белорусами они стремились остаться здесь с целью постоянного проживания. Кто-то из молдаванок встретил свою половинку в Молдове, некоторые – в Беларуси во время учебы, а кто-то даже в Южной Африке. И таких историй очень много:

«Я окончила в селе 10-летнюю школу, потом окончила курсы в Слабодзейском районе и работала на хлебокомбинате в Бендерах. Начинала с пекаря, затем стала начальником цеха. Там были люди из Калининграда. Они нам говорили: “Что вы, девчонки, сидите здесь? Поезжайте куда-нибудь за границу зарабатывать”. И я решила пойти в море. Для этого я – деревенская девчонка – пошла на курсы радиотелеграфистов. С подружкой мы уехали в Калининград где-то в 1976 или 1977 гг. и пошли в море. Там я проработала 7 лет рыбообработчицей. Своего мужа, белоруса, встретила в Анголе на концерте Иосифа Кобзона. Это было 40 лет назад. Мы поженились в 1982 г. Два года мы жили в Калининграде, а потом в 1984 г. переехали в Минск. <...> И вот уже 40 лет я живу в Беларуси» (ПМА: К.М.С., г. Минск).

«Я училась в Кишиневском педагогическом институте на филолога. Потом поссорилась со своим парнем-молдаванином и вышла замуж за белоруса. Он работал в Кишиневе на стройке, там жила его сестра (она была замужем за молдаванином; они познакомились, когда он служил в Минске). В 1977 г. мы переехали в Беларусь» (ПМА: Х.Е.И., Дзерж. р-н, Минск. обл.).

«После окончания в своем селе 8-летней школы я поступила учиться на механизатора. Несколько лет проработала трактористом в колхозной бригаде. Потом поехала работать

в Московскую область и там познакомилась со своим будущим мужем. Он – белорус. Мы поженились, и с 1985 г. я живу в Беларуси» (ПМА: К.Т.В., Гомел. обл.).

Некоторые молдаване, поддавшись на уговоры родственников, также решились на переезд. Для молодых семей веским аргументом была возможность решения вопроса с жильем:

«Мы с мужем приехали в Беларусь в гости к сестре мужа. Она тут жила, и мы решили здесь остаться (в Беларуси – с 1977 г.). Мой муж – украинец. Тут в совхозе нам сразу же дали жилье, а в Молдавии и Украине у нас не было своей квартиры» (ПМА: Т.Л.Н., Дзерж. р-н, Минск. обл.).

В конце 1980 – начале 1990-х гг., когда ситуация во всех республиках Советского Союза стала довольно нестабильной, немало молдаван уже тогда предпочли переехать со своей семьей в Беларусь, которая являлась для них привлекательной по многим аспектам. Но, главное, у многих из них здесь жили родственники, у которых можно было погостить или получить поддержку на первом этапе:

«В армии в Афганистане я служил в Витебской дивизии. <...> В 1983 г. после службы в Афганистане я приехал в Витебск получать одежду и так первый раз увидел саму страну. Зашел в гости к своей старшей сестре. Она вышла замуж за белоруса, с которым встретила в Казахстане, и жила в Новополоцке. <...> В Витебске я поступил в физкультурный институт, женился. <...> В Новополоцке начал работать инструктором по спорту. Мне Новополоцк понравился. Город был молодежный, молодой. Было интересно» (ПМА: М., г. Минск).

Для некоторых русскоязычных граждан Молдовы причиной, которая заставила покинуть Родину, стала межэтническая напряженность в конце 1980 – начале 1990-х гг., сопровождавшаяся ущемлением прав национальных меньшинств, изменением статуса русского языка, бытовым национализмом, что в итоге привело к вооруженному конфликту в Приднестровье и этнической мобилизации населения юга Молдовы – гагаузов и болгар:

«Моя семья жила в Кишиневе. Я работал там в ПЖК (видимо, потребительский жилищный кооператив. – Е. К.) Ленинского района. В 1991 г., когда начались проблемы на почве национальных меньшинств, мы как русскоязычное население решили уехать оттуда. К тому времени я уже приезжал в Беларусь по делам и мне здесь все нравилось. Молдавский язык я понимаю, но не говорю на нем. Тем более, тогда перешли на латиницу, это стало проблемой для русскоязычного населения. В 1991 г. я начал свой бизнес в Беларуси, зарегистрировал свою первую компанию: занимался поставками молдавской плодоовощной продукции. У меня были хорошие контакты, поскольку и до этого времени активно работал с Беларусью – возил в Молдову ДСП, из которого делали мебель и т. д. Я занимался всем, что было связано со стройкой. Мы оборудовали в Молдове санатории, общежития университета и т. д.» (ПМА: А., г. Минск).

Немалое количество этнических молдаван предпочли выехать в другую страну, чтобы не участвовать в вооруженном конфликте в Приднестровье:

«В апреле 1991 г. я прибыл в Беларусь в командировку и работал на автозаводе рабочим по сборке рам. В Кишиневе была фирма, о которой я узнал из газеты. Она набирала людей на работу на МАЗе, поскольку там была нехватка специалистов. Там тогда работали бригады из Украины, Прибалтики, Молдовы. Я устроился в эту фирму и приехал в Беларусь в командировку по контракту на 3 месяца. Потом продлил свой контракт. Мне на работе дали общежитие, и я решил остаться здесь. В Беларуси у меня не было ни родственников, ни знакомых. Тогда еще начались события в Приднестровье, и я решил лучше не лезть туда, и поэтому уехал оттуда» (ПМА: М.Ю.А., г. Минск).

Вооруженный конфликт в Приднестровье и в настоящее время вспоминают с содроганием не только представители русскоязычного населения Молдовы, но и молдаване. Этот конфликт усугубил и без того тяжелую социально-экономическую ситуацию, в которой находилась Молдова. В Беларуси межэтническая обстановка всегда была спокойной, поэтому почти все опрошенные нами молдаване не помышляли о том, чтобы вернуться на Родину:

«Сколько лет я живу в Минске (с 1982 г. – Е. К.), у нас в любое время можно было купить самые необходимые продукты. А в Молдавии из-за того, что она поделилась на Приднестровье и Молдавию, это стало большой проблемой. Между людьми ощущались отрицательные настроения, и магазины были нищие. Как-то приехав в Бендеры (там я проработала 5 лет на хлебокомбинате и столько хлеба напекла для г. Бендеры), я пошла в магазин, чтобы купить полбулки для своих детей. И мне ее не продали. Это было после войны (1992 г. – Е. К.). У них тогда там все было по талонам. Но я же в магазине не просила дать мне хлеб. Я хотела, чтобы мне его продали. Хотя у меня там жили двоюродные сестры и у них были талоны, то есть было кого попросить, чтобы купили нам хлеба, но мне был важен сам факт. В магазине мне сказали, чтобы я пошла в исполком, зарегистрировалась, проинформировала власти о том, что приехала в Молдавию и тогда мне выдадут талон, на который можно будет купить хлеб. <...>

У меня в душе осталась та Молдавия, которую я помню, – богатая, в магазинах соки, все заводы работали... А теперь без слез даже смотреть нельзя. Когда мне не продали хлеба, и я увидела, что магазин пустой, а у входа стоит стол, с которого продают молоко, хлеб и самое необходимое, и потом магазин закрывается, то я была в таком шоке. Как это так: закрытый магазин? А где соки, натуральные фрукты, консервы? У нас же был консервный завод... Все это было очень печально. <...> Мне здесь комфортнее жить, чем там, в Молдавии. Я туда только в гости могу приехать, но даже сегодня жить там не хочу. Как бы здесь нашу власть не ругали, но у нас все-таки лучше жить, чем там» (ПМА: К., г. Минск).

После принятия Республикой Беларусь Закона о гражданстве (октябрь 1991 г.) те молдаване, которые жили в Беларуси и решили здесь остаться, автоматически получили белорусское гражданство. Исходя из представленных в переписи населения Республики Беларусь официальных данных за разные годы, в постсоветский период формально количество представителей данной национальности здесь уменьшилось вдвое по сравнению с концом советского периода. Согласно переписи за 2019 г. в Беларуси зафиксировано 2407 молдаван (принявших белорусское гражданство). Это частично связано с процессом ремиграции [10], но в большей степени является следствием естественной ассимиляции и убывания населения.

Анализ статистики за постсоветский период показывает, что основная часть живущих в Беларуси молдаван – это городские жители. По данным последней переписи за 2019 г., из общего количества молдаван, которое составляет 2 407 человек, чуть более 10 % живут в столице – всего 290 человек (табл. 3).

Таблица 3. Динамика численности молдаван в Беларуси, в том числе по месту проживания (городской / сельский житель) (согласно переписи населения за 1999, 2009 и 2019 гг.)*

Table 3. Dynamics of the number of Moldovans in Belarus, including by place of residence (urban/rural) (according to the 1999, 2009 and 2019 census)*

Перепись	1999 г.	2009 г.	2019 г.
Количество мужчин и женщин	4 267	3 465	2 407
Городское население	2 660	2 100	1 409
Сельское население	1 607	1 365	998

* П р и м е ч а н и е. Здесь и в последующих таблицах, составленных автором, данные приведены из официального источника: Национальный состав населения Республики Беларусь [19–22].

Сравнивая данные по численности молдаван, проживающих в различных регионах Беларуси, необходимо отметить, что более всего они представлены в Гомельской области – 574 человека. На втором и третьем месте – Минская и Брестская области, затем следует Витебская область. В г. Минске и Могилевской области численность молдаван практически одинаковая. Менее всего молдаван представлено в Гродненской области – 245 человек (табл. 4).

Из данных переписи за 2019 г. следует, что основная часть молдаван Беларуси, являющихся городскими жителями, проживает в Минске, а также Гомеле и других городах Гомельской области. Необходимо отметить, что в четырех областях небольшое преимущество имеют молдаване,

Таблица 4. Общая численность молдаван в Беларуси по областям и г. Минску (согласно переписи населения за 2019 г.)

Table 4. Total number of Moldovans in Belarus by region and Minsk city (according to the 2019 census)

Республика Беларусь (всего)	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск
2 407	338	306	574	245	365	289	290

Таблица 5. Численность молдаван в Беларуси по полу по областям и г. Минску (согласно переписи населения за 2019 г.)

Table 5. Number of Moldovans in Belarus by gender by region and Minsk city (according to the 2019 census)

Показатель	Республика Беларусь (всего)	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск
Количество мужчин	1 246	169	162	264	137	208	149	157
Количество женщин	1 161	169	144	310	108	157	140	133

которые составляют городское население, в то время как в Минской и Гомельской областях преобладает сельское население (жители деревень). Исключением является Гродненская область, где численность городских молдаван более чем в 2 раза превышает количество сельских жителей.

Если рассматривать численность молдавского населения по полу, то более всего молдаванок проживают в Гомельской области – 310 человек. Здесь их численность превышает количество молдаван-мужчин, которых зафиксировано 264 человека (табл. 5). Молдаване-мужчины довольно равномерно распределены по областям, с небольшим преимуществом они представлены в Гродненской и Минской областях (табл. 6).

Таблица 6. Численность молдаван в Беларуси по областям и г. Минску по месту проживания (городские и сельские жители) (согласно переписи населения за 2019 г.)

Table 6. The number of Moldovans in Belarus by region and the city of Minsk by place of residence (urban and rural residents) (according to the 2019 population census)

Показатель	Республика Беларусь (всего)	Брестская обл.	Витебская обл.	Гомельская обл.	Гродненская обл.	Минская обл.	Могилевская обл.	г. Минск
Городское население	1 409	178	161	281	166	167	166	290
Сельское население	998	160	145	293	79	198	123	–

Следует подчеркнуть, что данные переписей, а также цифры, представленные в таблицах, не учитывают количество молдаван, постоянно проживающих в Беларуси и имеющих вид на жительство, сохраняющих молдавское гражданство, но при этом являющихся частью диаспоры.

Немалое количество молдаван и молдаванок, у которых были смешанные семьи, переехали в Беларусь вскоре после распада Советского Союза. Основная часть молдаван, переселившихся в Беларусь в постсоветский период, имеют молдавское гражданство. По официальным данным, в 2009 г. в Беларуси постоянно проживало 1636 граждан Молдовы с видом на жительство [21]. Согласно последним сведениям, в 2019 г. число граждан Молдовы, постоянно проживающих в Беларуси с видом на жительство, составляло 2095 человек [22]. В молдавском посольстве озвучивается общая примерная численность: «По официальным данным, в Беларуси проживают более 5000 уроженцев Республики Молдова, из них 2100 граждан здесь имеют постоянное место жительства» [18].

В 1990-е гг. в связи с резко ухудшившимся в Молдове социально-экономическим положением принципиально изменились и причины выезда граждан из страны, главной из которых стал поиск работы. Исследователи рассматривают такую миграцию как вызванную стрессовыми ситуациями. Однако далеко не всегда мигранты стремились больше заработать, чтобы улучшить свое материальное благосостояние и благополучие семьи. Для многих граждан Молдовы трудовая миграция стала жизненной необходимостью, позволяющей обеспечить семью средствами к существованию, а также дать возможность детям получить высшее образование, ставшее по

большей части платным. На заработки молдаване выезжали, прежде всего, в Россию и Италию, а также другие страны Европы (Германию, Англию, Чехию, Грецию, Францию, Ирландию, Испанию, Португалию и др.). С конца 1990 – первого десятилетия 2000-х гг. они стремились перевезти туда членов своей семьи и получить гражданство другой страны. Это свидетельствует о том, что процесс миграции приобрел в Молдове безвозвратный характер.

Этносоциологи выделили различные формы миграции в Молдове (этническую, вынужденную, коммерческую (челночную), образовательную, трудовую) и выявили факторы, которые квалифицировали как «выталкивающие». По результатам проведенного ими исследования, со второй половины 1990-х гг., и особенно после финансово-экономического кризиса 1998 г., а также в начале 2000-х гг. в Молдове трудовая миграция в страны ЕС стала массовой [16]. Однако опрошенные нами респонденты, переехавшие в Беларусь в этот период, в качестве главного фактора «выталкивания» отмечали последствия проведенной в Молдове в 1994–1999 гг. реформы в области сельского хозяйства, которая сопровождалась реструктуризацией колхозов [23]. Данная программа, которая реализовывалась с подачи американцев, известна в народе под названием «Пэмынт» («Земля»), провозглашалась как избавление от советского прошлого, от коллективных форм собственности (колхозов и совхозов) и переход к частной собственности. Саму идею народ Молдовы поддержал, но форма ее реализации оказалась губительной как для самих крестьян, так и для сельского хозяйства страны в целом. В итоге это привело к раздроблению колхозных и совхозных сельскохозяйственных земель на мелкие паи между работниками колхозов и совхозов, которые поодиночке не в состоянии были их обрабатывать. Некоторые из сельских жителей вообще остались без земли, поскольку не работали в колхозе или были временно сняты с прописки у себя дома в связи с учебой в вузе или другими обстоятельствами, поэтому по закону им не полагалась квота. В результате проведения правительством Молдовы этой реформы были уничтожены все колхозы и совхозы (сохранился лишь один в Гагаузии – колхоз «Победа» в с. Копчак), не только обеспечивающие сельскохозяйственной продукцией всех граждан страны, но и ранее снабжавшие ею другие республики Советского Союза.

Как следствие, значительная часть трудоспособного населения молодого и среднего возраста, оставшаяся без работы и средств к существованию, была вынуждена навсегда покинуть Родину и искать другую страну, где можно работать и растить детей. При этом если в страны Евросоюза молдаване переселялись как мигранты, постепенно переходя в статус эмигрантов и меняя планы и стратегии на будущее, то в Беларусь многие из них переселились, уже определившись со своими планами на будущее и выбрав страну для постоянного проживания. Многие из молдаван приобрели опыт в качестве гастарбайтеров в странах Евросоюза.

Некоторые из жителей молдавских сел, поработав в 1990-е гг. 1–2 сезона в белорусских колхозах на сельскохозяйственных работах (уборка картофеля, свеклы и др.), переезжали туда всей семьей и обустроивались в белорусских деревнях, работая на животноводческих фермах доярками, телятницами или механизаторами. Их труд был нелегким, но молдаване к нему привычные. Главное, что им ежемесячно выплачивали заработную плату и предоставляли жилье, которое можно было через 10 лет работы в колхозе приватизировать, выкупив его по минимальной цене.

В беседах с респондентами о причинах их переселения в Беларусь многие сравнивали состояние в сельском хозяйстве, условия для жизни и работы в молдавских селах в советский и постсоветский период, а также положение населения в данной области в Беларуси и Молдове. И вряд ли можно было услышать от них другие слова, кроме благодарности принявшей их стране и людям, а также Президенту Республики Беларусь А. Г. Лукашенко за то, что он сумел пройти тот сложный переходный период с минимальными трудностями для населения. Благодаря этому живущие здесь люди не оказались в таком положении, в котором очутились простые молдаване:

«В 1980-е гг. в моем родном селе, в колхозе построили Дом механизатора – хозяйственная постройка из белого кирпича. Тогда это был шик. Причем наняли мастеров, красиво уложили кирпич. Там было все: и душевая, и комната отдыха, и столовая. <...> Для строительства дома животновода я лично с мастерами ездил в Украину в г. Косово в Прикарпатье: фотографировал, делал зарисовки, в том числе крыши – они там особенные. Мы построили такой красивый домик,

как теремок: дорожки – асфальтированные, над ними – сводчатые галереи, виноград и цветы. <...> А какие коровы там стояли – большие, как слоны! Уже тогда в нашем колхозе коров не пасли. Их держали в помещениях, которых было пять. Тогда надаивали по 4,5 – 5 тыс. литров молока на корову. И доярку от нашего колхоза отправили делегатом на XXIV или XXV съезд Коммунистической партии. Официальные делегации из той фермы тогда не “вылезали”. <...> А когда развалился Союз, и я приехал туда (переехал в Беларусь в 1992 г. – Е. К.), здания уже не было. Еще через время, когда я еще раз туда приехал, то увидел, что и фундамента Дома механизатора там уже не было. Когда я потом через время опять туда приехал, то увидел, что этот домик (дом животновода. – Е. К.) еще стоит, а фермы уже нет. Даже забор, который был из кательца, разнесли. А потом, когда я опять приехал туда, там уже ничего не было: ни коровников, ни коров. <...> И когда я все это увидел, заплакал, потому что я там тоже ходил, работал. <...> Но один колхоз в нашем районе тогда еще оставался – в с. Бурланешты. Когда я оказался там спустя 15 лет после того, как уехал из Молдовы (после распада Советского Союза. – Е. К.), он тогда там еще был. Сейчас не знаю, остался ли он. Но там председатель колхоза был на своем месте. Тогда на него руководство давило: “Что ты советские порядки сохраняешь. Фермеры должны быть”. Он отбивался, как мог, и поэтому в том селе люди жили нормально. Он объяснил людям: “Не разоряйте, не допускайте этого, так как будете без работы, будете голодные”. Его сельчане поддержали. <...> Беларусь всего этого не пережила. <...> Лукашенко молодец, что все это сохранил и не дал людям голодать» (ПМА: С., Минск. обл.).

Об экономической и социальной катастрофе, в которой оказался молдавский народ, респонденты вспоминают с большой болью. В связи с этим они всегда сравнивали положение в Молдове и Беларуси, а также политику правительств двух стран:

«Вот белорусы ругают Беларусь и Лукашенко, что он не так поступает и т. д. Поймите, за то, что он сохранил сельское хозяйство, ему надо ставить памятник. У нас были такие же, как в Беларуси, фермы на 10–15 тыс. голов скота. У нас от ферм остались в лучшем случае одни фундамента. У нас ничего этого нет. В настоящее время 95 % молочной продукции в Молдове производится из сухого молока, покупаемого в Беларуси и Украине. У нас нет своего молока. И это в аграрной республике. У нас было все свое. Мы кормили не только себя, но и других» (ПМА: С., г. Минск).

«В Беларуси все сохранилось – Слава Богу! И это потому, что у власти были такие руководители, которые понимали, что такое продовольственная безопасность, когда ты не зависишь от других. А что сегодня в Молдавии? В таком плодородном крае все продукты или привезенные из Турции, или польские, а своих нет. Все свое угробили. Все свое крестьяне не могут реализовывать. Там люди просто выживают. <...> И все это делается по одной простой причине, чтобы люди уходили оттуда, и земля осталась без людей, чтобы там потом все стали гражданами Румынии, и в один час все проголосуют... И вот уже языка молдавского нет. <...> В Молдавии – это не та интеллигенция. Она в основном создана фондом Сороса. Это люди, которые очень обработаны. В Молдавии был один из мощнейших сельскохозяйственных институтов, потом он стал университетом. Так его сегодня нет, его ликвидировали. Вы понимаете, какая там была научная база! Я то это знаю, так как там учился. Там был большой учхоз, там были профессора, по методике которых в Советском Союзе преподавали теоретическую механику, например, Свирский Георгий Эммануилович. Там была настолько мощная база – фундаментальная наука в сельском хозяйстве. Но ее разрушили. <...> Сегодня там (в Молдове) нет нормальных помидор, баклажан, которые мы выращивали на полях без химикатов» (ПМА: Ш. г. Гомель).

В 1990-е – начале 2000-х гг. многие из переселявшихся в Беларусь молдавских или смешанных семей поселялись в деревнях – там для них была работа и их обеспечивали жильем. Они сознательно выбирали жизнь в деревне, будучи сами сельскими жителями. Эта среда оказалась для них наиболее комфортной.

В конце первого – начале второго десятилетия XXI в. количество мигрировавших в Беларусь граждан Молдовы увеличилось, что, видимо, было связано в том числе с последствиями кризиса

2008 г. В этот период социально-экономическая ситуация в стране еще более осложнилась. Кризис больно ударил и по населению со средним достатком, и по молодому поколению. Со второго десятилетия XXI в. молодые семьи, понимая бесперспективность дальнейшей жизни в Молдове, стали искать страну для постоянного проживания. Они ее выбирали не с точки зрения трудовых мигрантов. Многие из переселявшихся в этот период молдаван имели высшее образование. У них на Родине были работа и свое жилье, обустроенные квартиры. Однако решение проблемы в рамках процесса урбанизации в собственной стране (переселение из районного города в столицу) не отражало их устремлений. Молдаване выезжали в другие страны не только потому, что уровень жизни там и возможность хорошего заработка были значительно выше, но прежде всего потому, что выбирали страну с приемлемым социальным и культурным уровнем жизни населения, общим языком и схожим менталитетом, перспективой для них самих и для их детей:

«Мы обосновались в Минске, так как когда приходит время кардинально менять в своей жизни все (уклад жизни, работу, климат, культуру, окружение), то, конечно, хочется поменять не просто так, а на что-то более интересное и значимое. Для меня Минск – это город, который я раньше очень часто посещала, и мне он всегда безумно нравился. И мной, моей семьей было принято решение, что если мы когда-то решим переехать в Беларусь, то это будет именно Минск. <...> Назад в Молдову мы не вернемся – это однозначно, так как даже когда просто сравниваешь “картинки” – внешний вид одного и другого города, то, конечно, назад уже не хочется. Тем более мы жили в Бельцах – небольшом городе, там в настоящее время может быть чуть более 100 тыс. населения. А сейчас мы живем в Минске, где проживает 2 млн человек – это столица, развитая инфраструктура, ухоженность, чистота, красота. В Молдове переезжать из одного города в другой не было смысла, так как я себя комфортно чувствовала в своем городе. Но когда мы решили переезжать в Беларусь, то, конечно, выбрали Минск. <...> К погоде и природе я уже привыкла» [ПМА: К., г. Минск].

В качестве страны для постоянного проживания многие молдаване выбрали Россию, часть из них – Беларусь (учитывая более жесткие требования белорусского миграционного законодательства). Молдаване первой волны, видя ухудшающееся положение в Молдове, звали в Беларусь своих родственников, помогая им устроиться и создавая для себя привычный родственный круг.

Интересную динамику переселения граждан Молдовы в Беларусь демонстрируют данные за 2009 и 2019 гг., содержащиеся в сборниках Национального статистического комитета Республики Беларусь. Анализ официально заявленных причин прибытия граждан Молдовы, постоянно проживающих на территории Республики Беларусь, показывает, что основными из них были семейные обстоятельства, работа, изменение жилищных условий и др. Так, у граждан Молдовы, постоянно проживающих в Беларуси с видом на жительство (в 2009 г. – 1636 чел., в 2019 г. – 2095 чел.), главными причинами переезда были следующие: семейные обстоятельства – 30 чел. (2009 г.) и 1055 чел. (2019 г.); работа – 3 чел. (2009 г.) и 444 чел. (2019 г.); получение образования – 2 чел. (2009 г.) и 81 чел. (2019 г.); возвращение на прежнее место жительства – 1 чел. (2009 г.) и 63 чел. (2019 г.). Очевидно, что причин для переезда могло быть несколько. Кроме того, если в 2009 г. в качестве причины переезда в Беларусь изменение жилищных условий никто не указал, то в 2019 г. этот мотив переезда фигурирует у 268 граждан Молдовы [21–22].

Заключение. История молдавской диаспоры в Беларуси насчитывает 100 лет. Ее формирование происходило в советский и постсоветский периоды. Для обозначения переселенцев этих периодов автор использует понятие молдаване «первой» и «второй» волны. На основании анализа статистических сведений и данных проведенного автором этносоциологического опроса установлено, что для молдаван, переселившихся в Беларусь в советский и постсоветский периоды, характерны определенные различия. Так, у большинства молдаван первой волны были смешанные браки. Увеличение их численности в этот период являлось следствием межреспубликанской миграции в советский период. Они по привычке называют свою Родину Молдавией, а страну проживания – Беларусь, которая для многих из них стала второй Родиной [12; 15]. Переселение молдаван второй волны (в постсоветский период) имело характер трудовой миграции, которая

была связана в первую очередь с поиском работы. В Беларусь они переезжали всей семьей и на постоянное место жительства. В этот период сюда переселилось много моноэтнических молдавских семей. Основная часть представителей этой волны переселенцев сохраняет молдавское гражданство.

Что касается причин переезда в Беларусь на постоянное место жительства, то, несомненно, у каждого уроженца Молдовы они были свои [11]. Однако, как следует из проведенного нами опроса, этих людей объединяет одно: они хотели обеспечить себе и своим детям базовые потребности человека, прописанные в Конституции многих государств, но которые на практике не всегда реализуются [14]. Это право на труд и достойный уровень жизни, включая питание, одежду, жилье; право на образование и медицинское обслуживание, включая лечение за счет государственных средств; право на жизнь и обеспечение безопасности человека; право пользоваться родным языком и выбирать язык общения. У части молдаван (в основном городских жителей) переезд в Беларусь был связан со стремлением изменить жилищные условия и социокультурную среду, в которой они жили, на более лучшие. Важным для них критерием являлось то, что в Беларуси они видели подходящие для себя условия для самореализации и т. д.

Список использованных источников

1. Арутюнов, С. А. Диаспора – это процесс / С. А. Арутюнов // *Этнографическое обозрение*. – 2000. – № 2. – С. 74–78.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
3. Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
4. Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
5. Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
6. Всесоюзная перепись населения 1979 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
7. Всесоюзная перепись населения 1989 года. Национальный состав населения по республикам СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3. – Дата доступа: 02.10.2023.
8. Залеский, Б. Как живёшь, белорусская диаспора? [Электронный ресурс] / Б. Залеский // *Белорусское время*. – 2010. – 1 октября. – Режим доступа: <http://www.belarustime.ru/belarus/culture/diaspore/c6420f28d9870602.html>. – Дата доступа: 05.11.2021.
9. Итоги переписи населения Республики Беларусь 2019 года. Статистический сборник. Т. 2. – Минск: Альтиора Форте, 2021. – С. 228–230 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jrupn3r17rtmхерj6vmh07qубu5o09i.pdf>. – Дата доступа: 02.10.2023.
10. Квилинкова, Е. Н. Белорусы в Молдове и Молдова в белорусах / Е. Н. Квилинкова, В. А. Сакович; науч. ред. серии А. В. Гурко. Серия «Мир глазами этнолога». – Минск: Беларус. навука, 2021. – 454 с.
11. Квилинкова, Е. Н. Гагаузы в Молдове и Беларуси: грани идентичности и стратегия самосохранения / Е. Н. Квилинкова. – Минск: Беларус. навука, 2023. – 383 с.
12. Квилинкова, Е. Н. Значимость у молдаван Беларуси этнической и гражданской идентичностей / Е. Н. Квилинкова // *Cercetarea istoriei și patrimoniului cultural local în contextul dezvoltării durabile a societății*. In honorem Nicolae Chișuș. – Chișinău, 24–25 septembrie 2021. – Chișinău: CEP UPS “Ion Creangă”, 2021. – С. 272–283.
13. Квилинкова, Е. Н. О некоторых критериях выделения диаспор в историографии / Е. Н. Квилинкова, В. А. Сакович // *Междунар. науч.-практ. конф. «Наука, образование, культура», посвящ. 28-й годовщине Комратского гос. ун-та (Комрат, 15 февраля 2019 г.): сб. ст. – Т. II. – Комрат: КГУ, 2019. – С. 324–330.*
14. Квилинкова, Е. Н. Общее и особенное в формировании национальной идентичности в Беларуси и Молдове: от дискурсивных практик к социальным приобретениям / Е. Н. Квилинкова // *Беларуская этнаграфія, этналогія і антрапалогія*. – Вып. 1. – Минск: Беларус. навука, 2022. – С. 168–179.
15. Квилинкова, Е. Н. Понятие «Родина» у молдаван Беларуси через призму процесса адаптации / Е. Н. Квилинкова // *Традыцыі і сучасны стан культуры і мастацтваў: зб. навук. арт. Вып. 4 / гал. рэд. А. І. Лакотка; Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі*. – Минск: Права і эканоміка, 2023. – С. 518–526.
16. Кривенко, А. Молдова: страна массовой трудовой эмиграции. 2014 [Электронный ресурс] / А. Кривенко. – Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php>. – Дата доступа: 25.07.2021.
17. Мартынова, М. Ю. Политика государств Европы в сфере защиты прав этнических меньшинств / М. Ю. Мартынова // *Этнические проблемы и политика государств Европы: сб. ст.; отв. ред. М. Ю. Мартынова, Н. Н. Грацианская*. – М.: Старый сад, 1998. – С. 8–39.

18. Молдову и Беларусь объединяет память о Великой Отечественной войне. 08.05.2021 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://hramvs.by/sobytiya/moldovu-i-belarus-obedinyaet-pamyat-o-velikoi-otechestvennoi-voine>. – Дата доступа: 20.05.2022.
19. Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999/tablichnye-dannye/natsionalnyu-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/>. – Дата доступа: 20.05.2022.
20. Национальный состав населения Республики Беларусь. Перепись населения 2019 г. Статистический бюллетень. Минск, 2020. – С. 1–26 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/df5/df5842f32b1b8a711043f8f54856f5c8.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2022.
21. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Национальный состав населения. Гражданство. 2009 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F508N_ru.saiku. – Дата доступа: 02.10.2023.
22. Национальный статистический комитет Республики Беларусь. Национальный состав населения. Гражданство. 2019 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F508N_ru.saiku. – Дата доступа: 02.10.2023.
23. Сакович, В. А. Продовольственная безопасность Республики Молдова в контексте современной мировой продовольственной проблемы / В. А. Сакович. – Кишинев: Print-Caro, 2020. – 544 с.

References

1. Arutyunov S. A. Diaspora is a process. *Etnographicheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2000, no. 2, pp. 74–78 (in Russian).
2. *All-Union Population Census of 1926. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr_nac_26.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
3. *All-Union Population Census of 1939. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_39.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
4. *All-Union population census of 1959. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_59.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
5. *All-Union population census of 1970. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_70.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
6. *All-Union population census of 1979. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_79.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
7. *All-Union population census of 1989. National composition of the population in the republics of the USSR*. Available at: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng_nac_89.php?reg=3 (accessed 02.10.2023) (in Russian).
8. Zaleski B. How are you living, Belarusian diaspora? *Belorusskoe vremya* [Belarusian time], 01.10.2010. Available at: <http://www.belarustime.ru/belarus/culture/diaspore/c6420f28d9870602.html> (accessed 11.05.2021) (in Russian).
9. *Results of the population census of the Republic of Belarus 2019*. Statistical collection, vol. 2. Minsk, Altiora Forte Publ., 2021, pp. 228–230. Available at: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/e2c/jpupn3rl7trtmxepj6vmh07qy6u5o09i.pdf> (accessed 02.10.2023) (in Russian).
10. Kvilinkova E. N., Sakovich V. A. *Belarusians in Moldova and Moldova in Belarusians*. Scientific ed. series A.V. Gurko. Series “The World through the Eyes of an Ethnologist.” Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2021. 454 p. (in Russian).
11. Kvilinkova E. N. *Gagauz in Moldova and Belarus: facets of identity and strategy of self-preservation*. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2023. 383 p. (in Russian).
12. Kvilinkova E. N. The importance of ethnic and civil identities among the Moldovans of Belarus. *Cercetarea istoriei și patrimoniului cultural local în contextul dezvoltării durabile a societății*. In honorem Nicolae Chiecuș. Chisinau, 24–25 September 2021. Chișinău, CEP UPS “Ion Creangă” Publ., 2021, pp. 272–283 (in Russian).
13. Kvilinkova E. N., Sakovich V. A. About some criteria for identifying diasporas in historiography. *International scientific and practical conference “Science, education, culture”*: dedicated to the 28th anniversary of Comrat State University (Comrat, February 15, 2019). Sat. Art. Vol. II. Comrat, KSU Publ., 2019, pp. 324–330 (in Russian).
14. Kvilinkova E. N. General and special in the formation of national identity in Belarus and Moldova: from discursive practices to social acquisitions. *Belarusian ethnography, ethnology and anthropology*. Vol. 1. Minsk, Belaruskaya Navuka Publ., 2022, pp. 168–179 (in Russian).
15. Kvilinkova E. N. The concept of “Motherland” among the Moldovans of Belarus through the prism of the adaptation process. *Traditions and daily culture and culture*: collection. navuk. art. Vol. 4; gal. ed. A. I. Lakotka; Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk, Prava i ekonomika Publ., 2023, pp. 518–526 (in Russian).
16. Krivenko A. *Moldova: a country of mass labor emigration. 2014*. Available at: <http://www.demoscope.ru/weekly/2014/0605/analit05.php> (accessed 25.07.2023) (in Russian).
17. Martynova M. Yu. Policy of European states in the sphere of protecting the rights of ethnic minorities. *Ethnic problems and politics of European states*: sb. art. Rep. ed. M. Yu. Martynova, N. N. Gratsianskaya. Moscow, Old Garden Publ., 1998, pp. 8–39 (in Russian).
18. *Moldova and Belarus are united by the memory of the Great Patriotic War*. 05.08.2021. Available at: <http://hramvs.by/sobytiya/moldovu-i-belarus-obedinyaet-pamyat-o-velikoi-otechestvennoi-voine> (accessed 20.05.2023) (in Russian).

19. *National composition of the population of the Republic of Belarus. Population census 1999*. Available at: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/perepis-naseleniya/perepis-naseleniya-1999/tablichnye-dannye/natsionalnyy-sostav-naseleniya-respubliki-belarus/> (accessed 20.05.2022) (in Russian).

20. *National composition of the population of the Republic of Belarus. Population Census 2019*. Statistical Bulletin. Minsk, 2020, pp. 1–26. Available at: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/df5/df5842f32b1b8a711043f8f54856f5c8.pdf> (accessed 20.06.2023) (in Russian).

21. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus. National composition of the population. Citizenship*. 2009. Available at: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F508N_ru.saiku (accessed 10.02.2023) (in Russian).

22. *National Statistical Committee of the Republic of Belarus. National composition of the population. Citizenship*. 2019. Available at: https://census.belstat.gov.by/saiku/?guest=true&lang=ru&default_view_state=edit#query/open//public/F508N_ru.saiku (accessed 10.02.2023) (in Russian).

23. Sakovich V. A. *Food security of the Republic of Moldova in the context of the modern world food problem*. Chisinau, Print-Caro Publ., 2020. 544 p. (in Russian).

Информация об авторе

Квилинкова Елизавета Николаевна – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова 1, копр. 2, Минск, Республика Беларусь). E-mail: cvilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

Information about the author

Elizaveta N. Kvilinkova – D. Sc. (Hist.), Associate Professor, Leading Researcher. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: cvilincova@mail.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7168-8506>

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 821.162.1(092)
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-141-148>

Паступіў у рэдакцыю 07.09.2022
Received 07.09.2022

ЛІТАРАТУРАЗНАЎСТВА
LITERARY SCIENCE

А. А. Брусевіч

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Я. Купалы, Гродна, Беларусь

**ПАЭЗІЯ МАРЫІ КАНОПНІЦКАЙ У КАНТЭКСЦЕ
БЕЛАРУСКА-ПОЛЬСКІХ ЛІТАРАТУРНЫХ СУВ'ЯЗЕЙ**

Анотацыя. Цель статьи – изучение художественных особенностей лирики Марии Конопницкой, анализ идейно-эстетических основ её творческого метода и поэтического стиля, а также научное осмысление места и роли этой яркой представительницы польской литературы позитивизма внутри белорусской культурно-исторической парадигмы. Обоснованы новизна и актуальность исследования поэтического наследия М. Конопницкой в контексте белорусско-польских литературных связей. На примере отдельных стихотворений показаны пути художественного осмысления поэтессой ряда эстетических, философских и общественно-политических идей, актуальных как среди польской, так и белорусской творческой интеллигенции. Данный факт обусловил появление литературных последователей, переводчиков и интерпретаторов творчества М. Конопницкой, одним из которых является Янка Купала – народный поэт Беларуси. Также неподдельный интерес белорусов к польской писательнице объясняется общими культурно-историческими ценностями и традициями, схожей ориентацией на представителей предыдущей эпохи (Адама Мицкевича, Юлиуша Словацкого и некоторых других польско-литвинских романтиков). Сформулированы выводы об идейно-эстетических поисках М. Конопницкой, а также о месте её поэзии в системе реализма и контексте белорусско-польских литературных связей.

Ключевые слова: Мария Конопницкая, поэзия, реализм, художественные особенности, белорусско-польские литературные связи

Для цитирования: Брусевіч, А. А. Паэзія Марыі Канапніцкай у кантэксце беларуска-польскіх літаратурных сув'язей / А. А. Брусевіч // Вест. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 141–148. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-141-148>

Anatol A. Brusevich

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus

**THE POETRY OF MARIA KONOPNICKA IN THE CONTEXT
OF BELARUSIAN-POLISH LITERARY CONNECTIONS**

Abstract. The purpose of the article is to study the artistic features of the lyrics of Maria Konopnicka, analyze the ideological and aesthetic foundations of her creative method and poetic style, as well as scientific understanding of the place and role of this bright representative of Polish positivism literature within the Belarusian cultural and historical paradigm. The introduction substantiates the novelty and relevance of the study of the poetic heritage of M. Konopnicka in the context of Belarusian-Polish literary ties. In the main part, on the example of individual poems, the ways of artistic comprehension by the poetess of a number of aesthetic, philosophical and socio-political ideas that are relevant both among the Polish and Belarusian creative intelligentsia are shown. This fact led to the emergence of literary followers, translators and interpreters of M. Konopnicka's work, one of which is Yanka Kupala, the first national poet of Belarus. Also, the genuine interest of Belarusians in the Polish writer is explained by common cultural and historical values and traditions, a similar orientation towards representatives of the previous era (Adam Mitskevich, Juliush Slovatsky and some other Polish-Litvinian romantics). In summary, conclusions are formulated about the ideological and aesthetic searches of M. Konopnicka, as well as about the place of her poetry in the system of realism and the context of Belarusian-Polish literary ties.

Keywords: Maria Konopnicka, poetry, realism, artistic features, Belarusian-Polish literary ties

For citation: Brusevich A. A. The poetry of Maria Konopnicka in the context of belarusian-polish literary connections. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 141–148 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-141-148>

Уводзіны. Творчасць Марыі Канапніцкай (1842–1910), адной з найбольш яркіх прадстаўніц рэалістычнай плыні ў польскім слоўным мастацтве, яшчэ пры яе жыцці стала аб'ектам не толькі чытацкага захаплення, але і пільнай увагі з боку навукоўцаў. На сённяшні дзень у Польшчы налічваецца дзясяткі манаграфій і сотні артыкулаў, прысвечаных пісьменніцы, а яе асоба прызнаецца адной з самых значных у гісторыі польскай літаратуры. Расійскае, а следам савецкае літаратуразнаўства і крытыка таксама не абышлі ўвагай творчасць М. Канапніцкай. Сярод расійскіх дарэвалюцыйных даследчыкаў-папулярызатараў яе спадчыны – Іван Бадурэн дэ Куртэнэ, Аляксандр Лядніцкі, Венедыкт Мякоцін, Марыя Трапоўская, Канстанцін Храпавіч, Аляксандр Яцымірскі і некаторыя іншыя. У савецкі перыяд найбольшы ўклад у асэнсаванне феномена М. Канапніцкай унеслі Валерыян Арцымовіч, Яўген Брандзіс, Астра Піятроўская, Максім Рыльскі. Аднак што тычыцца беларускага (і савецкага, і сучаснага) літаратуразнаўства, то ў ім асоба знакамітай польскай пісьменніцы згадваецца даволі рэдка, хоць у кантэксце літаратурных сувязей, якія існуюць паміж абодвума народамі, падобная сітуацыя выглядае, як мінімум, неадарэчна. Між тым пры даследаванні гісторыі беларускай літаратуры, асабліва другой паловы XIX – пачатку XX ст., асобу М. Канапніцкай абмінуць цяжка: даўня сяброўка Элізы Ажэшкі, яна наведвала Гродна, Навагрудак, а таксама іншыя мясціны Беларусі, знаёмячыся з тутэйшым насельніцтвам і культурай, што знайшло сваё мастацкае ўвасабленне ў некаторых тэкстах польскай рэалістыкі; перапісвалася з Янкам Лучынам, падтрымліваючы яго паэтычны талент; яе слова значна паўплывала на фарміраванне творчай свядомасці ранняга Янкі Купалы і шэрагу іншых айчынных літаратараў; яе творы перакладаліся на беларускую мову Альгердам Абуховічам, Тэрэсай Гардзьялкоўскай, Язэпам Дылам, ужо згаданым Янкам Купалам, Гальяшом Леўчыкам, Альбертам Паўловічам, Зоф'яй Тшашчкоўскай (пазней з'явіцца і новыя перакладчыкі – Пётр Бітэль, Сяргей Дзяргай, Васіль Сёмуха, Ніна Мацяш і інш.).

Асноўная частка. Як бачым, у айчыннага літаратуразнаўства, а таксама краязнаўства маецца амаль неасвоенае поле для цікавых даследаванняў, хаця яшчэ ў 1960-я гг. Адам Мальдзіс звярнуў увагу на вядучых прадстаўнікоў польскага крытычнага рэалізму (сярод іх згадваецца і М. Канапніцкая), якія ў сваіх творах «адлюстравалі жыццё і побыт беларускага сялянства ў іх складанасці і супярэчлівасці, стварылі галерэю рэалістычных вобразаў прадстаўнікоў нашага народа» [1, с. 151]. Неабходна заўважыць, што даследчык паставіў імя М. Канапніцкай побач з такімі знакамітымі польскімі празаікамі, як Э. Ажэшка і Г. Сянкевіч, ствараючы тым самым адмысловы «эпічны» вектар для патэнцыяльных пошукаў. Магчыма, дзякуючы гэтаму пазней з'явілася некалькі кампаратывісцкіх артыкулаў, заснаваных на правядзенні паралелей паміж стыльовымі асаблівасцямі тэкстаў польскай пісьменніцы і некаторых беларускіх аўтараў. Можна, напрыклад, назваць працу Антона Паўловіча «Імпрэсіяністычныя тэндэнцыі ў малой прозе Марыі Канапніцкай і Алаізы Пашкевіч (Цёткі)», у якой даказваецца, «што ў стварэнні стылю беларускай і польскай пісьменніц не апошняю ролю адыгралі праявы імпрэсіянізму» [2, с. 32]. У падобным кірунку дзейнічае Анна Альштынюк: даследчыцай з Беластока (артыкул «Творчасць Янкі Брыля ў польскім кантэксце: Марыя Канапніцкая») «выбраныя апавяданні Я. Брыля і М. Канапніцкай разглядаюцца ў тыпалагічным ракурсе» [3, с. 139].

Закрануў таксама А. Мальдзіс і ліра-эпічны бок творчасці пісьменніцы: згадаў пра наяўнасць у яе паэме «Пан Бальцар у Бразіліі» вобразаў беларусаў, што разам з іншымі эмігрантамі «шукаюць хлеба ў Паўднёвай Амерыцы» [1, с. 154]. Засведчыўшы цікавасць М. Канапніцкай да беларускай культуры, аўтарытэтны вучоны падрыхтаваў глебу для сваіх наступнікаў – даследчыкаў беларуска-польскіх літаратурных сувязей, якіх у сваю чаргу павінен зацікавіць феномен знакамітай паэткі. Бо акурат паэзія з'яўляецца першаснай субстанцыяй: з яе паўсталі і эпічны, і драматычны, і літаратуразнаўчы, і перакладчыцкі талент М. Канапніцкай. З айчынных навукоўцаў, што адгукнуліся на вокліч старэйшага калегі і паэтычнае слова натхняльніцы Я. Купалы, варта перш за ўсё назваць Еву Лявонаву, аўтара некалькіх літаратуразнаўчых і навукова-папулярных публікацый, якія знаёмяць з асобай М. Канапніцкай і яе лірыкай. Можна таксама прыгадаць кампаратывісцкі досвед Іаанны Васілюк, чый артыкул «Вобраз хаты ў творчасці Францішка Багушэвіча і Мар'і Канапніцкай» звязаны з пошукам агульных матываў у вершах двух класікаў. На думку даследчыцы, «мастацка-эстэтычныя сыходжанні вершаў Ф. Багушэвіча і М. Канапніцкай абумоўлены як аб'ектыўнымі, так і суб'ектыўнымі аспектамі: бліжкім сацыяльным станам

грамадства, цяжкім становішчам сялянства, а таксама самаахвярай любоўю паэтаў да Радзімы» [4, с. 74].

Абзначаныя І. Васілюк аспекты, якія сталі прычынай некаторага супадзення матыўна-вобразных сістэм двух творцаў, маюць па вялікім рахунку адну аснову: складаную грамадска-палітычную сітуацыю, што аформілася пасля паражэння Студзеньскага паўстання 1863–1864 гг. Найбольш заўважным наступствам вядомых падзей у мастацка-эстэтычным плане лічыцца паступовае разбурэнне старой літаратурнай школы рамантызму і зараджэнне на руінах яе колішніх ідэалаў новых тэндэнцый – рэалізму або пазітывізму. Аднак працэс гэты не мог працякаць ні ў польскай, ні ў беларускай, ні ў памежнай (ліцвінскай) мастацкай прасторы з аднолькавай інтэнсіўнасцю, аб чым сведчаць творы тагачасных пісьменнікаў, многія з якіх, нягледзячы на боль і расчараванне вынікамі паўстання, працягвалі міцкевічаўскія традыцыі. Іншая справа, што адны рабілі гэта звольнага па інерцыі, а другія – цалкам свядома і мэтанакіравана. Дык вось М. Канапніцкая адносіцца да першай групы, а Ф. Багушэвіч – да другой. Аўтар зборнікаў «Дудка беларуская» і «Смык беларускі», вядома, спрабаваў узняцца над рамантызмам, але пры гэтым не жадаў пазбаўляцца ад эстэтычных, філасофскіх, рэлігійных і іншых ідэй сваіх літаратурных папярэднікаў, што для большасці польскіх паэтаў часоў пострамантызму, у тым ліку і для М. Канапніцкай, губляла значнасць. Вось чаму, прызнаючы геніяльнасць драматычнай паэмы «Дзяды», аднаго з самых складаных тэкстаў А. Міцкевіча паводле ідэйнага напаўнення і мастацка-вобразнага афармлення, М. Канапніцкая бачыць усяго адну стваральную субстанцыю, што прыводзіць у рух згаданы шэдэўр: сувязь паэта з народнай стыхіяй, альбо так званую «народнасць» («*ludowość*») – «творчую іскру, ад якой разгарэлася полымя натхнення і чый спрадвечны жывы бляск працінае наскрозь увесь твор» [5, с. 162]. Усе іншыя рамантычныя ідэі, увасобленыя ў знакамітай паэме А. Міцкевіча, як, зрэшты, і ў астатняй яго творчасці, для прадстаўнікоў новай літаратурнай генерацыі ўяўляліся састарэлымі, а таму неактуальнымі і контрпрадуктыўнымі пры пабудове ўласнага мастацкага свету.

Такім чынам, калі і шукаць у польскім прыгожым пісьменстве аўтараў, тыпалагічна блізкіх да Ф. Багушэвіча, то рабіць гэта трэба не проста сярод яго пакалення – між тых творцаў, што прыйшлі ў літаратуру пасля Студзеньскага паўстання, але сярод паэтаў, якія бралі ў ім непасрэдна ўдзел, а значыць, і ад рамантычна-рэвалюцыйных ідэалаў лёгка вызваліцца не маглі. На такую ролю найлепш падыходзіць равеснік беларускага класіка і такі ж удзельнік паўстання Адам Аснык, чый творчы талент фарміраваўся ў адзін час з М. Канапніцкай, але так і не здолеў упісацца ў каноны пазітывізму. У польскім літаратуразнаўстве, дарэчы, з пункту гледжання на адзін прыкладна час публікацыйнай актыўнасці, А. Асныка і маладзейшую за яго на чатыры гады стваральніцу «Роты» прынята разглядаць побач, але хутчэй як творчых апанентаў, а не ідэйна-эстэтычных хаўруснікаў. І сапраўды, гэта вельмі розныя творцы: першы прыцягвае незвычайнай глыбінёй думкі і высокім палётам фантазіі, а таксама здольнасцю аздобіць небанальныя рэфлексіі і яркія эмоцыі адпаведнай формай, другая – падкупляе шчырасцю і ідэйнай празрыстасцю выказанага, а яшчэ неверагоднай дынамікай як зместу, так і формы мастацкіх тэкстаў. Як слушна заўважыў гісторык польскай літаратуры Ю. Трацяк, «рэфлексія з’яўляецца галоўнай сілай у паэзіі А. Асныка» [6, с. 61]. Падобным чынам параўноўвае творцаў Ю. Вележыньская: у А. Асныка «перш за ўсё паэзія вобразаў» [7, с. 32], у той час як у М. Канапніцкай «творы поўнасцю трымаюцца на руху» [7, с. 32]. Акрамя таго, даследчыца паказвае на цалкам розныя экзістэнцыяльна-светапоглядныя асновы паэзіі гэтых двух аўтараў: «Канапніцкая не выйшла, як Аснык, з болю, з трагедыі асабістай альбо народа, але выйшла са спачування людзям, якія церпяць крыўду і з татальнай бездапаможнасці ў дадзенай сітуацыі» [7, с. 61].

Тое, што М. Канапніцкая найперш паэтэса, заўважыў яшчэ І. Бадуэн дэ Куртэнэ. «Пісьменніца належала менавіта да ліку тых абраных, для якіх верш з’яўляецца самай натуральнай, заўжды гатовай і найлягчэйшай формай творчасці», – пісаў прафесар у прадмове да трохтомнага выдання рускамоўных перакладаў прозы названай прадстаўніцы польскага рэалізму, спрабуючы, відаць, заахваціць патэнцыяльных чытачоў да пошуку магчымасці пазнаёміцца і з паэтычнай яе спадчынай, паколькі «руская публіка і нават руская крытыка вельмі аднабакова ведае Канапніцкую» [8, с. V]. У тагачаснай беларускай публіцы мелася аналагічная праблема, якую з прычыны сваіх сціпых магчымасцей стараліся вырашыць рупліўцы на ніве нацыянальнага адраджэння. Бела-

рускомоўны чытач змог пазнаёміцца з М. Канапніцкай дзякуючы найперш перакладам яе твораў, змешчаным у «Нашай ніве». Канешне, тая мізэрная колькасць перакладзеных тэкстаў, што з’явілася на старонках газеты за час яе існавання, не магла даць уяўлення аб сапраўдных маштабах асобы польскай пісьменніцы, але затое ўжо сама іх прысутнасць сведчыла пра важныя зрухі ўнутры айчыннага літаратурнага працэсу, скіраваныя на пашырэнне беларускай вербальнай прасторы за кошт суседніх тыпалагічна блізкіх мастацкіх з’яў. Як заўважае Павел Навойчык, менавіта паэзія М. Канапніцкай «была найбольш блізкай па свайму духу, вобразнаму ладу, ідэйнай скіраванасці, праблематыцы як выдаўцам, так, мусібыць, і чытачам “Нашай нівы”» [9, с. 261]. Гэтая думка пацвярджаецца і цікавасцю да спадчыны паэтэсы з боку Я. Купалы – аднаго з самых вядомых «нашаніўцаў» і рэдактараў выдання: яшчэ пры жыцці М. Канапніцкай беларускі творца ўзяўся за пераклад паасобных яе вершаў, сувымерных і ўнутраным напаўненнем, і знешняй аздобай з купалаўскай мастацкай манерай, якая тады яшчэ толькі афармлялася. А калі польскай пісьменніцы не стала, Я. Купала адгукнуўся кранальным вершам «Памяці Мар’і Канапніцкай», засведчыўшы ўласныя паважлівыя адносіны да яе асобы і трапна абазначыўшы ролю «пясняркі-княгіні» ў гісторыі тагачаснай еўрапейскай літаратуры:

І сышла ты, пяснярка народаў,
Божы светач жывых пакаленняў,
Ў новы край невядомага быту
Ад жыццёвых няпраўд і цярпенняў [10, с. 128].

Назваючы М. Канапніцкую пясняркай народаў, Я. Купала сцвярджае слушную думку аб наднацыянальнасці шэрагу мастацка-эстэтычных ідэй, закладзеных у аснову яе творчасці. Бо, скажам, «ад жыццёвых няпраўд і цярпенняў» мучыліся не толькі палякі, але людзі па ўсім свеце. І сапраўды, у спакутаваных героях М. Канапніцкай не так проста ўбачыць рысы нацыянальнага характару, бо гэтыя вобразы найперш адлюстроўваюць сваю сацыяльную прыналежнасць – часцей да бяспраўнага сялянства. Затое такія героі са сваімі «ўніверсальнымі» праблемамі былі блізкімі і зразумелымі для кожнай суседняй літаратуры, асабліва для беларускай, якая мусіла акурат у той час вырашаць шмат непасільных задач, у тым ліку і сацыяльнай скіраванасці. Нездарма ў таго ж Я. Купалы першы паэтычны зборнік «Жалейка», пры наяўнасці ў ім 16 асноўных матываў, ідэйна грунтуецца пераважна на матыве сацыяльнай няроўнасці, які сустракаецца і дамінуе ажно ў 15 вершах кнігі. Можна, дарэчы, выказаць здагадку, што назву свайму зборніку наш пясняр прыдумаў не без уплыву з боку польскай калегі: у М. Канапніцкай маецца вядомы паэтычны цыкл «На fujaґсе» («На жалейцы»), першы верш з якога быў перакладзены Я. Купалам і змешчаны ў дэбютнай, амаль аднайменнай кнізе. Дадзены цыкл адметны прамой сувяззю са славянскай фальклорнай традыцыяй, агульнай і для палякаў, і для беларусаў, і для многіх іншых этнічных супольнасцей Усходняй і Цэнтральнай Еўропы, што таксама рабіла з М. Канапніцкай «пяснярку народаў». Усе пятнаццаць вершаў, якія сюды ўвайшлі, у значнай ступені стылізаваныя пад народныя песні, таму ўключаюць у сябе характэрныя жанравыя элементы: лірычныя дыялогі з іх заўсёднай прастатой і шчырай спавядальнасцю, разгорнутыя апісанні прыроды і сялянскага штодзённага быту, антрапамарфізацыю раслін, жывёл і прыродных з’яў, наяўнасць адпаведнай сімволікі, а таксама рэфрэнаў, паралелізмаў і іншых стылявых сродкаў. Падобнай стылізацыяй займаліся, нагадаем, яшчэ рамантыкі – ад Яна Чачота да Уладзіслава Сыракомлі, аднак толькі ў вершах прадстаўнікоў рэалістычнага мастацтва, да якіх належыць і стваральніца цыкла «На жалейцы», сацыяльныя крыўды, агучаныя лірычным героем, набываюць сапраўды глабальны маштаб, а сам ён не проста скардзіцца на гаротны лёс, але здольны нарэшце да самааналізу і роздуму:

Ale żeby wyszło naszym
Łez morze,
Chyba cały świat zapalisz,
Mój Boże! [11, с. 202].

(Але каб засохла нашых // Слэз мора, // Хіба цэлы свет запаліш, // Мой Божа!)

¹ Тут і далей падаецца пераклад аўтара артыкула.

Невядома, ці збіраўся Я. Купала перакладаць увесь цыкл, але такую верагоднасць можна дапусціць, паколькі і ў іншых яго частках гучаць роднасныя беларускай літаратурнай і фальклорнай традыцыі матывы. У другім, напрыклад, вершы дамінуе матыў неабмежаванага патэнцыялу селяніна, які, на жаль, стрымліваецца несправядлівацю існуючай грамадскай сітуацыі:

Hej! głos dokoła!
 Cości mnie woła,
 Cości z piersi zabiera mi duszę...
 Żebym jeno chciał,
 Półświata bym miał,
 Tylko tyle, że konie paść muszę... [11, с. 202].

(Гэй! голас зычны! // Ён мяне кліча, // Ён з грудзей душу вырывае... // Каб толькі хацеў, // Паўсвету бы меў, // Але коней адно пасвіць маю...)

Аналагічны матыў сустракаецца, дарэчы, і ў Я. Купалы:

Эй, дуж я да ўсяго –
 На раллі, на лугу!
 Толькі гора свайго
 Я змагчы не магу!.. [12, с. 200].

У вершах, што складаюць цыкл «На жалейцы», М. Канапніцкая адлюстравала найбольш важныя моманты жыцця селяніна, але не праз бытапісанне, як гэта рабілі часта яе папярэднікі, а паказваючы шырокі спектр рэфлексій і эмоцый, якія ўзнікаюць у лірычнага героя на фоне той ці іншай падзеі. Напрыклад, у трэцім вершы цыкла своеасаблівым фонам для роздуму паслужыла вельмі важная састаўная частка вясковага жыцця, звязаная з вырошчваннем і перапрацоўкай ільну. Асобна заўважым, што, выкарыстоўваючы вобраз гэтай прадзільнай, алейнай і лекавай культуры, паэтка ў чарговы раз пацвердзіла сваё званне «пясняркі народаў», бо лён спрадвеку апранаў, карміў і ўсяляк дапамагаў людзям па ўсім свеце. А таму ён увайшоў і ў фальклор, і ў літаратуру не толькі палякаў (дастаткова згадаць казку «Лён» знакамітага дацкага пісьменніка Ханса Крысціяна Андэрсена альбо мноства вершаў пра лён айчынных творцаў, сярод якіх і наш першы народны паэт; не аднойчы згадаецца лён і ў беларускіх народных песнях, загадках, прыказках і прымаўках). М. Канапніцкая ў сваім вершы згадвае ўсе стады трансфармацыі лёну: ад яго прыгожага блакітнага квітнення да пашыўкі льяняной кашулі. Аднак усё гэта, як было заўважана, служыць фонам для трывожнай рэфлексіі лірычнага героя над сваёй гаротнай штодзённасцю і цьмянай, імаверна трагічнай будучыняй. Толькі першыя два радкі нясуць у сабе спакойную настраёнасць і нават фармальную атрыбутыўнасць народнай песеннай стыхіі:

Oj matusiu, lny nam kwitną
 Jako niebo, tak błękitno! [11, с. 203].

(Ой матуля, лён квітнее // Нібы неба, блакітнее!)

А далей адбываецца характэрнае для творчасці М. Канапніцкай заглыбленне ў сацыяльную праблематыку. Так, лён квітнее колерам неба, выклікаючы ўзнёслыя пачуцці, аднак тут, на зямлі, просты чалавек не мае магчымасці надоўга прыхінуцца да сузірання прыгажосці, бо яго чакае цяжкая фізічная праца і тыя ж кветкі лёну ён мусіць паліваць уласнымі слязамі:

A łzami go polewajcie,
 A na słońku suszyć dajcie [11, с. 203].

(Слёзкамі яго паліце, // А на сонцы прасушыце)

Адначасна лірычны герой перажывае, што яго неўзабаве могуць прызваць на вайсковую службу, а значыць, ёсць змрочная перспектыва не вярнуцца дадому жывым. Адзіным «суцяшэннем» у такой сітуацыі з'яўляецца кашуля, пашытая з роднага лёну, якая ў смяротны час будзе напамінаць герою аб радзіме:

Jak dostanę w piersi kulę,
Jeśli taki wyrok boski,
Niech na sercu mam koszulę
Z lnu naszego, z naszej wioski! [11, с. 204–205].

*(Як прашыце грудзі куля, // Раз такі ўжо вырак боскі, //
Хоць на сэрцы мець кашулю // Буду з лёну з нашай вёскі!)*

Заўважым, радзіму ў дадзеным вершы М. Канапніцкая свядома «звужае» да маштабаў вёскі, нагадваючы тым самым, што паміж айчынай і дзяржавай можна ставіць толькі тады знак роўнасці, калі апошняя аднолькава клапаціцца аб усіх сваіх грамадзянах. Зрэшты, у параўнанні з іншымі вершамі паэтки, тут усё ж гучаць слабыя ноткі аптымізму і жыццесцвярджальнасці, паколькі «звужэнне» радзімы яшчэ не абазначае яе поўнае нівеліраванне і рассычэнне ў дзяржаве-чужаніцы. Куды горш не мець магчымасці збудаваць паўнаўартасную сям'ю, якая служыць надзейным грунтам для радзімы і трывалым падмуркам нацыянальнай, сацыяльна арыентаванай дзяржавы, пра якую марылі прадстаўнікі пазітывізму. Менавіта сацыяльная няроўнасць стаіць на шляху саміх законаў прыроды, перашкаджаючы рэалізацыі найлепшых пачуццяў, напрыклад, кахання:

Jakże cię mam brać, dziewczyno,
Jakże cię mam brać,
Kiedy mi cię z białej chaty
Nie chcą ojciec dać ?.. [11, с. 205].

*(Як жа ўзяць цябе, дзяўчына, // Як жа цябе ўзяць, //
Як не хоча з белай хаты // Бацька аддаваць?)*

Матыў немагчымасці аб'яднацца двум закаханым праз розны сацыяльны статус нярэдка гучыць як у фальклорных творах, так і ў мастацкай літаратуры, прычым на ўсіх этапах яе развіцця, набываючы ў перыяд станаўлення крытычнага рэалізму асабліва трагічнае гучанне. Гэта вынікае і з вершаў М. Канапніцкай, і з творчасці яе паслядоўнікаў, у тым ліку беларускіх паэтаў (найбольш яркім узорам выступае паэма Я. Купалы «Адплата кахання»). Увогуле, паэзія (і польская, і беларуская) у перыяд пострамантызму, як можна пераканацца з твораў самых розных пісьменнікаў, нярэдка звяртаецца да так званага «матыву немагчымасці» (немагчымасці лірычным героем рэалізаваць свае мары, планы, спадзяванні і г. д.), што з'яўляецца адным з трагічных, але заканамерных вынікаў няспраўджанай надзеі на Студзеньскае паўстанне. У той жа час гэта можна расцэньваць як неўсвядомлены, інертны працяг асобных традыцый літаратуры рамантызму, у прыватнасці, культывацыі ідэі недасяжнасці рамантычнага ідэалу. Яшчэ раз нагадаем, што прадстаўнікі рэалізму, да якіх адносім і М. Канапніцкую, калі нават і імкнуліся пазбавіцца ад ідэйна-эстэтычнай спадчыны папярэднікаў, былі ўсё ж такі выхаваныя на мастацтве рамантыкаў, таму нярэдка знаходзілі ў ім каштоўныя для сябе ісціны. Таму, як заўважае Е. Лявонова, «у многіх творах паэтки з рэалізмам спалучаецца рамантычная традыцыя, што ідзе ў першую чаргу ад вялікіх суайчыннікаў – Адама Міцкевіча і Юльёша Славацкага, а таксама ад улюбёнага яе пісьменніка – французскага рамантыка Віктара Гюго» [13, с. 33]. І сапраўды, у шэрагу сваіх вершаў М. Канапніцкая стварае адпаведную матыўна-вобразную прастору, у межах якой згаданыя мастацкія плыні могуць цалкам гарманічна суіснаваць, нагадваючы пра ўзаемаабумоўленасць мінулага, сучаснасці і будучыні:

Jak motyl drżący nad lampy płomieniem,
Duch mój uderza w skrzydła i ulata,
Gdzie wiekiuistość bezsennem spojrzeniem
W ciemnościach czuwa nad nędzami świata [11, с. 10].

*(Як матыль дрогкі над полымем лямпы, // Дух мой кіруе крылы для палёту //
Туды, дзе вечнасць бяссонным паглядом // У цемры сочыць за светам гаротным)*

Высновы. Падагульняючы сказанае вышэй, можна зрабіць наступныя высновы: 1) аналіз ідэйна-эстэтычных асноў творчага метаду і паэтычнага стылю М. Канапніцкай дазваляе адносіць пісьменніцу да прадстаўнікоў рэалістычнай плыні ў польскім мастацтве слова; 2) шляхі мастацкага асэнсавання М. Канапніцкай шэрагу эстэтычных, філасофскіх і грамадска-палітычных ідэй, актуальных як сярод польскай, так і сярод тагачаснай беларускай творчай інтэлігенцыі, знаходзяцца пераважна ў плоскасці супольнай гісторыі, у тым ліку і гісторыі літаратуры; 3) агульныя культурна-гістарычныя арыенціры, каштоўнасці і традыцыі, аднолькавае пачуццё спадкаемства ў дачыненні да прадстаўнікоў папярэдняй эпохі (А. Міцкевіча, Ю. Славацкага і некаторых іншых польска-літвінскіх рамантыкаў) – усё гэта абумовіла з’яўленне ў Беларусі літаратурных паслядоўнікаў М. Канапніцкай, а таксама перакладчыкаў і інтэрпрэтатараў яе творчасці, сярод якіх і наш першы народны паэт Я. Купала.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Мальдзіс, А. Выбранае / А. Мальдзіс. – Мінск: Кнігазбор, 2007. – 467 с.
2. Паўловіч, А. Імпрэсіяністычныя тэндэнцыі ў малой прозе Марыі Канапніцкай і Алаізы Пашкевіч (Цёткі) / А. Паўловіч // Род. слова. – 2010. – № 10. – С. 30–32.
3. Альштынук, А. Творчасць Янкі Брыля ў польскім кантэксце: Марыя Канапніцкая / А. Альштынук // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: матэрыялы XIII Міжнар. навук. канф., прысвеч. 100-годдзю БДУ і 90-годдзю з дня нараджэння чл.-кар. НАН Беларусі праф. А. А. Лойкі, Мінск, 28–29 кастр. 2021 г. / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: С. А. Важнік (гал. рэд.) [і інш.]; навук. рэд. А. І. Бельскі. – Мінск, 2021. – С. 139–143.
4. Васілюк, І. Вобраз хаты ў творчасці Францішка Багушэвіча і Мар’і Канапніцкай / І. Васілюк // Шлях да ўзаемнасці: матэрыялы XVIII Міжнар. навук. канф., Гродна, 15–16 лістап. 2012 г. / рэдкал.: Я. Панькоў, І. Папоў, Э. Ярмаўскі. – Ліда, 2014. – С. 71–74.
5. Konopnicka, M. Z roku Mickiewiczowskiego / M. Konopnicka. – Warszawa: Bronisław Natanson, 1900. – 254 s.
6. Tretiak, J. Adam Asnyk jako wyraz swojej epoki / J. Tretiak. – Kraków: Krakowska Spółka Wydawnicza, 1922. – 70 s.
7. Wieleżyńska, J. Ze studjów nad Asnykiem / J. Wieleżyńska. – Warszawa: Druk. Kooperatywy Prac, 1930. – 88 s.
8. Бадун дэ Куртэнэ, И. Мария Конопницкая. Критико-биографический очерк / И. Бадун дэ Куртэнэ // Собр. соч. : в 3 т. / М. Конопницкая. – СПб., 1912. – Т. 1. – С. V–XXIX.
9. Навойчык, П. Паэтыка перакладаў вершаў М. Канапніцкай у кантэксце нашаніўскай лірыкі пачатку XX ст. / П. Навойчык // Acta Albaruthenica. – 2007. – № 6. – С. 259–264.
10. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1996. – Т. 2: Вершы, пераклады, 1908–1910. – 342 с.
11. Konopnicka, M. Wybór poezyj / M. Konopnicka. – Kraków: G. Gebethner i Spółka, 1890. – 262 s.
12. Купала, Я. Поўны збор твораў: у 9 т. / Я. Купала. – Мінск: Маст. літ., 1995. – Т. 1: Вершы, пераклады, 1904–1907. – 462 с.
13. Лявонава, Е. «Дзе ж тая песня, што нібы прысяга...»: пра жыццё і творчасць Марыі Канапніцкай / Е. Лявонава // Род. слова. – 2002. – № 4. – С. 31–34.

References

1. Mal'dzis A. *Selected*. Minsk, Knigazbor Publ., 2007. 464 p. (in Belarusian).
2. Paulovich A. Impressionist tendencies in the short prose of Maria Konopnicka and Alaiza Pashkevich (Aunt). *Rodnae slova* [Native Word], 2010, no. 10, pp. 30–32 (in Belarusian).
3. Al'shtynuk A. Janka Bril's creativity in the Polish context: Mariya Kanapnitska. *Slavyanskiya litaratury u kanktektse susvetnai: materyaly XIII Mizhнародnai navukovai kanferentsyi, prysvechanai 100-goddzyu BDU i 90-goddzyu z dnya narodzhennya chlena-korespondenta NAN Belarusi prafesara A. A. Loiki, Minsk, 28–29 kastychnika 2021 g.* [Slavic literature in the context of the world: materials of the 13th International of science conference, dedicated to the 100th anniversary of BSU and the 90th anniversary of its birth member-correspondent of the National Academy of Sciences of Belarus professor A. A. Loika]. Minsk, 2021, pp. 139–143 (in Belarusian).
4. Vasilyuk I. The image of the house in the work of Franziska Bogushevich and Maria Kanapnitskaya. *Shlyakh da uzaemnasti: materyaly XVIII Mizhнародnai navukovai kanferentsyi, Grodna, 15–16 listapada 2012 g.* [The way to reciprocity: materials of the XVIII international of science conference, Grodno, November 15–16, 2012]. Lida, 2014, pp. 71–74 (in Belarusian).
5. Konopnicka M. *Z roku Mickiewiczowskiego*. Warszawa, Bronisław Natanson, 1900. 254 p. (in Polish).
6. Tretiak J. *Adam Asnyk jako wyraz swojej epoki*. Kraków, Krakowska Spółka Wydawnicza, 1922. 70 p. (in Polish).
7. Wieleżyńska J. *Ze studjów nad Asnykiem*. Warszawa, Drukarnia Kooperatywy Prac, 1930. 88 p. (in Polish).
8. Badyen de Kurtene I. Maria Konopnitskaya. Critical-biographical essay. *Konopnitskaya M. Collected works. Vol. 1*. St. Petersburg, 1912, pp. V–XXIX (in Russian).
9. Navoichyk P. The poetics of translations of M. Konopnicka's poems in the context of Naszaniwska's poetry at the beginning of the 20th century. *Acta Albaruthenica*, 2007, no. 6, pp. 259–264 (in Belarusian).

10. Kupala Ya. *Complete works. Vol. 2. Poems, translations, 1908–1910*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1996. 342 p. (in Belarusian).

11. Konopnicka M. *Wybór poezyj*. Kraków, G. Gebethner i Spółka, 1890. 262 p. (in Polish).

12. Kupala Ya. *Complete works. Vol. 1. Poems, translations, 1904–1907*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1995. 462 p. (in Belarusian).

13. Lyavonava E. “Where is that song that seems to be an oath...” : about the life and work of Maria Konopnicka. *Rodnae slova* [Native Word], 2002, no. 4, pp. 31–34 (in Belarusian).

Информация об авторе

Брусевич Анатолий Александрович – кандидат филологических наук, доцент. Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (ул. Ожешко, 22, 230023, Гродно, Республика Беларусь). E-mail: brusevich@tut.by

Information about the author

Anatol A. Brusevich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor. Yanka Kupala State University of Grodno (22 Ozheshko Str., Grodno 230023, Belarus). E-mail: brusevich@tut.by

ISSN 2524-2369 (Print)

ISSN 2524-2377 (Online)

УДК 821.161.3.09-1 «1921/1939»

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-149-159>

Паступіў у рэдакцыю 28.02.2024

Received 28.02.2024

М. У. Мікуліч

*Цэнтр даследаванняў беларускай культуры, мовы і літаратуры
Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь*

ЗАБЫТЫЯ ПАЭТЫ ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ

Анотацыя. Стат'я прысвечана осмысленню ідэйна-художественных поіскаў забытых паэтаў Заходняй Беларусі – Пятруся Граніта, Юліяна Сергіевіча і Кастуся Рагойшы, якія рэалізаваліся ў рамках вядучага лірыка-повествавальнага художественна-стилевага течения. Автор выявляе заангажыраванасць лірычнага героя П. Граніта ў актуальныя праблемы заходнебеларускай рэальнасці, астроту яго сацыяльнага погляда, характэрную наступатэльнасць, якія раскрывалі аб'ектыўную прыроду з'яўленняў і працэсаў, як правіла, звязаных з канкрэтным хронотопам. Падкрэплваюцца разнаобразнасць праблемна-тэматычнага зместу, узвышанасць духоўна-маральнага сусвету, шырокі спектр образна-стилевага рысунка творчасці Ю. Сергіевіча, у вершах якога хрысціянска-рэлігійная ідэя арганічна спрыяла з'яўленню матаіваў барацьбы з несправядлівасцю і угнеценнем. У творчасці К. Рагойшы увага акцэнтуйраецца на сінтэзе элементаў наратывнага і праблемнага, аналітычнага пісьма, якое характэрнавалася аўтарскай наблідацельнасцю, умелым заўважыць і падкрэпліць у з'яўленні і прадмеце індывідуальнае, неповторнае, паказаць іх у руху, развіцці.

Ключевые слова: традыцыі, творчасць індывідуальнасць, лірыка-повествавальны, образ, духоўна-сацыяльны, рэалістычны адражэнне, лірычны герой, прадметна-ізабражальны

Для цытавання: Мікуліч, М. У. Забытыя паэты Заходняй Беларусі / М. У. Мікуліч // Весті Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 149–159. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-149-159>

Mikalai U. Mikulich

*Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy
of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus*

FORGOTTEN POETS OF WESTERN BELARUS

The article is devoted to the comprehension of the ideological and artistic searches of the forgotten poets of Western Belarus Petrus Hranit, Yulian Serhieivich and Kastus Rahoyssha, which were carried out within the framework of the leading lyrical and narrative artistic and stylistic current. The author reveals the involvement of the lyrical hero P. Hranit in the current problems of the West. Hranit's involvement in the actual problems of the West Belarusian reality, the acuteness of his social view, the characteristic assertiveness, immobilisation of the poet's poems, which revealed the objective nature of phenomena and processes, as a rule, connected with a specific chronotope, emphasises the variety of problem-thematic content, the elevation of the spiritual and moral world, the wide range of imaginative and stylistic pattern of Y. Serhieivich's work, in which the Christian religious idea was organically combined with the motives of the struggle against injustice and oppression. The poetry of K. Rahoyssha emphasises the synthesis of elements of narrative and problematic, analytical writing, which was characterised by the author's observation, the ability to notice and emphasise the individual, unique in phenomena and objects, to show them in movement and development.

Keywords: traditions, creative individuality, lyric and narrative, image, spiritual and social, realistic reflection, lyrical hero, figurative and visual

For citation: Mikulich M. U. Forgotten Poets of Western Belarus. *Vestsi Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seriya humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 149–159 (in Belarusian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-149-159>

Уводзіны. XX стагоддзе – адно з самых цікавых і плённых у развіцці беларускай нацыянальнай літаратуры. Вывучэнню гэтага перыяду прысвечаны шматлікія навуковыя працы, у тым ліку фундаментальная акадэмічная “Гісторыя беларускай літаратуры XX стагоддзя” ў 4 тамах і 6 кнігах, даследаванні асноўных праблем і напрамкаў, родаў і жанраў, творчасці вядучых пісьменнікаў і інш. Аднак было б памылковым лічыць, што тут абсалютна ўсё зроблена, належным чынам асэнсавана, зусім не засталася “белых плямаў” і нявырашаных праблем.

Па часе выяўляюцца і ўваходзяць ва ўжытак усё новыя і новыя мастацкія тэксты і дакументальныя матэрыялы, якія дапаўняюць, а то і зусім мяняюць аблічча асобных этапаў і чыннікаў

літаратурнага працэсу і патрабуюць свежых навуковых падыходаў і канцэптуальных рашэнняў, істотных удакладненняў і карэктаваў.

Менавіта да такіх этапных і арыгінальных з’яў нашай нацыянальнай літаратурнай гісторыі належыць паэзія Заходняй Беларусі 1921–1939 гг., у развіцці якой з цягам часу адкрываюцца ўсё новыя і новыя або забытыя старонкі, асобы, матэрыялы.

Асноўная частка. Прадметам нашага аналізу з’яўляецца творчасць цалкам забытых сёння заходнебеларускіх паэтаў Петруся Граніта (1909–1980), Юльяна Сергіевіча (1909–1976) і Кастуся Рагойшы (1921–1964).

Пятрусь Граніт (сапр. Іван Пятровіч Івашэвіч) нарадзіўся 11 студзеня 1909 г. у вёсцы Зачэпічы Лідскага павета Віленскай губерні (цяпер Дзятлаўскі раён Гродзенскай вобласці) у беднай сялянскай сям’і. Магчымасці атрымаць добрую адукацыю ў прагнага да ведаў, здольнага хлопчыка не было – вучыцца давалося толькі ўрыўкамі ў выпадковых настаўнікаў, галоўным чынам па зімах, калі змяншалася інтэнсіўнасць працы па гаспадарцы. П. Граніт скончыў 4 класы польскай школы, вучыўся на шаўца, быў рознарабочым. Пад уплывам грамадскіх настрояў і народна-вызваленчага руху ў Заходняй Беларусі далучыўся спачатку да грамадска-культурных мерапрыемстваў Беларускай сялянска-работніцкай грамады, а пасля да рэвалюцыйнага падполля. У 1930 г. уступіў у Камуністычную партыю Заходняй Беларусі. Удзельнічаў у закладцы партыйных ячэек, распаўсюджваў забароненую літаратуру сярод насельніцтва, выступаў на дэманстрацыях, мітынгх пратэсту, сходах супраць сацыяльнай і нацыянальнай несправядлівасці і прыгнёту, за беларускую школу, іграў у спектаклях, пастаўленых па творах Я. Купалы, М. Чарота, Л. Родзевіча і інш. У сувязі з гэтым неаднаразова арыштоўваўся польскай паліцыяй і падвяргаўся катаванням і здзекам у пастарунках.

Цікавіцца літаратурай і пісаць вершы П. Граніт пачаў пад уплывам падзей нацыянальна-вызваленчай барацьбы і пры падтрымцы вядомага палітычнага і грамадска-культурнага дзеяча Ігната Дварчаніна, з якім быў добра знаёмы. Першы верш “Лета” апублікаваў у “Беларускай газеце” 10 жніўня 1933 г. Друкаваўся ў часопісах і газетах “Летапіс ТБШ”, “Шлях моладзі”, “Наша воля”, “Асва” і іншых, штотыднёвіку “Poprostu”.

У 1939 г. падрыхтаваў да выдання зборнік вершаў “Над хвалямі Нёмана”, які ў сувязі з ваеннымі падзеямі не выйшаў.

Як і большасць тагачасных паэтаў, П. Граніт належаў да вядучай у заходнебеларускай літаратуры наратыўнай, лірыка-апаведальнай мастацка-стылявой плыні, якая жывілася энергіяй шырокіх пластоў насельніцтва, галоўным чынам сацыяльных нізоў грамадства, іх настроймі і перажываннямі. Паэты гэтай плыні Г. Леўчык, С. Станкевіч, Улад. Ініцкі, Ф. Грышкевіч, М. Засім, Н. Тарас і інш. сцвярджалі матывы цяжкага лёсу роднага краю, гаравітай долі беларуса, беднасці вясковага існавання, адлюстроўвалі будзённыя клопаты і турботы селяніна, асабліваці яго маральна-практычнага ўкладу жыццядзейнасці, бязрадаснай, знясільваючай працы на гаспадарцы. У вершах П. Граніта пераважалі карціны цяжкай працы селяніна і рабочага, людскай нядолі, нялёгкага народнага побыту і нястач ва ўмовах несправядлівасці і прыгнёту. “І чысціцца плуг у скібах раллі, / Ратай потам скрапляе загоны, – чытаем у адным з іх. – Дні цяжкае працы ізноў паплылі, / І падсвітвае вецер шалёны”. Яны звярталі на сябе ўвагу найперш праўдай перажытага, натуральнасцю лірыка-апаведальнага дыскурсу, шчырасцю і цеплынёй вобразна-метафарычнага малюнка:

Адгулялі серп з касою,
ўсе палеткі адцвілі,
ўсё панеслі за сабою
ў сінім небе жураўлі.

Смуткам глянула ў вочы
чорна-шэрая ралля,
паказала твар сірочы
спрацаваная зямля.

(“Адгулялі серп з касою...”)

Змрочны, прыгнечаны стан лірычнага героя П. Граніта, вядома, найперш выяўляецца ў адметным характары яго светабачання і логіцы мыслення. Дрэвы ў паэта стаяць з абгалелымі галінамі, вецер грае панурыя гімны, Краіна забытая, разгулялыя ветры топяць “яснае сонца у хмарах, / Па снегам пакрытаму полю / Шалеюць у белых туманах”. “Дні волавам цяжкім павіслі / Над вёскамі стрэх саламяных...”, “Зімовыя сцюжы і ветры / Аб долі іх песні складаюць...” (“Зімовыя дні”).

Нават, здавалася б, вельмі далёкі ад грамадска-сацыяльных праблем і супярэчнасцей лірыка-апавядальны дыскурс П. Граніта пейзажнага характару паступова так ці інакш скіроўваецца да вострых драм і трагедый заходнебеларускай рэчаіснасці:

І з-за лесу, гораў выплыў ясны месяц
і стаў гаспадарыць над палямі, лесам.
Загарэліся іскры на снежных раўнінах,
сыпнуліся зоры на лясы, даліны.

І каротка рэха ціха замірае,
зорным срэбрам месяц вёскі залівае
ды крадзеца ціха каля хат вясковых,
хоча ён паглянучь на галодных, голых.

(“Зімовая ноч”)

Радкі звяртаюць на сябе ўвагу сваёй вобразнай адметнасцю, характэрнай індывідуальна-аўтарскай самавітасцю, паэзіятворчае майстэрства П. Граніта тут відавочнае.

Пры ўсім гэтым у параўнанні, напрыклад, са сваімі папярэднікамі нашаніўцамі паэт сведчыў пра актыўнасць асваення складаных працэсаў грамадскага жыцця, адлюстравання прыроднага свету, выяўлення ўнутранага стану асобы. У яго творах агульнае, калектыўнае прадугледжвала існаванне асобнага. Такія вершы П. Граніта, як “Брукар”, “Песня каваля” і іншыя, характарызаваліся вострай сацыяльнай погляду, наступальнасцю. Яны раскрывалі аб’ектыўную прыроду з’яў і рэчаў, сапраўдную сутнасць падзей і фактаў, як правіла, звязаных з канкрэтным хранатопам, зусім пэўнымі і выразнымі сацыяльнымі ўмовамі і абставінамі жыцця і часу. Што істотна важна, у іх гучалі ідэі духоўна-сацыяльнага і нацыянальна-культурнага абуджэння асобнага чалавека і ўсяго народа краю, кансалідацыі грамадскіх сіл з мэтай супрацьстаяння прыгнёту, якія сведчылі аб сацыяльным аптымізме.

Як гэта выяўлялася? Малады паэт не проста назірае, бачыць тую ці іншую з’яву, падзею ці працэс, а ўмее ўзняцца над імі, даць ім ідэйна-мастацкую афарбоўку, раскрыць яе ў святле актуальных грамадска-палітычных варункаў. Да прыкладу, будзённую працу звычайнага брукара ён насычае асаблівым духоўна-сацыяльным зместам: брукар не проста “Хоча шлях пракласці новы, / Каб не раніць людзям ног”, а “молатам сталёвым / Звоніць, б’е па камянях”, як той волат, высякае молатам агонь. Такім чынам ён не проста брукае дарогу-вуліцу, а “Пракладае новы шлях”:

Новы шлях прамы і роўны,
Каб не раніць болей ног.
Па ім пойдзе люд працоўны
Да святла і перамог.

(“Брукар”)

Звяртаюць на сябе ўвагу адметныя слоўна-вобразныя адзінкі паэта: камяні, молат сталёвы, шлях новы, “мазалістая далонь”, волат, агонь, рэха, іскры, святло перамогі. Вельмі цікавая думка пра верш П. Граніта “Брукар” належыць У. Калесніку: “Ёсць у ім нешта з песень працы Цішкі Гартнага. Сам Граніт вымушаны быў улетку брукаваць дарогі, бо гаспадарка не давала належных сродкаў на прахытак. Паэт ведаў настроі і думы пралетарскіх пластоў заходнебеларускай вёскі і ў сваіх баявітых публіцыстычных вершах шчыра і востра выказваў іх кроўныя інтарэсы.

Праўда, вершам брукара не хапала паэтычнай тэхнікі, многія з іх кампазіцыйна расцягнутыя, стракацяць рыторыкай, агульнымі мясцінамі, шурпатыя па гука-меладычнай структуры, але пры ўсім гэтым шчырыя і праўдзівыя, як жывы голас чалавека, як балючы крык душы, таму захоўваюць каштоўнасць калі не эстэтычную, дык гісторыка-дакументальную” [1, с. 251–252]. І з гэтым цяжка не пагадзіцца.

П. Граніт складае песню-гімн шчыраму, апантанаму працаўніку і яго стваральнай працы, на якой трываліца не толькі матэрыяльны дабрабыт асобнага чалавека, але і духоўна-сацыяльная жыццядзейнасць народа:

Ад працы цяжкое
Ты рук не хавай.
Хоць змучаны, стомлены, –
Песьні сьпявай.

.....
Ці чуеце песьню,
Палі і лясы,
Аб лучнасьці цеснай
Сярпа і касы?!

(“Ад працы цяжкое...”)

Гэта фактычна песня-гімн нялёгкай сялянскай долі беларуса і беларускі, іх еднасці.

У многіх вершах П. Граніта, дарэчы, як і іншых заходнебеларускіх аўтараў, на ўзор дарэвалюцыйных твораў класікаў Я. Купалы і Я. Коласа, вобраз працы нападуняецца глыбокім духоўна-сацыяльным зместам, сімвалізуецца, асацыіруецца з барацьбой за лепшую долю, з вызваленнем і шчаслівым будучым. Індывідуальны, асобны пачатак у іх узбудуняецца, вырастае да масавага, агульнанароднага:

Мой палае горан яркі,
Іскры золата гараць.
Заклікае молат цяжкі
Долю лепшую каваць.

Зьвініць молат на кавадле,
Гне жалеза, плыве пот.
Працай дружнай і заядлай
Долю выкуе народ.

(“Песня каваля”)

Так, чалавека можна пазбавіць свабоды, скаваць яго рукі і ногі, сцвярджае лірычны герой верша П. Граніта “Калі супачыну душою”, але заняволіць свет яго думак і пачуццяў, мар і імкненняў немагчыма. “Паны не адкрылі “навукі”, / Каб думку магла запыняць”, – чытаем у вершы. – “Чым болей прынукі, няволі, / Тым думка яскравей гарыць”:

Калі супачыну душою
І скіну няволі цяжар?
Тады, як ўзьляціць над зямлёю
Агніста-чырвоны штандар! [2, с. 261].

Мы бачым, што лірычны герой П. Граніта характарызуецца бадзёрасцю духу, аптымістычным настроем, верай у перамогу высілкаў патрыятычна настроенай моладзі. У вершы “Кінь нуду і бяду!” ён заклікае:

Кінь нуду і бяду,
Сонцу ў вочы глядзі
І да мэты сваёй
Ўсё прэрднім ідзі!.. [3, с. 23].

Паэт цвёрда верыць у тое, што “прыдуць дні другія, / Прыдуць з полымем гарачым, – / І стары падмінаваны / Затрасецца сьвет іначай” (“Свет трасецца навакола...”). Беларус у яго вершах паўстае як цалкам добразычлівая, дружалюбная, памяркоўная асоба, сціплы, спакойны, працавіты чалавек, часам з хітрынкай, кемлівы, дасціпны, верны свайму грамадзянска-патрыятычнаму абавязку. Ён шмат працуе, многае церпіць, “жыве невясёла”, пакутуе, але да пэўнай пары. Яго цяжкім не бясконцае. Гэта свабодалюбівая, крэатыўная натура, якая ведае сабе цану і неўзабаве даб’ецца сваёй мэты.

Вершы П. Граніта вызначаліся свежасцю адчування з’яў і працэсаў, характэрнай адметнасцю вобразна-метафарычнага мыслення. Паэт умеў заўважыць, як “Вясна снуе шаўковай пражай кросны / і сонца золатам абрус узорны тчэ”, як “сад бельлю пеніцца, бы іней ад марозу, / то краскі пырскаюць на землю малаком” (“Вясна”).

Падчас Вялікай Айчыннай вайны П. Граніт актыўна ўдзельнічаў у антыфашысцкім руху супраціўлення, у змаганні з ворагам, быў сувязным партызанскай брыгады «Барацьба». Пасля вызвалення ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў скончыў Навагрудскае педагагічнае вучылішча (1950), працаваў настаўнікам, дырэктарам пачатковай школы ў Зачэпічах.

Падборкі вершаў П. Граніта змяшчаліся ў калектыўных зборніках “Сцягі і паходні” (1965), “Ростані волі” (1990), у рэспубліканскім друку. У 1978 г. выйшаў зборнік вершаў паэта для дзяцей “Сцяжынка”.

Сваімі адметнымі шляхамі-дарогамі ішоў у літаратуру Юльян Сергіевіч. Нарадзіўся ён 5 жніўня 1910 г., а не 23 верасня, як памылкова падаюць многія нашы даведнікі, у тым ліку і біябібліяграфічны слоўнік “Беларускія пісьменнікі” [4, с. 303], у вёсцы Юраўшчына Ашмянскага павета Віленскай губерні (цяпер Маладзечанскі раён Мінскай вобласці) у беднай шматдзетнай сялянскай сям’і. Магчымасці атрымаць добрую адукацыю ў будучага паэта не было – патрэбна было дапамогаць бацькам “здабываць хлеб надзённы” [5, с. 145]. Закончыў Ленкаўскую пачатковую школу, займаўся самаадукацыяй, працаваў на гаспадарцы. У 1932–1933 гг. як грамадзянін Польшчы Ю. Сергіевіч служыў у польскім войску, пазней вучыўся на сельскагаспадарчых курсах. Браў актыўны ўдзел у грамадска-культурных мерапрыемствах Беларускай сялянска-работніцкай грамады і Таварыства беларускай школы, выступаў у якасці акцёра ў самадзейных спектаклях народных калектываў, пісаў для іх сцэнарыі і інш. У жніўні 1939 г., перад пачаткам Другой сусветнай вайны, Ю. Сергіевіч быў мабілізаваны ў польскае войска. 5 верасня таго ж года ў баях пад Петраковам трапіў у нямецкі палон. Да 20 лютага 1941 г. знаходзіўся ў розных фашысцкіх канцлагерах, у адным з якіх пазнаёміўся і пасябраваў з заходнебеларускімі літаратарамі Міхасём Васільком і Янкам Брылём. Пазней як “остарбайт” служыў на тартаку ў нямецкага баўэра ў мястэчку Прэсат, што ў Баварыі.

Пасля вызвалення Ю. Сергіевіч працаваў настаўнікам пачатковай школы ў Ленкаўшчыне. У 1946 г. быў беспадстаўна арыштаваны органамі НКУС, абвінавачаны і асуджаны на 10 гадоў зсылкі, якую адбываў ў сталінскіх лагерах на Поўначы, у Сібіры і Казахстане.

Вярнуўшыся на радзіму, пасля рэабілітацыі жыў у Ленкаўшчыне, працаваў у калгасе імя У. І. Леніна, займаўся сялянскай гаспадаркай.

Пісаць невялікія карэспандэнцыі ў газеты і вершы Ю. Сергіевіч пачаў вельмі рана, фактычна ледзь толькі авалодаўшы асновамі граматы. Першы яго верш пад назвай “Дуб” быў змешчаны ў 1922 г. не ў “віленскім выданні “Беларускі зван”, як тое адзначаў вядомы культуролаг, фалькларыст і краязнаўца Г. Каханоўскі [5, с. 145], а ў часопісе беларускай моладзі “Маладое жыццё”. Дарэчы, змешчаны за подпісам Юлік Сергіевіч і з характэрнай рэдактарскай спасылкай-удакладненнем: “Верш 10-гадовага вучня Ленкаўскае Беларускае пачат. школы” [6, с. 19]. У ім юнаму паэту ўдалося стварыць даволі цікавы, цёплы, прывабны вобраз волата-дуба.

Ю. Сергіевіч друкаваўся ў віленскіх часопісах “Маланка”, “Шлях моладзі”, у калектыўным зборніку “Рунь веснаходу” (1928), некаторых іншых выданнях. У 1939 г. паэт падрыхтаваў да публікацыі свой персанальны зборнік вершаў, аднак у сувязі з ваеннымі падзеямі ён не выйшаў.

У сваёй ранняй творчасці Ю. Сергіевіч працягваў традыцыі нашаніўскай паэзіі, яна была прасякнута цяжкімі думкамі, самотна-тужлівымі перажываннямі, адлюстраваннем класавасцыяльных праблем і супярэчнасцей заходнебеларускай рэчаіснасці, выяўленнем “мастацкай

канцэпцыі гаротнасці роднага краю” (І. Багдановіч). Герой паэта знаходзіўся ў стане духоўна-сацыяльнай прыгнечанасці, выяўлення скаргаў і нараканняў на несправядлівасць грамадскіх парадкаў і горкую жыццёвую долю:

Вёска панурая, вёска маркотная,
Многа ты лет пражыла!..
Ці адмянілася ж доля гаротная?
Ці прыбыло тут святла?

Ці завітала тут шчасце чаканае
Пачуццём светлых надзей?
Ці адбылося тут што спадзяванае
Сярод гаротных людзей?.. [7, с. 23].

Разам з тым пад уплывам народна-патрыятычнага руху ў краі і ўдзелу ў ім самога паэта яго творчасць паступова набывала аптымістычныя матывы, насычалася светлымі, бадзёрымі інтанацыямі, вобразамі вялікага часу, грамады, вольнага клічу, сходу, сталёнага ўдару, працы, гулкага звону, шчасця чаканага, іскрыстага небазору. У ёй пачынаюць гучаць заклікі да грамадзянскага і нацыянальна-патрыятычнага абуджэння і кансалідацыі дэмакратычных сіл, шырокіх працоўных мас, да бою “за волю нашых родных хат, / за Край радзімы свой!”:

Вялікі час!.. Устань, народ!..
Ударыў гулкі звон!
Ідзі грамадамі на сход,
спяшай з усіх старон!
.....
Ідзі туды, адкуль чуваць
прызыўны, вольны кліч,
дзе волю новую каваць
пачаў сабе крывіч! [7, с. 36].

Ю. Сергіевіч адстойваў каштоўнасці партыі “Беларуская хрысціянская дэмакратыя”. У вершы “Устань, народ!..” ён сцвярджаў ідэі незалежнага развіцця Беларусі. У справе сацыяльнага і нацыянальнага адраджэння беларусаў лірычны герой паэта вялікія надзеі ўскладаў на моладзь, на сыноў вёскі, якія не дадуць яе ў крыўду, не пакінуць у бядзе беларускі народ. Сярод іх ён, зразумела, бачыў і самога сябе:

Хто цябе узбудзіць, вёска?
Хто пакліча да з’яднання?
Хто пакажа вольны, просты
Шлях да сонца, да сьвятання?
Хто прагоніць твае сны?
Гэта мы! Гэта мы!

Мы бачым, лірычны герой паэта – натура паслядоўная, моцная, мэтаймкнёная, валявая, на-строеная на смелыя, рашучыя дзеянні. Яе сілкуюць ідэі свабоды роднага краю:

Я не змоўкну, бо мне думкі
Ўсюды голас падаюць,
Бо ўзоры і малюнкi
Родных вёсак песень ждучь.

Песень з імі аднатонных,
Зразумелых для усіх,
Песень вольных, не прыгонных,
Песень родных, не чужых [7, с. 46].

(“Я не змоўкну...”)

Ю. Сергіевіч валодаў моцнай сілай мастацкага ўяўлення. У вершы “Музыка” свае зрокавыя ўражанні ён удала паядноўвае са слыхавымі і падпарадкоўвае іх служэнню высокай грамадска-сацыяльнай мэце. Родная зямля выпраменьвае чароўную музыку: “Граюць гуслі-самагуды / Мілым тонам пераліўным, / Гэты звон чуваць усюды, / Вабіць гукам сваім дзіўным”. Паэт сцвярджае:

Звоняць гуслі-самагуды...
Гэты гучны звон-пяянне
Сыноў змучанага людю
Заклікае да яднання.

Хто пачуў той звон-пяянне,
Кроў адвагай закіпела;
Выйсці дружна на змаганне,
Стаць напроціў крыўды смела [7, с. 51].

Гэтая дзіўная музыка лагодзіць душу, суцяшае боль, лекуе раны. Яе чароўныя гукі закра-наюць, бяруць пад абладу і лірычнага героя паэта, абуджаюць да жыцця яго песню. Ю. Сергіевіч не толькі развіваў традыцыйныя і звыклія матывы цяжкага лёсу роднага краю, беднасці вяс-ковага існавання, адлюстроўваў будзённыя клопаты і турботы селяніна, асабліва сці яго мараль-на-этычнага ўкладу жыцця, але і сведчыў пра ўзнёсласць мар і мэтаімакненняў, узвышанасць духоўна-маральнага свету лірычнага героя, вастрыню яго ідэйна-эмацыянальных поглядаў і ацэнак.

Цікавы, глыбокі, выдатны верш Ю. Сергіевіча “Вялікдзень”. У ім высокая хрысціянска-рэлігійная ідэя арганічна паядноўваецца з актуальным для жыцця беларускага народа сацыяль-ным матывам. Прышла вясна, а з ёю і вялікае народнае свята – Вялікдзень. З уваскрасеннем Хрыстовым паэт звязвае адраджэнне сваёй Радзімы – Беларусі:

Хрыстос уваскрос! Вось твой сімвал, народ мой гаротны,
І светлае праўды магутны, святы ідэал!
Паўстанеш ты цела і духам сваім несмяротным,
Адкінеш цяжары цябе прыгнятаючых скал.

Паўстанеш, бо толькі надзеі і веры нам трэба,
А светлая праўда жыла і жыве сярод нас.
Сягоння ж прарочыць пагоднае яснае неба
Для роднай краіны святога Вялікадня час.

Здзейсніцца цуд, трэба верыць у гэта, сцвярджае паэт, і спакутаваны народ нарэшце вы-зваліцца ад пут, пазбавіцца “знявагі, няшчасця і слёз”, здабудзе свабоду і зажыве ў дастатку і шчасці:

І станецца цуд! Зажывуць і загояцца раны,
Мы выйдзем да шчасця жывыя і поўныя сіл!
Стаптаныя гоні ізноў будуць намі ўзараны,
А злыбядзь уся расцярушыцца ў порах і пыл!

Вялікдзень. Вясна. Тут жыццё і краса з перамогай.
Канец надышоў для знявагі, няшчасця і слёз.
І ты, Беларусь, ідучы справядлівай дарогай,
Паўстанеш, як з мёртвых калісці Хрыстос уваскрос [7, с. 57].

У адрозненне ад твораў некаторых іншых паэтаў Заходняй Беларусі, асабліва прадстаўнікоў масавай самадзейнай плыні, у тым ліку П. Граніта і К. Рагойшы, вершы Ю. Сергіевіча звяртаюць на сябе ўвагу разнастайнасцю праблема-тэматычнага зместу, даволі шырокім спектрам яго вобразна-стылявога выяўлення. Яны працягвалі традыцыі нацыянальнай рэалістычнай паэзіі,

лірыка-апавядальнага пісьма, часцей за ўсё будаваліся на аснове лагічна-паняційнага прынцыпу, прадметна-інфармацыйнай сутнасці вобразнага адлюстравання і былі звернуты да паказу сацыяльнага сэнсу з’яў і падзей. Разам з тым асаблівасці наратыўнага мастацкага дыскурсу, канкрэтна-гістарычнай аб’ектыўнасці апісання і характарыстык перапляталіся ў іх з даволі глыбокім пранікненнем у вострыя праблемы і супярэчнасці грамадскага жыцця, з драматызмам лірычнага мыслення і перажыванняў, сацыяльна-выкрывальным пафасам. Вершы выразнага грамадзянска-патрыятычнага зместу, прамоўніцкага характару (“Устань, народ!..”, “Гэта мы”, “Я не змоўкну..”) суседнічалі ў Ю. Сергіевіча з прыродаапісальнымі, сацыяльна-бытавымі замалёўкамі (“Успаміны”, “Вёска”). Глыбокія філасофска-медытатывыя рэфлексіі і сентэнцыі (“Асеннія думкі”, “Мары”) дапаўняліся шматлікімі інтымнымі, напоўненымі тонкімі душэўна-псіхалагічнымі згадкамі і перажываннямі (“Ці могуць...”, “Засохшая кветка”). Ён даволі паспяхова звяртаўся да хрысціянска-рэлігійнай праблематыкі, да тэмы паэта і паэзіі і інш. У цэлым мастацкая свядомасць Ю. Сергіевіча вызначалася сінтэзам эмацыянальна-пачуццёвага і наступальна-валявога кампанентаў, сцвярджаннем актыўных пачаткаў жыцця, цвёрдым адстойваннем ідэалаў праўды, высокай маралі, свабоды і справядлівасці.

Шмат у чым падобнымі шляхамі-дарогамі ішоў у літаратуру Кастусь Рагойша, які нарадзіўся ў снежні 1920 г. (дакладная дата невядомая) у вёсцы Пярэжары Валожынскага павета Вілейскага ваяводства ў дружнай і працавітай шматдзетнай сялянскай сям’і. Яго малодшая сястра Надзея ўспамінала: “Каб не траціць год і не ісці хлопцу, калі падрасце, раней часу ў войска, яго запісалі 2 студзеня 1921 года” [8, с. 19].

Бацькі будучага паэта належалі да інтэлігентных, перадавых для свайго часу людзей, яны імкнуліся выхоўваць сваіх шасцёра дзяцей у павазе да старэйшых, клопаце пра бліжніх, у любові да роднай зямлі і працы на ёй, прывіталі ім цягу да ведаў, асветы, творчасці.

З ранніх гадоў Кастусь, бадай, як і кожны вясковец, рос у шматлікіх клопатах і турботах – дапамагаў бацькам па гаспадарцы, даглядаў малодшых у сям’і дзяцей, адольваў навуку чытаць-пісаць, складаць-адумаць, множыць-дзяліць. Ён закончыў Пярэжарскую пачатковую (чатырох-класную) школу, Ракаўскую сямігодку (1935), зарэкамендаваўшы сябе кемлівым, дапытлівым, прагным да ведаў і пазнання вучнем. Дзесьці ў 16–17-гадовым узросце здольнага да навукі і творчасці хлопца пацягнула да вершавання. Несумненна, у гэтым не толькі праявіліся яго асабістыя схільнасці і сімпатыі, але і сказаўся ўплыў папулярнай тады масавай самадзейнай паэзіі, якая была абуджана да жыцця ростам сацыяльнай і нацыянальнай самасвядомасці заходнебеларускага народа, развіццём патрыятычнага руху, актывізацыяй нацыянальна-вызваленчай барацьбы ў краі.

Як П. Граніт і Ю. Сергіевіч, малады аўтар пісаў пра нялёгкае жыццё простых людзей, галоўным чынам сялян, пра складаныя сацыяльна-бытавыя праблемы заходнебеларускай рэчаіснасці, шматлікія грамадска-культурныя ініцыятывы патрыятычна настроенай моладзі, акцэнтаваў увагу на неабходнасці развіцця асветы на роднай мове. У вершах ён маляваў карціны прыроды, паказваў прыгажосць роднага краю, ставіў пытанні сацыяльнай і нацыянальнай справядлівасці, услаўляў спаконвечныя традыцыі і каштоўнасці беларусаў, паэтызаваў свабодалюбівыя імкненні адважных патрыётаў.

Творчасць К. Рагойшы таксама развівалася ў рэчышчы традыцыйнай лірыка-апавядальнай мастацка-стылявой плыні паэзіі Заходняй Беларусі. У аснове яго мастацкай свядомасці – выразны наратыўны прынцып мастацкага адчування і мыслення, паказ грамадска-побывавай сферы жыцця чалавека, галоўным чынам, канечне, сяліна, канкрэтна-прадметная вобразнасць, якія базіраваліся на выяўленні народнага ідэалаў праўды і справядлівасці. У вершах К. Рагойшы пераважалі адлюстраванне падзей, публіцыстычная характарыстыка з’яў, перадача настрояў і пачуццяў лірычнага героя. Пры гэтым, мы бачым, паэт уважлівы да дэталей і падрабязнасцей, тонкіх змен і зрухаў у прыродным свеце і навольным асяроддзі. Напрыклад, ён са спачуваннем заўважае “Пад пакацістай гарою, / на пустынным нетры, / дзе пясчынкі пераборама / прабіраюць ветры”, адзінокую лазінку, якая “гнецца, бураю схіляна, / беднай сірацінкай”:

ЛЯ яе каберцам стала
парастаць травічка.
Людзі, знайце, што цячэ тут
блізенька крынічка [8, с. 13].

Ідучы ў рэчышчы традыцый і напрацовак яшчэ з нашаніўскага часу шматлікіх папярэднікаў, К. Рагойша заклікаў сваіх сяброў і аднадумцаў да працы: “За молат, мой браце, за молат!” (“За молат!”), “Ары й ары! А Божа міласць // Не праміне цябе, араты, – // Бог наш цябе за тваю шчырасць // Нагадзіць жнівом багатым” (“Аратаму”). Праца таксама атаясамлівалася ў яго свядомасці з аб’яднаннем, кансалідацыяй маладых энергічных сіл дзеля барацьбы за свае правы, за праўду, сацыяльную і нацыянальную справядлівасць у краі, асацыіравалася з патэнцыяльным дабрабытам, свабодай і шчасцем:

У бяздоллі, у бязволлі
Дзён прыгоннае пары
Снуём ніці к яснай долі,
К дынамітнае зары!

Рук без ліку, рук гаротных –
Ўзварушыўся працы мах.
Загудзелі калаўроты...
Гэй, снуём радзімы сцяг! [8, с. 15].

Пры гэтым лірычны герой К. Рагойшы адрозніваўся бадзёрасцю духу, аптымістычным настроем, верай у перамогу высылкаў патрыятычна настроенай моладзі:

Праходзіць час драмання, –
На ўсходзе ўжо відней! –
Не час на нараканне,
А час працоўных дней!
.....
Усе мы – ўсе! – да працы,
Хто толькі з нас узрос!
Сапраўды – толькі працай
Здабудзем сабе лёс [8, с. 19].

Разам з тым у шэрагу сваіх твораў К. Рагойша прыкметна адыходзіць ад лірыка-апавядальнага стылю, яго пісьмо набывае выразны праблемна-аналітычны характар. “Аб чым сніш, мой радзімы прастор, / Пад сцюдзёным, лядзяным цяжарам? – пытае лірычны герой верша “Зіма”. – Што гамоніш няўпынна, віхор, / Пушчам, сёлам, палям, цёмным хмарам?”. На першы погляд, пейзажная замалёўка неўпрыкмет перарастае ў сацыяльна-псіхалагічны відарыс, напоўнены глыбокімі духоўна-філасофскімі перажываннямі аўтара:

Не відаць сонца яснага з хмар...
Крылле ўзнялі паўночы вятрышчы
І з-за свету сплылі на папар,
Загулялі тут новае йгрышча [8, с. 15].

Верш заканчваецца яркім метафарычным малюнкам з глыбокім падтэкстам, якія пасяляюць у душы чытача надзею і веру на хуткі прыход вясны і шчасця:

Мароз душыць-гняце ўвесь прастор,
Пад палоззем скрыпіць і галосіць...
Гэй, памчаўся нязнаны віхор, –
З-пад стрэх новыя казкі разносіць [8, с. 16].

Вершы К. Рагойшы з асяродку іншых прадстаўнікоў масавай самадзейнай паэзіі Заходняй Беларусі вылучаліся выразным асобасным характарам, аўтарскай назіральнасцю, умельствам прыкмеціць і вылучыць у з’яве ці прадмеце пэўныя адметныя якасці і асаблівасці, засведчыць іх індывідуальнасць, паказаць іх у руху, развіцці, стварыць малюнак:

Прастор палёў. Дзе глянеш – межы.
Ўсё межы. Межы без канцоў.
Быллём папар заросшы, чорны,
Шапоча марнае жытцо...

А глянеш – панскі там абшар
Шуміць, як мора, буйным збожжам,
Бо пот сялянскі выліт там
І слёзы, кроў і труд паложан [8, с. 16].

Верш “Мінулае” змяшчае характэрныя прынцыпы бінарнай апазіцыі. Аўтар акцэнтуюе ўвагу на сацыяльным кантрасце: з аднаго боку – вузкія зямельныя надзелы беднаты, межы, у былілі чорны зарослы папар, “марнае жытцо”, нэндза, “народ-бунтар”, а з другога – панскі абшар, які “Шуміць, як мора, буйным збожжам”, панская зграя, цемра і прымус...

Актыўная грамадска-культурная дзейнасць, паэтычная творчасць, сацыяльныя і нацыянальныя матывы ў ёй, заклікі да барацьбы за свабоду і незалежнасць зрабілі К. Рагойшу вядомай маладой асобай у ваколліцах Ракава. «Мясцовыя польскія ўлады па-свойму заўважылі здольнага юнака з Пярэжар, – адзначае вядомы літаратуразнаўца і пляменнік паэта Вячаслаў Рагойша. – Пачаліся ўгаворы “пернікам”, запалохванні “пугай” – перайсці ў творчасці на польскую мову. Калі гэта не дапамагло, сталі пагражаць перасяленнем ўсёй рагойшынскай сям’і з “крэсаў” у глыб Польшчы. Сталі знішчаць (паліць у печы ў прысутнасці Косці і яго родных) дасланыя з Вільні беларускія кнігі і перыядычныя выданні. Накладалі на сям’ю штрафы за абы-што, праводзілі вобыскі...» [8, с. 10].

Падчас вайны К. Рагойша працаваў настаўнікам Пярэжарскай пачатковай школы. У 1943 г. скончыў Віленскую настаўніцкую семінарыю.

Пасля вайны працаваў настаўнікам спачатку Пярэжарскай пачатковай школы, затым Выганіцкай школы, а пазней дырэктарам Пугачоўскай сямігодкі, завочна вучыўся на філалагічным факультэце Гродзенскага педагагічнага інстытута.

13 чэрвеня 1948 г. быў арыштаваны ў вёсцы Пугачы і 20 верасня 1948 г. асуджаны пазасудовым органам МДБ за “антысавецкую агітацыю” і “работу настаўнікам” у час нямецкай акупацыі на 10 год папраўча-працоўных лагераў і 5 гадоў пазбаўлення правоў. Вызвалены ў 1954 г.

Памёр, верагодна, 15 кастрычніка 1964 г.

Цалкам рэабілітаваны Вярхоўным Судом Рэспублікі Беларусь 21 студзеня 1992 г.

Высновы. Творчыя пошукі Петруся Граніта, Юльяна Сергіевіча і Кастуся Рагойшы з’яўляюцца прыкметнай старонкай літаратурнай гісторыі Заходняй Беларусі. Яны выяўлялі вострыя праблемы і супярэчнасці заходнебеларускай рэчаіснасці, раскрывалі характэрныя асаблівасці духоўна-сацыяльнай свядомасці беларускага народа на адным з самых складаных этапаў яго гістарычнай жыццядзейнасці па шляху да дзяржаўнай незалежнасці і суверэнітэту. Іх вершам былі ўласцівы натуральнасць лірыка-апаведальнага дыскурсу, дакладная перадача думкі і настрою, прадметна-пачуццёвая канкрэтнасць і выразнасць, характэрная плоцекасць слова. Яны вызначаліся яскравасцю вобразнага малюнка, пэўнай свабодай мастацкай формы, ростам публіцыстычнай напружанасці паэтычнай мовы, пластыкай рытміка-інтанацыйнага гучання.

Спіс выкарыстаных крыніц

1. Калеснік, У. Лёсам пазнае: выбраныя літаратурныя партрэты і нарысы / У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1982. – 557 с.
2. Ростані волі: з заходнебеларускай паэзіі / уклад. і аўтар прадмовы У. Калеснік. – Мінск: Маст. літ., 1990. – 415 с.
3. Граніт, П. Кінь нуду і бяду! / П. Граніт // Шлях моладзі. – 1938. – № 17. – С. 23.

4. Каханоўскі, Г. А. Сергіевіч Юльян / Г. А. Каханоўскі // Беларускія пісьменнікі: біябібліягр. слоўн.: у 6 т. / Ін-т літ. Акад. навук Рэсп. Беларусь, Беларус. Энцыкл. – Мінск, 1995. – Т. 5. – С. 303.
5. Сергіевіч, Ю. За волю нашых родных хат: вершы / Ю. Сергіевіч; уступ. слова і публ. Г. Каханоўскага // Палымя. – 1991. – № 7. – С. 145–148.
6. Сергіевіч, Ю. Дуб / Ю. Сергіевіч // Маладое жыццё. – 1922. – № 3. – С. 19.
7. Юл. Сергіевіч. “Успаміны” і іншыя творы з матываў вясковага жыцця” // ЦНБ НАН Беларусі. – Ф. 23. Воп. 1. Адз. зах. 798.
8. Рагойша, К. Нам сняцца сны пра Беларусь: вершы, эсэ, успаміны / К. Рагойша, А. Рагойша. – Мінск: Кнігазбор, 2008. – 152 с.

References

1. Kalesnik U. *Known by fate: selected literary portraits and essays*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1982. 557 p. (in Belarusian).
2. Kalesnik U. (comp.). *Rostani voli: from Western Belarusian poetry*. Minsk, Mastatskaya litaratura Publ., 1990. 415 p. (in Belarusian).
3. Granit P. Quit boredom and trouble! *Shlyakh moladzi* [The Way of Youth], 1938, no. 17, p. 23 (in Belarusian).
4. Kakhanouski G. A. Sergiyevich Yulian. *Belarusian writers: biobibliography vocabulary*. Vol. 5. Minsk, 1995, p. 303 (in Belarusian).
5. Sergievich Yu. For the sake of our native houses: poems. *Polymya* [Flame], 1991, no. 7, pp. 145–148 (in Belarusian).
6. Sergievich Yu. Oak. *Maladoe zhytstse* [Young Life], 1922, no. 3, p. 19 (in Belarusian).
7. Yu. Sergievich. “Memories” and other works from the motifs of village life”. *Central Scientific Library of the National Academy of Sciences of Belarus*. F. 23. Op. 1. Rep. west 798 (in Belarusian).
8. Ragoisha K., Ragoisha A. *We have dreams about Belarus: poems, essays, memories*. Minsk, Knigazbor Publ., 2008. 152 p. (in Belarusian).

Информация об авторе

Микулич Николай Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, заведующий отделом взаимосвязей литератур. Центр исследований белорусской культуры, языка и литературы, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: mikmik43@gmail.com.

Information about the author

Mikalai U. Mikulich – Ph. D. (Philol.), Associate Professor, Head of the Department of Literature Interrelations. Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Sorganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: mikmik43@gmail.com.

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)
УДК 349:340.11
<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Поступила в редакцию 16.11.2023
Received 16.11.2023

ПРАВА
LAW

Е. В. Перепелица

Национальный центр правовой информации Республики Беларусь, Минск, Беларусь

**МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ НАУКИ
ИНФОРМАЦИОННОГО ПРАВА**

Аннотация. Исследуется методология информационного права – наука, выполняющая особую миссию, связанную с постановкой и решением проблем, которые до недавнего времени были нехарактерны как для юридической теории, так и юридической практики. Цифровой мейнстрим стал настоящим вызовом для академической юридической традиции. Сетевой мир постиндустриальной эпохи продуцирует особые, коммуникативные способы социального взаимодействия, и всегда существует искушение мерить их по прошлым лекалам. Науку права отличает определенная степень консерватизма. Наряду с пьететом традиций, оперативным откликом на свершаемые события невозможно обойтись без свежих объяснительных подходов. Автор стремится показать своеобразие науки информационного права, огранка отраслевой методологии которого происходит в режиме реального времени. При этом одновременно с уже отработанными методами и приемами к анализу информационных и коммуникационных феноменов, явлений и процессов приложимы инновационные подходы. В статье кратко обобщен инструментарий, входящий в привычный обиход информационно-правовых исследований. Представлены компаративный, синергетический, герменевтический, междисциплинарный и иные методы и приемы, эвристический потенциал которых служит дополнительной основой для испытанных средств там, где такие средства недостаточны и нерелевантны информационной повестке.

Ключевые слова: научное познание, сетевое общество, юридическая эпистемология, правовая традиция, информационно-правовые исследования, конвергентные исследовательские средства, сетевая культура, междисциплинарность, сетевое посредничество, коммуникационное право

Для цитирования: Перепелица, Е. В. Методологический инструментарий науки информационного права / Е. В. Перепелица // Вес. Нац. акад. навук Беларусі. Сер. гуманітар. навук. – 2024. – Т. 69, № 2. – С. 160–168. <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Elena V. Perepelitsa

National Center of Legal Information of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus

METHODOLOGICAL TOOLKIT SCIENCES OF INFORMATION LAW

Abstract. The author raises the problem of the relevance of educational means tested by law to the information agenda. The online world has presented legal theory and legal practice with difficult questions. The well-trodden strategies of legal positivism are programmed for a different status state of society than the state of a network-type society. Previous approaches are not always effective regarding communication processes. Information law, more than other legal disciplines, feels the need for creative research tools. Its use is associated with certain risks. However, the formulation and solution of non-trivial cognitive problems requires the reinforcement of traditional methodological strategies with innovative ones. Information-legal, synergetic, phenomenological and other approaches, mastering axiological techniques and convergent techniques are called upon to replenish the heuristic resource of formal dogmatic means. Fidelity to the authority of traditions, together with a readiness to verify unknown research experience, is the way to increase scientific knowledge.

Keywords: scientific knowledge, digital relations, legal epistemology, legal tradition, information and legal research, convergent means, network culture, interdisciplinarity, network mediation, communication law

For citation: Perepelitsa E. V. Methodological toolkit sciences of information law. *Vesti Natsyyanal'nai akademii navuk Belarusi. Seryia humanitarnykh navuk = Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*, 2024, vol. 69, no. 2, pp. 160–168 (in Russian). <https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-160-168>

Введение. Научное познание по обыкновению основывается на открытых истинах, известных закономерностях, наличных системах представлений. В академической правовой традиции, если сузить ее до «культурного типа накопления и передачи научного опыта» [1, с. 5], применяется особая система инструментов. В семантической развернутости она включает общенаучные и конвергентные средства, апробированные схемы анализа, апологетические установки. Право стремится к выработке суверенных знаний об исследуемых объектах и правил оперирования искомыми понятиями.

«Вселенная потоков и барьеров» (П. Ханна) поставила научную юриспруденцию перед вызовом и вынудила ее идти еще не пройденной дорогой. Вместе с тем не прекращаются попытки подведения информационных и коммуникационных процессов под прежние описательные и объяснительные рамки. Юридический позитивизм учит, как двигаться к априорному ответу, точным и выверенным истинам. Согласно подобным установлениям, достаточно оснастить правовым регулированием цифровые отношения, заполнить возникающие лакуны, что снимет все проблемы. Однако превращение сетевых коммуникаций в «окна, через которые человек осознает свое присутствие в обществе» [2, с. 15], порождает новые способы социальной активности, не всегда подвластные привычным рассудочным схемам. Коммуникационные связи и отношения избегают исчерпывающей юридической формализации и слабо напоминают «идеальные действия идеальных субъектов права в идеальном теоретическом пространстве» [3, с. 187]. Прошлая эпистемология подчас демонстрирует нерелевантность относительно сетевого мира постиндустриальной эпохи.

В сложившейся ситуации нацеленным на освоение новых явлений оказывается в первую очередь информационное право, именно оно отчетливо ощущает «перемены в объектах и предметах правового регулирования» [4, с. 5]. Огранка научного инструментария информационного права происходит на памяти ныне живущего поколения. Сказанное напрямую относится к отечественной научной школе информационного права. Помимо сиюминутного отклика на возмущающее воздействие цифровой среды наука информационного права призвана к поиску креативных стратегий познания.

Основная часть. Методология – многослойное образование, состоящее из предписаний, операций, процедур, методических приемов, способов получения научных представлений, методов, учений о них. Посредством методологического инструментария «интерпретируется развитие объекта изучения» [5, с. 16]. Данный инструментарий получает конкретизацию в научных парадигмах, правилах постижения реальности. «Методология и логика отвечают не столько на вопрос “что делать?”, сколько на вопросы “из каких альтернатив и при каких условиях можно или обязательно выбирать способ действия, а из каких надежный выбор невозможен”» [6, с. 141–142]. Свидетельством состоятельности методологии является уважение к авторитету традиций, взыскательность к себе, способность к ревизии накопленного опыта, свежесте и непредвзятому взгляду на мир. При этом своеобразии научного инструментария предопределено конкретной формой знания, будь то эпизодическое, концептуальное, эвристическое и т. д.

В сопоставлении с иными юридическими науками, отраслевая методология которых уверенно проходит по «ведомству» социального знания, информационное право лишено прототипов. Его одновременно питают гуманитарные и естественно-научные онтологии. Основой в познании природы и глубинной сущности информационно-правовых феноменов стал **информационный метод**. Он входит в тандем с технологическим и аксиологическим методами [7, с. 56]. Зарубежные научные школы цифрового права развивают «сетевые подходы и сетевые методологии» [8, с. 74]. Наука информационного права первой соприкасается с неизведанным. Она не сепарирована от предшествующего исследовательского опыта. Наличный набор методов по-прежнему играет неопределимую роль в освоении действительности. Задача состоит в том, чтобы найти разумный баланс между хорошо апробированным и инновационным исследовательским инструментарием.

Обратимся к общенаучным средствам, применяемым в профильных исследованиях по информационному праву. Среди таковых диалектика, исторические, логические методы.

Принципы **диалектики** предполагают рассмотрение тех или иных вещей в неискаженном, беспристрастном виде. Объективность есть то, что помогает избежать опасности «некритического приятия чего-либо просто в силу принадлежности к интеллектуальной моде» [9, с. 273]. Диалектика позволяет двигаться от атрибутивных признаков обозреваемых явлений к научным конструктам. В этом смысле она – искусство вести спор, учение о правильном рассуждении. Диалектическое мышление незаменимо при отделении существенного от второстепенного, понимании амбивалентности обозреваемых явлений. Такое мышление помогает избежать идеализации. Через призму диалектического метода обнаруживается изменчивость общества, погружаемого в коммуникативные сети. При этом сетевое взаимодействие получает такие репрезентации, как способ социальной консолидации и дезорганизации, средство разрешения и усугубления конфликтов, инструмент достижения общественной стабильности и одновременно – распада.

Не умаляя достоинств данного метода, отметим, что он понес потери при материалистической, позитивистской трактовке и, пожалуй, самой крупной из потерь оказалось «отделение Метода от Системы» [10, с. 38]. Материалистическая диалектика, признаваемая в правоведении основным исследовательским принципом вплоть до 90-х гг. XX в., есть частный случай диалектики. И этот случай несимметричен: а) трансцендентальной диалектике; б) тектологии А. Богданова, предвосхитившей кибернетику и общую теорию систем; в) негативной диалектике Т. Адорно. При общности разных диалектик материалистическая была, таким образом, приспособлена к правопознанию, но при этом она утратила многие свои позитивные качества: «В Абсолют была возведена одна из черточек, сторон, граней объективного и способов его познания» [11, с. 75]. Ныне формализованная в таком виде диалектика уступает место иным версиям соответствующего метода.

В науке информационного права диалектика дополняется эпистемологическим ресурсом **исторических методов**. Историзм облегчает поиск, обработку и сопоставление эмпирических и аналитических данных. Он характеризует само юридическое знание как рождаемое в определенном культурно-временном контексте. Вне исторической рефлексии трудно целиком осмыслить тенденции формирования и институционализации механизмов сетевого посредничества. Системно-исторические и хронологические обобщения создают почву для основательных теоретических выводов. Историко-типологический метод выполняет функции «установления скрытого смысла (сущности) в видимости (явленности) внешних выражений различных сторон государственной и правовой жизни общества» [12, с. 47]. В целом исторический подход показывает продвижение государства и общества к новому статусному состоянию, что происходит под влиянием цифровых технологий.

Известные преимущества **логики** заключаются в том, что она поддерживает пошаговые мыслительные действия. Логика образует первооснову многих процедур. Таковы процедуры по выяснению содержательного, смыслового и прагматического значения исследуемых понятий; выработке однозначного, тождественного оценочного отношения к изучаемым явлениям; выдвижению доводов, поиску аргументов, подтверждающих интуитивные догадки; последовательному оформлению умозаключений. Логические операции образуют целостность, которую можно условно обозначить как принимаемый по умолчанию регулятивный инструментарий. О продуктовой работе логики свидетельствует то, насколько основанные на ней приемы увеличивают «степень определенности, простоты и отчетливости знания» [6, с. 172]. Важно, чтобы номинальные информационно-правовые представления преобразовывались в научно-юридические термины, приобретали конкретное категориальное выражение. С такой целью применимы методы «задавания вопросов», формулировки ответов на них в качестве того, что создает почву для конкуренции научных подходов.

В решении поисковых задач, связанных с освоением «кибернетического пространства», как называют информационное медиапространство [13], нельзя ограничиться нормами и стандартами только формальной юридической логики. Последняя, как известно, выросла на почве приложения общей логики в сфере права, фундирована на «дедуктивных методах рассуждений, построенных с помощью специальных формализованных языков по методам математики» [6, с. 179]. В информационной повестке «верные ходы» обычной логики не всегда эффективны. По

этой причине ученое сообщество прибегает к полу- и неформальной логике (Э. Блэр, Р. Джонсон), критическому мышлению, диалогической модели аргументации и всему тому, что отвлечено от шаблонов и способствует решению нетривиальных задач. Признавая формальную логику действенным познавательным инструментом, вопрос о ее применимости должен ставиться в строгую зависимость от контекста, и там, где униформистские логические процедуры проявляют недостаточность, стоит искать дополнительные точки опоры.

На развитие и приращение информационно-правового знания работает **системный метод**. По общему признанию системность помогает все упорядочить, разложить по полкам. Соответствующий метод адаптирован к «любым системным объектам, причем наибольшие результаты он приносит при приложении к сложным системам, не поддающимся аналитическим методам исследования» [14, с. 94]. Из перечня конвенционально-юридических средств в информационной повестке также востребованы системно-функциональный, технико-юридический методы, юридическое прогнозирование. Функционал формально-догматических средств незаменим в части организации и систематизации фактов, «получении достоверной информации о состоянии соответствующей сферы правового регулирования» [15, с. 11] с той важной оговоркой, что набор критериев для оценки такого состояния должен обогащаться новыми.

Информационно-правовое сообщество часто прибегает к **компаративистике**. Среди несомненных достоинств сравнительно-правового метода – преодоление с его помощью одномерности восприятия правовых институтов. Компаративистская позиция открывает возможность сопоставления корпуса отечественных и зарубежных юридических текстов, международных правовых актов, относящихся к искомой сфере. Положительным потенциалом наряду с нормативным и функциональным обладает сопоставление на уровне доктрины, имея в виду позиции ученых по аналогичным вопросам, «способы решения относительно сходных социальных проблем юридическими средствами в различных правовых системах» [16, с. 21]. Вместе с тем при доктринальном сравнении дают о себе знать разный уровень технологического суверенитета, разная мера освоенности информационной сферы, и в такой ситуации полезно **проблемное сравнение**.

В обиходе информационного права – обще- и частноправовые инструменты: индукция и дедукция, абстрагирование, научное моделирование, аналитический и синтетический способы познания, аналогия, гипотеза, многофакторный анализ, экстраполяция. Особо ценны аксиологический, синергетический, герменевтический, феноменологический, междисциплинарный, философско-правовой подходы и методы. При этом их роль может быть как вспомогательной, так и ведущей.

Аксиологический подход (метод) всегда обращен к человеку как ценности, имеющей высшее место в ранге правовых ценностей демократического государства, тогда как в рамках юридического позитивизма ей отводится маргинальная роль. Юридический позитивизм либо инертен относительно жизненных потребностей субъектов права, либо сводит их в усредненную точку. Он «оправдывает любые юридические установления, исходящие от государства» [17, с. 24]. В то же время аксиология видит социум персонифицированным, носящим неоднородные интересы. Легитимными она признает те государственные установления, которые соотносены с запросами и ожиданиями конкретного общества.

Плодотворны модификации ценностного подхода с иными подходами, в частности, культурологическим, цивилизационным, сравнительно-правовым. Это открывает содержательные различия сетевой культуры, присущей различным правовым общностям. Так, «восточный» архетип сетевой культуры преобладает в Китае, Иране, Сирии и других юрисдикциях, преследующих цели обеспечения государственных интересов. Допустимая степень коммуникативной активности граждан в таких юрисдикциях предопределена интересами защиты национальной безопасности, единства, порядка, социальной стабильности [18, с. 77–78]. Для «западного» архетипа сетевой культуры, распространенного в ареале прецедентного права, характерны бережное отношение к индивидуальной свободе человека, ее защита от внешних посягательств, подчинение интересов коллективного целого примату личной неприкосновенности.

Беларусь не принадлежит ни к одному, ни к другому архетипу и следует уникальным путем, хотя *выбор наиболее оптимальной модели правовой регламентации активности сетевых акто-*

ров у нас не завершен. Регулятивное воздействие на сетевое поведение должно ставиться в зависимости от правового уклада, жизнеустройства, разделяемых в обществе ценностей. Стандарты, реализуемые в иных правовых системах, значимы с позиции взвешенного выбора и обоснования собственного пути.

Дополнением к конвенциональным юридическим подходам служит **синергетика**. Ныне она предстает в роли «новой универсальной трансдисциплинарной науки, обещающей дать рецепты того, как малыми воздействиями получить большие результаты» [19, с. 6]. Синергетическая парадигма отчасти компенсирует недостатки наличного познавательного инструментария. Соответствующая методология позволяет снимать с изучаемого предмета проекции. В русле одноименного метода удастся сглаживать полюса и острые противоречия между относительным и абсолютным, случайным и закономерным, теорией и прагматикой, избегать перманентных споров, вызванных их дихотомиями.

Будучи недостаточно концептуально проработанным в юридическом смысле, синергетический аппарат успел зарекомендовать себя как средство преодоления ограниченности «прежде игнорируемых тенденций эволюции и самоорганизации правовой системы и системы права» [20, с. 103]. Применение синергетики принесло свои плоды в объяснении устройства сетевого общества [21, с. 7], разноуровневых сетевых образований в свете их открытости и нелинейности. Синергетика предлагает целостный взгляд на те формы коммуникативного взаимодействия, которые рождает сетевой мир и которые, как правило, рассматриваются обособленно. В связи с позиционированием синергетики как «всеобщего метода, подобного диалектическому, метафизическому» [22, с. 251], существует опасность ее возведения в очередную панацею, заменяющую все прочие принципы освоения окружающей действительности.

Среди новаторских средств, применимых информационным правом, – герменевтика и феноменология. Обозначим главное кредо каждой.

Согласно **герменевтическому подходу**, «для понимания целого необходимо понять его отдельные части, но и для понимания отдельных частей уже должно быть представление о смысле целого» [23, с. 40]. Герменевтика является в одно и то же время теорией, практикой объяснения текста [24, с. 16], искусством понимания «другого» [25]. Это не метод (принцип) познания в обычном смысле, а прежде всего способ творческого толкования и интерпретации фактов. Юридическая герменевтика прекрасно справляется с такими функциями, как, например, «подведение частного случая под общее правило» [26, с. 47]. Интерпретативный подход участвует в раскрытии множественности смыслов изучаемых объектов. При этом в рамках герменевтической системы «к окончательному толкованию “можно лишь приближаться”» [25, с. 26].

К исследовательской стратегии обнаружения в явлениях открытого горизонта значений также причастна **феноменология**. Феноменологический анализ решает задачу умножения концептов. Эту методологию часто упрекают в том, что она применяет средства, лишенные должной технической оснащенности. Тем не менее опыт удачной апробации феноменологического подхода множится, такова характеристика с его помощью института информационной безопасности [27, с. 36–41]. В свете феноменологии нейтрализуются привычные паттерны: «Там, где традиционная гносеология уверенно ставит точку, феноменология только начинает свои дескрипции, открывающие глубины» [28, с. 55]. Обычно приращение знания идет путем систематизации доступных данных и согласования вновь предлагаемых утверждений с уже имеющимися. Новое научное знание образуется посредством «принятия за исходную позицию выкристаллизованных убеждений и теорий, унаследованных от традиции, а дальше – путем надстраивания на этой основе все новых концептуальных элементов» [29, с. 136]. В свою очередь феноменология обращена к непосредственной данности предмета исследования. Феноменологические операции как бы очищены от предыстории, они допускают отход от предустановленных взглядов о сущности вещей, тем самым обеспечивается «живое созерцание». Таким образом, происходит прямое соприкосновение с познаваемой реальностью. Герменевтика и феноменология создают «дескрипции многоаспектных образов» изучаемых объектов [30, с. 15], хотя делают это по-своему.

В информационно-правовых исследованиях участвуют **междисциплинарные стратегии**. Сложилось два основных подхода к видению миссии данных стратегий в исследовательской практике: 1) ограничительный, когда междисциплинарность срабатывает как внутренний диа-

лог смежных (контактирующих) дисциплин, обмен между ними, «объединение выводов из разных областей научных знаний» [31, с. 181]; 2) расширительный, когда происходит взаимная интеграция концепций, исследовательских процедур, к чему присоединяется транзит смыслов, перенос когнитивных схем из одной науки в другую, парадигмальные прививки. Внешняя междисциплинарность возникает либо как «совокупность отдельных предметных дискурсов разных наук, посвященных общему объекту исследования ... либо путем образования единого дискурса на пересечении разных наук в отношении этого объекта» [32, с. 73].

Несмотря на пользу, извлекаемую из таких стратегий [33–34], правовая наука не склонна слишком доверять им. Для отечественного права ближе ограничительная стратегия по причине того, что она не предполагает разработки общего с неюридическими дисциплинами эпистемологического аппарата. В белорусской юридической доктрине культивируются идеи методологической автономности права, отсутствия особой потребности использования в профильных исследованиях достижений иных наук. В силу предосторожности относительно постороннего вмешательства в ткань правовых исследований чужой способ научного видения мира воспринимается юридическим научным сообществом как ненужный «экуменизм».

Стоит признать, что привлечение междисциплинарности связано с рисками. Тем не менее данный инструментарий оправдан и результативен, это «обычный и даже нормальный вид исследовательского взаимодействия» [35, с. 203]. *В информационном праве есть области, освоение которых предполагает пристальное внимание к результатам научных изысканий в других областях.* Скажем, такова правовая квалификация сетевой активности граждан и сетевых форм коммуникации государства и общества, где нужен метаязык и выигрышны мульти-, кросс-, трансдисциплинарные приемы. Они обнаруживают то, что слабо улавливает позитивистски настроенная юридическая методология. Инвариантные способы междисциплинарного синтеза дают положительный эффект, состоящий в том, что при этом раскрываются неочевидные стороны информационных и коммуникационных процессов, эти процессы прирастают новыми коннотациями. Следуя таким путем, гораздо больше полезных свойств можно извлечь из сетевого взаимодействия. «В постиндустриальном обществе науки выходят за рамки того, с чего начиналось их становление, вторгаются в области пограничных наук и создают новые перспективные направления исследований междисциплинарного характера» [36, с. 6]. Цифровая среда благодатна в плане междисциплинарных дискурсов, причем обособленных друг от друга и объединенных. Соответствующие стратегии внутренне имманентны науке и часто ростки нового знания возникают на стыке разведенных друг от друга исследовательских областей.

Еще один инструмент – **философия права**. Одноименной дисциплине свойственно размышлять над тем, каким образом согласуются юридическая догма и юридическая практика. Философско-правовой подход нужен «не для внедрения в юридическую науку инородных ее познавательной ткани суждений, но для ее идейного насыщения. Принципиально важно, чтобы она реализовала функцию методологии критики юридической теории» [37, с. 60]. Философия права ставит больше вопросов, чем предлагает ответов. Такое межотраслевое средство нацелено на иную оптику, чем могут предложить частные исследовательские инструменты. Может показаться, что это не имеет ничего общего с правом, «по основной своей регулятивной функции – явлением практически ориентированным» [38, с. 262]. Но именно таким путем можно избежать крайнего утилитаризма и видеть в сетевых способах взаимодействия ценные для государства и общества возможности, до конца не освоенные правом.

Заключение. Информационному праву ограничены испытанные юридической наукой познавательные средства, оно толерантно к языку права, выработанному прежними столетиями. В то же время оно первым среди прочих отраслевых юридических дисциплин ощущает исчерпанность ресурса известных подходов и потребность в модернизации проверенного арсенала правовой эпистемологии. Для развития методологии науки информационного права доступны разные по развороту перспективы. Наряду с испытанными временем инструментами важно прибегать к «диссидентским» методам, работающим по своим алгоритмам и идущим вразрез с традиционными способами приращения научного знания. Новаторские методы преодолевают сложности, о которые спотыкаются догматические подходы. Распознать в непрерывном потоке информационной эмпирики признаки зарождающегося коммуникационного права возможно в ситуации си-

стемного привлечения и старых, и новых инструментов, каждый из которых предполагает особый фокус анализа. У всякого метода свой объяснительный ресурс. Авангардные инструменты эвристически неравноправны, они также неоднородны в смысле степени своей разработанности. Но они приоткрывают возможность преодоления узкой оптики классически настроенных методов и в отличие от шаблонных исследовательских процедур предлагают более точные и надежные ответы на вызовы времени.

Список использованных источников

1. Дадюкова, М. Н. Перспективы развития юридической науки в будущем / М. Н. Дадюкова // *Science Time*. – 2022. – № 1 (97). – С. 5–13.
2. Бачило, И. Л. Общество, государство и современные информационные технологии / И. Л. Бачило // *Информационные технологии: Инновации в государственном управлении: сб. науч. тр. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам; отв. ред.: Е. В. Алферова, И. Л. Бачило*. – М., 2010. – С. 8–23.
3. Иванский, В. П. Роль философии рациональности в правовых исследованиях (Часть II) / В. П. Иванский, С. И. Ковалев // *Вестн. Рос. ун-та дружбы народов. Сер.: Юрид. науки*. – 2019. – Т. 23, № 2. – С. 184–199. <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199>
4. Запольский, С. В. Новые актуальные основания модернизации в сфере информационного права / С. В. Запольский, В. Б. Исаков // *Правовая информатика*. – 2023. – № 1. – С. 4–14. <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2023-1-4-14>
5. Шатковская, Т. В. Метод исторической критики в современных юридических исследованиях / Т. В. Шатковская, О. Г. Ларина // *Философия права*. – 2019. – № 3 (90). – С. 14–19.
6. Сумарокова, Л. Н. Юридическая логика: коммуникативная концепция / Л. Н. Сумарокова. – Одесса: Фенікс, 2015. – 204 с.
7. Ловцов, Д. А. Системология информационного права / Д. А. Ловцов // *Правосудие*. – 2022. – Т. 4, № 1. – С. 41–70. <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.1.41-70>
8. Жарова, А. К. Развитие науки информационного права за рубежом / А. К. Жарова, В. М. Елин // *Информационное право: учеб. и практикум для вузов / М. А. Федотов [и др.]; под ред. М. А. Федотова*. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2023. – С. 68–75.
9. Аверинцев, С. «AD fontes!» (Афины, Иерусалим, Рим) / С. Аверинцев // *Слово Божие и слово человеческое. Римские речи / С. Аверинцев*. – М., 2023. – С. 273–280.
10. Барсуков, И. С. Границы диалектики И. Канта / И. С. Барсуков // *Вестн. Краснояр. гос. пед. ун-та им. В. П. Астафьева (Вестн. КГПУ)*. – 2009. – № 2. – С. 38–43.
11. Сырых, В. М. Российские правоведы на перепутье: материалистический рационализм или субъективный идеализм? / В. М. Сырых // *Журн. рос. права*. – 2016. – № 1 (229). – С. 75–89. <https://doi.org/10.12737/17233>
12. Малахов, И. П. Многообразие методологий современной теории государства и права: историческая методология / В. П. Малахов // *История государства и права*. – 2009. – № 20. – С. 46–48.
13. Грибанов, Д. В. К вопросу о правовой теории кибернетического пространства / Д. В. Грибанов // *Государство и право*. – 2010. – № 4. – С. 57–62.
14. Ображиев, К. В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы / К. В. Ображиев // *Вестн. Ленингр. гос. ун-та им. А. С. Пушкина*. – 2012. – № 1. – С. 89–96.
15. Напалкова, И. Г. Формально-юридический метод как основа методологии юридического позитивизма / И. Г. Напалкова // *Философия права*. – 2018. – № 3 (86). – С. 7–12.
16. Малиновский, А. А. Методология сравнительного правоведения / А. А. Малиновский // *Вестн. Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2016. – № 3 (19). – С. 9–24.
17. Баев, В. Г. Позитивизм как господствующая теория правопонимания в современной России / В. Г. Баев, О. И. Власова // *Соврем. право*. – 2011. – № 8. – С. 22–28.
18. *Права человека в сети Интернет / М. С. Саликов [и др.]*. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2019. – 148 с.
19. Аршинов, В. И. Синергетика как феномен постнеклассической науки / В. И. Аршинов. – М.: Ин-т философии РАН, 1999. – 203 с.
20. Петров, А. В. Синергетический подход в современных юридических исследованиях / А. В. Петров, А. В. Зырянов // *Вестн. Юж.-Урал. гос. ун-та. Сер.: Право*. – 2017. – Т. 17, № 4. – С. 102–106. <https://doi.org/10.14529/law170419>
21. Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / Д. Б. Абушенко [и др.]; под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М.: Норма : Инфра-М, 2020. – 214 с.
22. Гарашко, А. Ю. Синергетический подход как основа развития системной методологии юридической науки / А. Ю. Гарашко // *Юрид. техника*. – 2023. – № 17. – С. 250–252.
23. Чепкасова, Е. В. Герменевтический и феноменологический подходы к анализу текста / Е. В. Чепкасова // *Библиосфера*. – 2008. – № 1. – С. 39–42.
24. Кожевников, В. В. О герменевтическом методе в правоведении / В. В. Кожевников // *Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Право*. – 2020. – Т. 17, № 1. – С. 15–26. [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).15-26](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).15-26)
25. Шлейермахер, Ф. Герменевтика / Ф. Шлейермахер; пер. с нем. А. В. Вольского; науч. ред. Н. О. Гучинская. – СПб.: Европ. Дом, 2004. – 242 с.
26. Долголенко, Т. Н. Аксиологический и формально-юридический смысл толкования права / Т. Н. Долголенко, О. Е. Финогентова. – Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2013. – 152 с.

27. Макаров, О. С. Правовое обеспечение информационной безопасности на примере защиты государственных секретов государств – участников Содружества Независимых Государств: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.13 / О. С. Макаров. – М., 2013. – 444 л.
28. Габрусь, И. Ф. Потери и находки феноменологии / И. Ф. Габрусь // Великие преобразователи естествознания: Иммануил Кант: тез. докл.: XV Междунар. чтения, Минск, 24–25 нояб. 1999 г. / Белорус. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники; редкол.: А. Ф. Апович [и др.]. – Минск, 1999. – С. 54–58.
29. Улановский, А. М. Феноменологический метод в психологии, психиатрии и психотерапии / А. М. Улановский // Методология и история психологии. – 2007. – Т. 2, вып. 1. – С. 130–150.
30. Пантыкина, М. И. Феноменология правовой жизни: методология и социально-философский аспект исследования автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / М. И. Пантыкина. – Екатеринбург, 2010. – 46 с.
31. Кузнецов, П. У. Синергетические основания правового обеспечения информационных реалий / П. У. Кузнецов // Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании / Д. Б. Абушенко [и др.]; под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М., 2020. – С. 166–183.
32. Кужелева-Саган, И. П. Феномен цифрового кочевничества в современном междисциплинарном дискурсе / И. П. Кужелева-Саган, Д. И. Спичева // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2020. – № 454. – С. 72–87. <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
33. Веренич, В. Г. Релятивное и универсальное в методологии юридической семиотики / В. Г. Веренич // Релятивизм в праве / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. – СПб., 2021. – С. 272–282.
34. Сергевнин, С. Л. Релятивизм в праве и релятивизм правопонимания: правовые ипостаси и правовые методологии / С. Л. Сергевнин // Релятивизм в праве / под ред. И. И. Осветимской, Е. Н. Тонкова. – СПб., 2021. – С. 70–87.
35. Мирский, Э. М. Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки / Э. М. Мирский. – М.: Наука, 1980. – 304 с.
36. Шибут, И. П. Формирование профессиональных компетенций современного журналиста в условиях информационной и коммуникационной конвергенции / И. П. Шибут // Журн. Белорус. гос. ун-та. Журналистика. – 2022. – № 2. – С. 4–9.
37. Малахов, В. П. Философия права и юридические науки: «скованные одной цепью» / В. П. Малахов // Актуальные направления анализа права и правоведения: проблема междисциплинарного понимания и сотрудничества: материалы девятого филос.-правовых чтений памяти акад. В. С. Нерсесянца / Рос. секция Междунар. ассоц. философии права и соц. философии, Ин-т государства и права Рос. акад. наук; отв. ред. и сост. В. Г. Графский. – М., 2015. – С. 54–61.
38. Синюков, В. Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию / В. Н. Синюков. – 2-е изд., доп. – М.: Норма : Инфра-М, 2016. – 670 с.

References

1. Dadjukova M. N. Prospects for the development of legal science in the future. *Science Time*, 2022, no. 1 (97), pp. 5–13 (in Russian).
2. Bachilo I. L. Society, state and modern information technologies. *Informatsionnye tekhnologii: Innovatsii v gosudarstvennom upravlenii: sbornik nauchnykh trudov* [Information technology: Innovation in public administration: collection scientific works]. Moscow, 2010, pp. 8–23 (in Russian).
3. Ivanskiy V. P., Kovalev S. I. The role of rationality philosophy in legal studies (Part II). *Vestnik Rossiiskogo universiteta družby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki = RUDN Journal of Law*, 2019, vol. 23, no. 2, pp. 184–199 (in Russian). <https://doi.org/10.22363/2313-2337-2019-23-2-184-199>
4. Zapol'skii S. V., Isakov V. B. New topical grounds for modernisation in the sphere of information technology law. *Pravovaya informatika = Legal Informatics*, 2023, no. 1, pp. 4–14 (in Russian). <https://doi.org/10.21681/1994-1404-2023-1-4-14>
5. Shatkovskaya T. V., Larina O. G. The method of historical criticism in modern legal studies. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2019, no. 3 (90), pp. 14–19 (in Russian).
6. Sumarokova L. N. *Legal logic: a communicative concept*. Odessa, Feniks Publ., 2015. 204 p. (in Russian).
7. Lovtsov D. A. Systemology of information law. *Pravosudie = Justice*, 2022, vol. 4, no. 1, pp. 41–70 (in Russian). <https://doi.org/10.37399/2686-9241.2022.1.41-70>
8. Zharova A. K., Elin V. M. Development of the science of information law abroad. *Information law, Fedotov M. A. ed.* Moscow, 2023, pp. 68–75 (in Russian).
9. Averintsev S. «Ad fontes!» (Athens, Jerusalem, Rome). *The Word of God and the Word of Man. Roman speeches*. Moscow, 2023, pp. 273–280 (in Russian).
10. Barsukov I. S. Logical bounds of Kant's dialectics. *Vestnik Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V. P. Astaf'eva (Vestnik KGPU) = Bulletin of Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V. P. Astafyev (Bulletin KSPU)*, 2009, no. 2, pp. 38–43 (in Russian).
11. Syrykh V. M. Russian jurists at the crossroads: materialistic rationalism or subjective idealism? *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, 2016, no. 1 (229), pp. 75–89 (in Russian). <https://doi.org/10.12737/17233>
12. Malakhov I. P. The variety of methodologies of modern theory of state and law: historical methodology. *Istoriya gosudarstva i prava* [History of State and Law], 2009, no. 20, pp. 46–48 (in Russian).
13. Gribanov D. V. On the issue of the legal theory of cybernetic space. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2010, no. 4, pp. 57–62 (in Russian).
14. Obrazhiev K. V. Systematic approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Journal*, 2012, no. 1, pp. 89–96 (in Russian).

15. Napalkova I. G. Technic method as a basis of the methodology of legal positivism. *Filosofiya prava = Philosophy of Law*, 2018, no. 3 (86), pp. 7–12 (in Russian).
16. Malinovsky A. A. Methodology of comparative law. *Vestnik Universiteta im. O. E. Kutafina (MGYuA) = Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*, 2016, no. 3 (19), pp. 9–24 (in Russian).
17. Bajev V. G., Vlasova O. I. Positivism as the dominating theory law and right in modern Russia. *Sovremennoe pravo [Modern Law]*, 2011, no. 8, pp. 22–28 (in Russian).
18. Salikov M. S., Nesmeyanova S. E., Mochalov A. N., Kolobaeva N. E., Ivanova K. A. *Human rights on the Internet*. Ekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2019. 148 p. (in Russian).
19. Arshinov V. I. *Synergetics as a phenomenon of post-non-classical science*. Moscow, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 1999. 203 p. (in Russian).
20. Petrov A. V., Zyryanov A. V. Synergetic approach in modern legal studies. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo = Bulletin of the South Ural State University. Series: Law*, 2017, vol. 17, no. 4, pp. 102–106 (in Russian). <https://doi.org/10.14529/law170419>
21. Kokotov A. N., Malinova I. P. (eds.). *Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and socio-legal regulation*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2020. 214 p. (in Russian).
22. Garashko A. Yu. Synergetic approach as a basis development of system methodology legal science. *Yuridicheskaya tekhnika = Juridical Techniques*, 2023, no. 17, pp. 250–252 (in Russian).
23. Chepkasova E. V. Hermeneutic and phenomenological approaches to text analysis. *Bibliosfera = Bibliosphere*, 2008, no. 1, pp. 39–42 (in Russian).
24. Kozhevnikov V. V. About the hermeneutic method in law. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Pravo = Herald of Omsk University. Series Law*, 2020, vol. 17, no. 1, pp. 15–26 (in Russian). [https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17\(1\).15-26](https://doi.org/10.24147/1990-5173.2020.17(1).15-26)
25. Schleiermacher F. D. E. *Hermeneutik und Kritik*. Frankfurt am Main, Suhrkamp, 1977. 466 p. (in German).
26. Dolgolenko T. N., Finogentova O. E. *Axiological and formal legal meaning of the interpretation of law*. Ekaterinburg, UMTs UPI Publ., 2013. 152 p. (in Russian).
27. Makarov O. S. *Legal support of information security using the example of protecting state secrets of member states of the Commonwealth of Independent States*. Ph.D. Thesis. Moscow, 2013. 444 p. (in Russian).
28. Gabrus' I. F. Losses and finds of phenomenology. *Velikie preobrazovateli estestvoznaniya: Immanuel Kant: tezisy dokladov: XV Mezhdunarodnye chteniya, Minsk, 24–25 noyabrya 1999 g.* [Great transformers of natural science: Immanuel Kant: XV International readings, Minsk, November 24–25, 1999]. Minsk, 1999, pp. 54–58 (in Russian).
29. Ulanovskii A. M. Phenomenological method in psychology, psychiatry and psychotherapy. *Metodologiya i istoriya psikhologii [Methodology and History of Psychology]*, 2007, vol. 2, iss. 1, pp. 130–150 (in Russian).
30. Pantykina M. I. *Phenomenology of legal life: methodology and socio-philosophical aspect of research*. Abstract of Ph.D. diss. Ekaterinburg, 2010. 46 p. (in Russian).
31. Kuznetsov P. U. Synergetic grounds for legal support of information realities. *Synergetics and hermeneutics in jurisprudence and socio-legal regulation*. Moscow, 2020, pp. 166–183 (in Russian).
32. Kuzheleva-Sagan I. P., Spicheva D. I. The phenomenon of digital nomadism in the modern interdisciplinary discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2020, no. 454, pp. 72–87 (in Russian). <https://doi.org/10.17223/15617793/454/9>
33. Verenich V. G. Relative and universal in the methodology of legal semiotics. *Relativism in law*. St. Petersburg, 2021, pp. 272–282 (in Russian).
34. Sergevnnin S. L. Relativism in law and relativism of legal understanding: legal hypostases and legal methodologies. *Relativism in law*. St. Petersburg, 2021, pp. 70–87 (in Russian).
35. Mirskii E. M. *Interdisciplinary research and disciplinary organization of science*. Moscow, Nauka Publ., 1980. 304 p. (in Russian).
36. Shybut I. P. Formation of professional competencies of a modern journalist in the context of information and communication convergence. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Zhurnalistika = Journal of the Belarusian State University. Journalism*, 2022, no. 2, pp. 4–9 (in Russian).
37. Malakhov V. P. Philosophy of law and legal sciences: “bound by one chain”. *Aktual'nye napravleniya analiza prava i pravovedeniya: problema mezhdistsiplinarnogo ponimaniya i sotrudnichestva: materialy devyatykh filosofsko-pravovykh chtenii pamyati akademika V. S. Nersesyantsa* [Current directions in the analysis of law and jurisprudence: the problem of interdisciplinary understanding and cooperation: materials of the ninth philosophical and legal readings in memory of academician. V. S. Nersesyants]. Moscow, 2015, pp. 54–61 (in Russian).
38. Sinyukov V. N. *Russian legal system. Introduction to general theory*. Moscow, Norma Publ., Infra-M Publ., 2016. 670 p. (in Russian).

Информация об авторе

Перепелица Елена Васильевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь (ул. Берсона, 1а, 220030, Минск, Республика Беларусь), E-mail: alena.pelitsa@yandex.ru

Information about the author

Elena V. Perepelitsa – Ph. D. (Law), Associate Professor, Senior Researcher. National Center for Legal Information of the Republic of Belarus (1a Berson Str., Minsk 220030, Belarus). E-mail : alena.pelitsa@yandex.ru

ISSN 2524-2369 (Print)
ISSN 2524-2377 (Online)

РЭЦЭНЗІІ
REVIEWS

<https://doi.org/10.29235/2524-2369-2024-69-2-169-171>

Поступила в редакцию 18.08.2023
Received 18.08.2023

А. А. Лазаревич, Н. А. Никонович

Институт философии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

ВЕРА, ИСТИНА, ДОБРО И КРАСОТА

Выход книги известного белорусского ученого, доктора философских наук, профессора, заслуженного деятеля культуры Республики Беларусь В. А. Салеева «Культура на рубеже веков» (Минск: РИВШ, 2023. – 372 с.) является знаковым событием для белорусской гуманитаристики. В монографии рассматривается ряд вопросов, связанных как с сущностью культуры и цивилизации как таковых, так и в их национальном измерении. Автор пишет о «понятийном круге Веры, Истины, Добра и Красоты», который является смыслообразующим для постижения духовного мира культуры. В книге представлено авторское определение культуры как «результата человеческого творения и человеческого оценивания». Здесь важно подметить аксиологический компонент дефиниции, ценностную субстанцию, пронизывающую бытие культуры и цивилизации. Выдающимся ученым разрабатываются вопросы культурологического знания, духовного мира культуры, который предстает во всей своей многогранности. В монографии указывается на недостаточность рационалистической парадигмы: «Опыт приобретенного эмоционального переживания, опыт проникновенного ощущения напрямую связан с духовно-душевными процессами преобразования и совершенствования – такой опыт может быть признан и основанием поиска истины, и основой смысложизненных исканий человека». Взгляд ученого охватывает взаимодействие, коррелятивность культуры и цивилизации, «вселенную» национальной культуры, ее формы и проявления. Конечно же, в монографии представлены и разработанная В. А. Салеевым концепция неоаксиологии, и вопросы эстетического, религиозного опыта, религиозной веры. Духовный опыт как таковой составляет сердцевину культурного бытия, он преломляется сквозь все сферы самовыражения человеческой личности. Осмысление культуры сопряжено с историческим экскурсом в различные эпохи, различные исторические периоды. Культура предстает как многомерное целое, как симфония, в которой каждый звук выражает общую направленность и гармонию. «Мостом», связывающим человеческое и культурное начала, является, по мнению автора, философская антропология.

В монографии представлен ряд фундаментальных для белорусской гуманитарной науки вопросов. Это и сущность национальной культуры, пронизанная духом гуманистического начала, олицетворяющая собой дух народа, и этноэстетика как феномен, и анализ творчества знаковых белорусских персоналий, в котором отражено белорусское мирозерцание. Осмысление ландшафтов белорусской культуры является очень важным для формирования собственной национальной идеи, ответа на вопрос, поставленный Я. Купалой:

А чаго ж, чаго захацелась ім,
Пагарджаным век, ім, сляпым, глухім?
– Людзьмі звацца.

Выдвинутые в книге В. А. Салеева вопросы особенно важны на современном этапе, в трансформирующемся по собственным законам мире, в эпоху миросистемных трансформаций, проис-

ходящих в социуме и культуре, которые затрагивают существенные цивилизационно-культурные основания.

Обращаясь к анализу белорусской культуры, профессор В. А. Салеев не только рассматривает ее проявления, феноменальный уровень, но и анализирует ее глубинные основания и истоки, в чем проявляются широта и многогранность взглядов ученого. В различных аспектах затрагиваются воззрения Ф. Скорины, С. Будного, С. Полоцкого, А. Мицкевича, творчество Я. Купалы, Я. Коласа, М. Богдановича, особенности их художественных образов. Глубину данному изданию придает обращение к идеям представителей различных культурно-исторических пластов и эпох, к разнообразным памятникам философской, литературно-художественной, эстетической мысли. В монографии пересекаются различные культурные миры, это – путешествие от эпохи к эпохе, от мирозерцания к мирозерцанию.

В книге затрагиваются вопросы динамического развития культуры, ее происхождения, характерных особенностей. В своем исследовании «национального круга культуры» В. А. Салеев осмысливает понятие этноса, выдвигая идею бесконечности и бессмертности культуры. Особенно подчеркивается роль национального самосознания для развития национальной культуры – «осознание общности своих интересов и потребностей, наличие ценностной оценки характера своей жизнедеятельности, своего поведения, своего чувственного мироощущения, системы своих идеалов». В этом «круге» большая роль отводится этническому самосознанию, национальной идее. Ученый-философ осмысливает, как формируется национальная идея, какие факторы способствуют ее развитию, какие трансформации она претерпевает. Особое место в этих размышлениях занимает рефлексия над национальным характером, менталитетом, языком. Согласно определению В. А. Салеева, он включает не только «склад ума и характер мышления», но и «чувственно-образное ощущение мира». Осмысление менталитета предполагает духовную составляющую, духовное миробытие. Автор подчеркивает, что «ментальность непосредственно связана с культурой, ибо, исходя из своей ментальности, народ (этнос) выбирает из огромного мира духовных ценностей (мы помним, что культура есть совокупность именно духовных ценностей) те, которые ему органичны, необходимы для существования, созвучны его душе».

Детально проанализированы в монографии белорусская литература в ее различных формах и духовном наполнении, а также роль эпохи Возрождения для развития белорусской культуры и литературы. Подчеркивается вклад Ф. Скорины, С. Будного, С. Полоцкого в развитие национальной культуры, национального самосознания и самовыражения. Ф. Скорина, как отмечается в книге, «уяўляе сабой сапраўдны тып “чалавека Адраджэння”». Значение его творческого наследия для развития белорусской культуры невозможно переоценить.

Работа белорусского ученого «Культура на рубеже веков» охватывает как различные периоды белорусской истории, так и осмысление ее самобытности, ее непростого, но яркого пути. В ней представлены все наиболее знаковые представители национальной литературы, культуры и истории, наиболее значительные периоды их зарождения и расцвета. Это и XIX в., воплотивший в себе творчество Ф. Богусевича, В. Дунина-Марцинкевича, и XX век с его коллизиями и перипетиями, в то же время давший миру такую плеяду писателей, как Я. Купала, Я. Колас, М. Богданович, М. Чарот, Т. Гартный, М. Горецкий, М. Танк, Я. Брыль и др.

Невозможно рассмотрение культуры без религии, и в книге В. А. Салеева представлены их взаимодействие и взаимопроникновение. Анализируется роль христианства, его распространение на белорусских землях. Вадим Алексеевич указывает на значение христианства для цивилизационного развития: «Праз візантыйскі “трансфер” на старажытнарускія землі прыйшлі пісьменнасць, дойдства, выяўленчае мастацтва і яшчэ безліч з’яў культуры». Это именно так, значение процесса распространения христианства на белорусских землях невозможно переоценить. Это и восточнославянская письменность, просветительская деятельность Е. Полоцкой и К. Туровского, архитектура и зодчество. В целом, в издании представлен панорамный взгляд на стадиальность белорусской культуры, на Беларусь – «зямлю на мяжы ментальнасцей і культур», по выражению В. А. Салеева.

Данная книга важна для осмысления всей многоплановости культуры, цивилизации, личности, ее творческого начала, путей ее самовыражения в культурных формах, «структуральных

полях культуры». Монография охватывает весь комплекс теоретических проблем, связанных с формированием культурологии как науки. Затрагиваются фундаментальные вопросы теории ценностей, неоаксиологии и эстетики, духовного мира культуры, проявления художественной культуры в различных темпоральных плоскостях. Особое внимание уделено восточнославянским художественным культурам, что важно в контексте глобализирующегося мира и что открывает перед читателем возможность собственной интерпретации поставленных в книге вопросов.

Информация об авторах

Лазаревич Анатолий Аркадьевич – кандидат философских наук, доцент, директор Института философии Национальной академии наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: institute@philosophy.by

Никонович Наталья Анатольевна – кандидат философских наук, доцент, заведующий сектором философии религии и религиоведения. Институт философии, Национальная академия наук Беларуси (ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, Минск, Республика Беларусь). E-mail: ol_ra@list.ru

Information about the authors

Anatoly A. Lazarevich – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Director of the Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: institute@philosophy.by

Nataly A. Nikonovich – Ph. D. (Philos.), Associate Professor, Head of Sector for Philosophy of Religion and Religious Studies. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus (1 Surganov Str., Bldg 2, Minsk 220072, Belarus). E-mail: ol_ra@list.ru

А. Н. Данилов

Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

ЭКОЛОГИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА НА ПЕРЕЛОМЕ ЭПОХ: ВЫБОР СТРАТЕГИИ СОЗИДАНИЯ БУДУЩЕГО

Выход в свет книги П. А. Водопьянова «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего»¹ далеко не ординарное событие для нашего научного сообщества. Известный белорусский философ, член-корреспондент Национальной академии наук Беларуси выносит на суд общественности, возможно, самую главную свою книгу. Такие судьбоносные работы помимо того, что несут глубокий теоретико-методологический смысл, одновременно имеют практико-ориентированную направленность, заставляют всех живущих на Земле задуматься о своей ответственности, сделать реальные практические шаги по упреждению глобальной экологической катастрофы.

В центре внимания философа П. А. Водопьянова – будущее нашей планеты. Ожидает ли судьба Вавилона всю Землю? Такой вопрос ныне не праздный, ибо тревога все возрастает, а мера её терпения – не предельна. И это не может не волновать всех живущих. Усложнилась демографическая ситуация в мире, значительно возросло загрязнение окружающей среды, произошли крупнейшие природные и социальные катастрофы. Чего стоят только аварии на Чернобыльской АЭС, японской АЭС Фукусима-1, войны и конфликты, террористические акты, уносящие сотни тысяч человеческих жизней, другие кризисные события, возможно, менее известные, но столь же опасные для всего живого на Земле. Неужели стратегия бытия человечества является доказательством слабости человека, его порочности и отсутствия у него возможности даже осознать опасность для собственного существования на этой планете? Ответ в чем-то риторический, но все же нуждается в философском осмыслении.

Экология справедливо выделена П. А. Водопьяновым как приоритетная сфера философской рефлексии. Ноосферный век видится и как выход, и одновременно как проблема. Вот почему угроза наступления экологической катастрофы является следствием утраты нравственного отношения человека к окружающей его природе, рассматривающего последнюю как созданную для удовлетворения его потребностей.

В настоящее время становится очевидным, что беспрецедентная по своим масштабам эксплуатация залежей полезных ископаемых может привести к их полному исчерпанию. Поэтому вполне закономерно в мире нарастает борьба за ресурсы. Наряду с этим усиливающееся загрязнение окружающей среды приводит к изменению состояния атмосферы, поднятию уровня Мирового океана, что ведет к существенному изменению климата, качества окружающей среды, ставит под угрозу жизнь всего человечества.

Рецензируемая книга является квинтэссенцией неустанной работы профессора П. А. Водопьянова по исследованию проблем экологии и устойчивости биосферы как фундаментальной теоретической проблемы, в которой сконцентрированы важнейшие мировоззренческие и методологические аспекты современной науки, уточняющие и углубляющие современную научную картину мира.

В монографии П. А. Водопьянова, помимо того, что обобщается более чем полувековой опыт автора в исследовании глобальных проблем современности, представляющих угрозу ближайшему будущему человечества, существенно расширяется горизонт поиска. Тем более, что решения

и рекомендации Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (Бразилия) в 1992 г. на уровне глав государств и правительств по экологической опасности и сегодня не потеряли своей актуальности, а по отдельным направлениям ситуация существенно обострилась и усугубилась. Особенно это касается промышленного развития, бережного сохранения природных невозобновляемых ресурсов, понимания того факта, что восстановительные способности природы неограниченны.

Первая четверть XXI в. в мире характеризуется глобальной нестабильностью. Отмечаются экспоненциальный рост численности населения, недостаток природных ресурсов и жизненного пространства, загрязнение окружающей среды, появление ранее не известных болезней, таких как COVID-19, увеличивается пропасть между бедными и богатыми, ощущается недостаток финансовых средств у подавляющего количества людей и др. В этих чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом со всей очевидностью становится новое видение роли природной среды в жизни человечества.

П. А. Водопьянов доказывает, что в настоящее время возникла настоятельная потребность изменения вектора социально-экономического развития, который до недавнего времени игнорировал опасность деградации и разрушения природы. Стремление человека освободиться от зависимости от природы, которое стало возможным благодаря достижениям научно-технического прогресса, игнорирование законов эволюции биосферы обусловили высокие уровни жизни в странах Запада. Вместе с тем это обстоятельство неизбежно сказалось на ухудшении качества окружающей среды. Сугубо потребительский вектор социально-экономического развития со всей остротой выдвигает вопрос о перспективах ближайшего будущего цивилизации. И поэтому дальнейшая судьба цивилизации зависит от выбора стратегии будущего мирового сообщества: либо следовать по уже проторенному пути наращивания материального богатства за счет интенсивного экономического роста, ведущего к разрушению и деградации окружающей среды, либо избрать принципиально новый путь – путь согласования социально-экономического развития с законами развития биосферы.

Анализ автором реального положения дел, сложившегося в развитых странах, показывает, что предпочтение, к сожалению, во многих случаях отдается варианту, ориентированному на сохранение и достижение высокого уровня потребления. Подтверждением этого служат грозные очертания глобального экологического кризиса, проявляющегося в нарастании загрязнения окружающей среды, разрушении озонового слоя, многочисленных пожарах, наводнениях, ураганах и других опасных симптомах, затронувших большинство стран мирового сообщества. Именно поэтому формирование новых ценностных ориентаций, основанных на осознании необходимости утверждения коэволюционной стратегии взаимодействия общества и природы, является одной из ключевых задач современной экологической политики.

Потребность изменения сложившихся стереотипов мышления по отношению к природе диктуется и необходимостью обеспечения стабильного социально-экономического развития при сохранении благоприятной окружающей среды и рациональном использовании природно-ресурсного потенциала. К сожалению, констатирует П. А. Водопьянов, в настоящее время не произошло существенных изменений в сфере социально-экономического развития различных стран.

Эти и другие опасные тенденции представляют реальную угрозу для ближайшего будущего человечества и связаны в первую очередь с утратой традиционных нравственных ценностей, духовной деградацией человека и зыбкой верой в достижение стабильного будущего. Выход из такого рода затруднений связан не столько с решением социально-экономических, экологических, геополитических проблем, но и с необходимостью радикального изменения сознания людей, их мировоззрения и нравственных ценностей.

Иными словами, для преодоления кризисных явлений в жизни общества необходимо в первую очередь направить усилия на разрешение духовного кризиса, который породил глобальные проблемы, обострившиеся в последние годы. Дальнейший прогресс в области научно-технических достижений (генная инженерия, нанотехнологии, робототехника и др.) чреват непредсказуемыми последствиями и злоупотреблениями. Преодоление такого рода опасных тенденций развития общества возможно при условии утверждения новых ценностных ориентаций, основан-

ных на учете требований законов биосферы, определяющих возможность становления новой цивилизации и вызывающих необходимость изменения сложившегося вектора развития цивилизации и ее перехода на путь гармоничной социоприродной эволюции на основе утверждения биосферного мышления и создания новой образовательной системы.

Утверждение экологического мышления тесно связано со становлением нового гуманизма, ориентированного на формирование мировоззрения и образа жизни, которые свидетельствуют о приоритетной ценности человека не только по отношению к самому себе и другим людям, но и осознании ценности всех живых существ, относительном равноправии по отношению к другим людям, обществу и природе. Существующая до сих пор ориентация на абсолютный приоритет технологических и технических открытий не может быть признана обоснованной, поскольку достижения науки и техники, превратившие человеческую деятельность в огромную геологическую силу, соизмеримую с действием стихийных сил природы, привели к кризисным явлениям поистине глобального характера.

Профессор П. А. Водопьянов утверждает, что открытия в науке и технике должны содержать нравственное измерение в плане обеспечения нормальной жизнедеятельности людей, их психологического комфорта и эстетических потребностей человека. Достижение этого возможно, если удастся радикально изменить сознание людей, их мировоззрение и ценностные установки. Задача не из легких и быстро решить ее вряд ли получится. Путь один – внедрение коэволюционной стратегии развития, стратегии сопряженной, сбалансированной эволюции общества и биосферы, которая предполагает ограничение масштабов человеческой деятельности и изменение вектора социально-экономического развития в целом. Достижение этой цели возможно на основе широкого внедрения в сферу производства новейших технологий, позволяющих рационально использовать добываемое сырье. Предстоит широкое создание экологически безопасных производств по типу природных, существенно уменьшающих загрязнение окружающей среды, введение запретов на определенные виды деятельности, приводящие к негативным последствиям. В стратегии коэволюции, ориентированной на будущее, содержится установка на изменение всех сфер деятельности людей, в том числе и сферы образования, которое в качестве главного императива должно содержать требования сохранения биосферы в тех пределах, которые допускают ее нормальное функционирование.

В своей новой книге профессор П. А. Водопьянов выдвигает и обосновывает стратегию достаточного развития. Автор полагает, что встраивание человека в природное окружение, подчинение его законам природы, поиск путей преодоления новых вызовов и рисков, обусловленных негативными последствиями достижений науки и техники, определяют основные направления коэволюционной стратегии достаточного развития. Реализация стратегии достаточного развития связана с осуществлением чрезвычайных и непопулярных мер. Это регулирование численности населения; снижение индустриального давления на биосферу за счет внедрения природоподобных технологий; экономное использование природных ресурсов, их замена искусственными; повышение производительности ресурсов за счет внедрения новых технологий; использование альтернативных источников энергии вместо энергии, получаемой от углеводородного топлива; изменение вектора социально-экономического развития на основе его согласования с законами природы; формирование нравственности нового типа и нового гуманизма; переход к эпохе «Нового Просвещения» на основе экологического сознания и мышления; коллективные действия по охране окружающей среды.

Готовы ли мы сегодня принять эту стратегию? Профессор П. А. Водопьянов в своей книге дает вполне ясный послыл, утверждая, что будущее человечества зависит от того, сможет ли разум преодолеть пропасть между технологической мощью и культурной эволюцией. Иными словами, сможет ли человечество разработать и внедрить такого рода технологии, которые в состоянии предотвратить опасности для развития биосферы и человека. Возникновение техногенной цивилизации, в которой доминирующую роль играет техника, где преобладает потребительский вектор экономического развития, где господствует утилитарный, узкопрактический подход к жизни, где снижается внимание к духовной сфере развития человека, неизменно приводит к столкновению человека с природой, глобальному экологическому кризису.

Углубление экологического кризиса со всей остротой ставит в качестве первоочередной задачи проблему выживания человеческой цивилизации, потому фактическое развитие общества должно быть ориентировано не на создание, накопление и потребление материальных благ как определяющий критерий прогресса, а на самосовершенствование человека, воспитание человеческих качеств, открывающих возможность достижения безопасного будущего. Важную роль в достижении безопасного будущего играет и внедрение в сферу промышленного производства природоподобных технологий (НБИКС-технологий), способных существенно повысить производительность ресурсов и ориентированных на предотвращение индустриального давления на биосферу. Аддитивные технологии направлены на отбор нововведений и инноваций, которые послужат основой промышленного развития на ближайшие десятилетия.

Построение будущего основано на осмыслении позитивных достижений опыта прошлого, преодолении негативных явлений человеческой деятельности, выявлении нравственных ориентиров, определяемых самой природой. При этом ценностно-духовные ориентации являются основанием определения социально-экономического развития той или иной страны и всего мирового сообщества. Современное информационное общество оказывает огромное влияние на основы человеческой нравственности, духовный мир человека. Действенным инструментом противодействия этим негативным тенденциям выступает философское мировоззрение, направленное на формирование объективной и целостной картины социальной реальности. Одна из важнейших перспектив развития базовых, мировоззренческих основ общества должна быть связана с возвращением способности осознать смыслы и возможности человеческого бытия как сложной целостной системы, ответственной за развитие жизни в едином комплексе мироздания.

Констатация необходимости утверждения новых ценностных ориентаций, основанных на учете требований законов биосферы, определяющих возможность становления новой цивилизации, становится неизбежным условием сохранения жизни на Земле. В то же время нарастание нерешенных проблем, новых вызовов и конфликтов в первой четверти XXI в. характеризует сегодняшнее состояние жизни на планете как состояние глобальной нестабильности. В этих чрезвычайных условиях кристаллизуются точки роста новой цивилизации, где главным вызовом со всей очевидностью становится новое видение роли природной среды в жизни человечества. Это свидетельствует о том, что будущее планеты зависит от выбора направлений дальнейшего развития человечества. В ситуации перемен, которые значительно активизируют процесс отбора нового контекста в культуре, появляется стремление к быстрому обновлению базовых ценностей без должного историко-социального отбора, что может создавать иллюзию. Возникает опасность пойти по ложному пути и сформировать искаженный образ будущего. Здесь во многом оправдан изначальный консерватизм культуры и ее носителей.

Надо отдать должное автору в том, что рецензируемая книга логически выстроена, в ней учитываются произошедшие в этой сфере многовековые изменения, появившиеся новые данные, анализируется большой массив научной литературы. Круг проблем очерчен обоснованно и четко: сохранение биосферы, проблема устойчивости развития, регулирование социоприродных отношений, вызовы и угрозы будущего человечества, основные факторы жизнедеятельности человека, стратегия безопасного будущего на пути к ноосферному веку. Обозначенные в книге проблемы показаны в мониторинговом режиме, которые со временем, к сожалению, усугубляются и требуют новых усилий со стороны всех и каждого по спасению своей планеты и всего живого, на ней обитающего. Приняло ли человечество этот вызов, покажет будущее, уже недалекое...

Новая монография профессора П. А. Водопьянова написана хорошим литературным языком, каждый тезис аргументирован, практически выверен, автором приводятся новые факты и статистические данные, анализируется позиция международных организаций. Книга хорошо иллюстрирована, рассчитана на широкий круг читателей: научных работников, преподавателей, аспирантов и всех, кто интересуется вопросами прогнозирования путей дальнейшего развития человеческой цивилизации.

Из вышеизложенного вытекают три вполне конкретных предложения. *Во-первых*, монография П. А. Водопьянова «На переломе эпох: выбор стратегии созидания будущего» – это одна из немногих книг, которая может донести до мирового философского общества не только индиви-

дуальные научные искания профессора П. А. Водопьянова, но и наши всеобщие тревоги и поиски ответов на новые вызовы времени. Перевод ее на английский язык имел бы большое значение не только для автора этой книги, но и для всего мирового научного сообщества. *Во-вторых*, книга П. А. Водопьянова представляет не только академический интерес. В ней содержится материал, который помогает решать острые проблемы современности, воспитывать у будущих специалистов ответственность за будущее планеты. Было бы правильным предложить автору подготовить на базе монографии учебник и включить изучение данного предмета в учебные программы наших университетов. *В-третьих*, книга П. А. Водопьянова – это несомненное достижение отечественной социально-философской мысли, данная работа заслуживает выдвижения ее автора на присуждение Государственной премии Республики Беларусь в области гуманитарных наук.

Информация об авторе

Данилов Александр Николаевич – член-корреспондент, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии. Белорусский государственный университет (ул. Кальварийская, 9, 220004, Минск, Республика Беларусь). E-mail: a.danilov@tut.by

Information about the author

Aleksandr N. Danilov – Corresponding Member, D. Sc. (Sociol.), Professor, Head of the Department of Sociology, Belarusian State University (9 Kalvariiskaya Str., Minsk 220004, Belarus). E-mail: a.danilov@tut.by